

Юлия Шипицына

**РОЖДЕНИЕ БОТАНИКИ В БРИТАНИИ:
ИМПЕРСКИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРСЫ
(ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVIII – НАЧАЛО XIX В.)**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Ю. С. Шипицына

РОЖДЕНИЕ БОТАНИКИ В БРИТАНИИ:
ИМПЕРСКИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРСЫ
(последняя треть XVIII — начало XIX в.)

Монография

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2021

УДК 58(410)(092)
ББК 28.5д
Ш63

Научный редактор
В. В. Высокова, доктор исторических наук

Рецензенты:
доктор исторических наук *О. А. Валькова*
(Институт истории естествознания и техники РАН);
кандидат биологических наук *С. В. Мигалина*
(Ботанический сад УрО РАН)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта
Российского научного фонда (проект № 19-18-00186
«Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы
и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)»)*

Шипицына, Ю. С.

Ш63 Рождение ботаники в Британии: имперский и национальный дискурсы (последняя треть XVIII — начало XIX в.): монография / Ю. С. Шипицына; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. — 160 с.: ил. — Библиогр.: с. 148–159. — 300 экз. — ISBN 978-5-7996-3396-7. — Текст: непосредственный.

ISBN 978-5-7996-3396-7

Монография посвящена становлению ботаники как науки на примере исследовательской деятельности натуралистов в контексте формирования имперской, национальной и культурной идентичности в Британии второй половины XVIII — первой четверти XIX в. Различные пути институционализации ботанического знания рассматриваются на примере пяти биографий выдающихся ботаников: Ф. Мэссона, Дж. К. Леттсома, У. Кёртиса, Дж. Сауэрби и Дж. Бэнкса. Стратегии реализации их исследовательского потенциала и презентации результатов научной деятельности исследуются на материале публикаций натуралистов в специализированных периодических изданиях, учебных пособий и дневниковых записей. Особое внимание уделено анализу визуальных источников — ботанических иллюстраций. Новизна данного подхода определяется сочетанием таких направлений междисциплинарных исследований, как история науки, социология науки и визуальные исследования.

Книга предназначена для специалистов, занимающихся изучением истории науки.

УДК 58(410)(092)
ББК 28.5д

На обложке:

Дж. Демпси. Садовник Коупмен в Грейт-Ярмут, 1820-е гг.
Музей и Художественная галерея Тасмании

ISBN 978-5-7996-3396-7

© Уральский федеральный университет, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
Введение.....	8
Глава 1. Имперская ботаника: пути институционализации.....	23
Глава 2. Фрэнсис Мэссон, охотник за растениями.....	38
Глава 3. Джон Кокли Леттсом, врач.....	58
Глава 4. Уильям Кёртис, основатель журнала.....	79
Глава 5. Джеймс Сауэрби, художник.....	96
Глава 6. Джозеф Бэнкс, ботаник.....	117
Заключение.....	144
Библиографический список.....	148

ПРЕДИСЛОВИЕ

XVII–XVIII вв. традиционно считаются временем зарождения науки современного типа, а весь XIX в. — веком роста специализации и институционализации науки¹. Современная историография истории науки предпочитает называть себя историей знания, особенно когда речь идет об эпохах, удаленных во времени.

Говорить об истории знания также принято, когда исследуемый сюжет рассматривается в комплексе с социокультурными, политическими, морально-этическими феноменами; когда границы его перестают быть очерчены стенами лаборатории, обсерватории, библиотеки; когда этот сюжет оказывается связан со множеством людей, интеллектуальных течений, экономических теорий и даже военных действий — одним словом, когда фрагмент истории конкретной дисциплины в процессе изучения превращается в просторное вместилище для междисциплинарных исследований.

При этом история знания — не просто более широкое в сравнении с историей науки исследовательское поле, возникающее ввиду запроса на обновление. Это попытка изменить доверительное отношение к образу научной современности, той самой «нововременной» науки, который «создала и долгое время дополняла история науки»².

¹ См.: *Жэнгра И.* Социология науки. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 8.

² *Дастон Л.* История науки и история знания // *Логос.* 2020. Т. 30, № 1. С. 83.

Также это стремление посредством изучения принципов устройства и традиций складывания тех или иных областей знания опрокинуть натурализацию нарративов, использующих знание, именуемое научным, в коммерческих и идеологических целях³. Не случайно французский социолог Бруно Латур, одним из первых предложивший новый подход к изучению науки в конце 1970-х гг. и во многом ответственный за смещение фокуса истории науки в сторону практик познания и используемых (а не только изобретаемых) технологий⁴, к началу 2000-х гг. решает не просто указать на связь научного и политического дискурсов, но даже помыслить возможность выхода этой связи на новый уровень — сознательный и открытый к обсуждению⁵.

«Не обладая никаким авторитетом в области политических наук, мы предоставляем читателям полную свободу опровергнуть нашу гипотезу и предложить свои, более обоснованные»⁶, — признается Латур во введении к последней работе, и, тем не менее, это обращение непосредственно к политическому представляется логичным и естественным продолжением его исследовательской инициативы.

История знания ставит перед собой задачу если не полемического столкновения, то, по крайней мере, настолько, насколько это возможно, строгого разграничения двух «природ»: той природы, которая непосредственно явлена нам в восприятии, и природы, которая становится объектом научного познания. Вторая, по мысли историков знания, появляется в результате «вторжения» ученых, подвергаясь научному наблюдению, описанию, классификации, экспериментальным опытам и пр. В отличие от экологических ак-

³ См.: Писарев А., Гавриленко С. В поисках ускользающего объекта: наука и ее история // Логос. 2020. Т. 30, № 1. С. 23–24.

⁴ См.: Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

⁵ В 1999 г. выходит его первая работа философско-политического толка «Политики природы. Как привить наукам демократию» (на русский язык переведена в 2018 г.). См.: Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию / пер. с фр. Е. Блинова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018.

⁶ Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации / пер. А. Шестакова. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 13.

тивистов и некоторых социальных философов, историки знания не призывают отказаться от вмешательства в природу, но настойчиво обращают внимание на то, что «сама идея природы, которая является предметом нашей заботы и охраны, — все это результат сложной эволюции наших институтов»⁷.

В данной книге попытки научного подступа к природному миру рассмотрены на примере изучения мира растений. Однако и «история животных» в том виде, в каком она существует сегодня, также вращается вокруг проблемы подчинения природы. Жильбер Симондон⁸, Джон Бёрджер⁹, Оксана Тимофеева¹⁰, исследуя взаимоотношения человека с животными, выходят за рамки историко-философских и культурологических построений и так или иначе затрагивают в своих трудах социально-политические последствия «культурной изоляции животных»¹¹.

Одним из тематических измерений истории знания является история технологий. Американский историк науки Дэниел Хедрик понимает под технологиями «любые пути использования человеком материалов и энергии окружающей среды для достижения своих целей, вне пределов, ограниченных его собственными физическими возможностями»¹². Хедрик расширяет категорию «технологии», включая в нее все возможные устройства и приборы, одомашненных животных и культурные растения, а также «навыки, необходимые для использования их самих и тех систем, частью которых они являются»¹³ и заключает, что история технологий есть не что иное, как «история все возрастающей способности человека управлять

⁷ Куренной В. Почему мы возвращаемся к институтам? // Логос. 2020. Т. 30, № 6. С. 13.

⁸ См.: Симондон Ж. Два урока о животном и человеке. М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2016.

⁹ См.: Бёрджер Дж. Зачем смотреть на животных? М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

¹⁰ См.: Тимофеева О. История животных. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

¹¹ Бёрджер Дж. Зачем смотреть на животных? С. 43.

¹² Хедрик Д. Власть над народами. Технологии, природа и западный империализм с 1400 года до наших дней. М.: Издательский дом «Дело», 2021. С. 14.

¹³ Там же.

природой»¹⁴. Однако первым шагом на пути к подчинению природы неизбежно становится сам процесс ее познания.

На примере ботаники мы видим, как сведенная в таблицы, столбцы и схемы, разделенная на составные части природа становится прирученной. Каждый элемент ее получает название, каждая особь занимает свое место в иерархии растений. Описывая частные случаи этого «приручения», знакомясь как с формальными, так и с очень личными сообщениями натуралистов об их работе, мы старались все время иметь в виду эту проблему неизбежной репрезентации общественно-политических идей и ментальных установок в тот порядок окружающего мира, в тот образ природы, что творили натуралисты.

«Всякий раз, когда мы подвергаемся опасности попасть под чары природы, для отрезвляющего эффекта достаточно будет присовокупить сеть научных дисциплин, позволяющих получить знание о ней»¹⁵, — воспользуемся этим предостережением и критически посмотрим на полный романтики и изящества мир ботаники второй половины XVIII — начала XIX в. — и мы увидим мир имперской ботаники.

¹⁴ Хедрик Д. Власть над народами. Технологии, природа и западный империализм с 1400 года до наших дней. С. 15.

¹⁵ Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию. С. 45–46.

ВВЕДЕНИЕ

«В вопросах науки все мы,
включая социологов науки,
являемся слишком заносчивыми»¹⁶.

Бруно Латур

Что такое Просвещение? — классический кантовский вопрос, на который историкам удобно сослаться во введении в тему¹⁷. Апеллирующие к этому вопрошанию исследователи Просвещения порой забывают, что в 1784 г. газета *Berlinische Monatschrift* опубликовала не просто риторический вопрос Канта, но содержательный, развернутый, а местами и запутанный ответ. По Канту, Просвещение, помимо процесса совершенствования в познаниях, обозначает совершеннолетие, т. е. такое состояние, когда человек способен руководствоваться в своих решениях и поступках собственным разумом, опытом, знанием. «Просвещение есть одновременно и некое поступательное движение, в котором люди участвуют совместно, и отважный поступок, надлежащий совершить лично»¹⁸, — разъясняет мысль Канта Мишель Фуко.

Следуя традиции — открывая повествование о пяти современниках и активных «соучастниках» Просвещения вопросом Канта, автор мог бы на этом закончить вводную часть и направить читателя непосредственно к тексту исследования, отметив, что в предло-

¹⁶ *Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // *Логос.* 2002. № 5–6 (35). С. 223.

¹⁷ См.: *Рикуперрати Дж.* Человек Просвещения // *Мир Просвещения: Исторический словарь* / под ред. Винченцо Ферроне, Даниэля Роша. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 15.

¹⁸ *Фуко М.* Что такое Просвещение? // *Интеллектуалы и власть.* М.: Изд-во Праксис, 2002. Ч. 1. С. 338–339.

женных ему биографиях английских натуралистов он отыщет как варианты личной мотивации и индивидуального выбора, так и пример коллективного многоуровневого взаимодействия на поприще науки. При желании, опираясь на включенные в книгу биографические очерки и имея в виду заявленное сосуществование частного и корпоративного, читатель сумеет составить представление о том, что принято называть Просвещением. Однако актуальная проблематизация представленного в работе сюжета — социокультурного и общественно-политического измерения науки — требует более детальных пояснений.

*Lettsomia cuneata*¹⁹ (Леттсомия клиновидная), *Curtisia dentata* (Куртисия зубчатая), *Sowerbyella imperialis* (Совербиелла имперская), *Massonia depressa* (Массония прижатая), *Banksia serrata* (Банксия пильчатая) — эти названия представителей флоры Южной Африки и Австралии звучат причудливо и непривычно. Скорее всего, они ни о чем не говорят садоводам-любителям и просто далеким от ботаники и микологии обывателям и требуют пояснения. Но за этими короткими названиями — судьбы людей и целый мир открывающегося научного знания.

В соответствии с биноминальным принципом наименования растений, предложенным Карлом Линнеем, в ботанической номенклатуре приняты двухсловные названия на латыни: первое слово — название рода, второе — видовой эпитет. Эпитеты могут повторяться, названия родов — нет (в пределах одного семейства). В сочетании друг с другом они образуют уникальное наименование вида, рядом с которым могут быть указаны фамилия ученого, впервые обнародовавшего название, и год, когда это произошло. Все родовые названия растений, приведенные выше, образованы

¹⁹ Здесь и далее использованы названия, принятые в современной ботанической номенклатуре. Вплоть до начала XX в. имели место разночтения, а среди исследователей случались разногласия по поводу того или другого наименования. Поэтому мы стремились соотнести все видовые названия, которые встречаются в источниках, с современной номенклатурой, и ориентировались на такие влиятельные определители, как The Plant List (<http://www.theplantlist.org/>) и Плантариум (<https://www.plantarium.ru/>). В тех случаях, когда вид не удалось идентифицировать, сохранены оригинальные написания, и это отмечено отдельно.

от фамилий героев этой книги — британских натуралистов, живших во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. Они оставили богатое и разнообразное наследие: от научных публикаций и путевых дневников до ботанических иллюстраций и учебных пособий. Амбициозные, храбрые, внимательные к изменчивости и сходствам в окружающем их мире, они были великолепно образованными натуралистами. Каждый из них прославился в определенной сфере — от медицины до изящных искусств. При этом у всех профессиональный и жизненный путь оказался связан с ботаникой.

Выбор персоналий и помещение их историй под одной обложкой отражают замысел автора: на примере дисциплинарного становления ботаники показать специфику складывания самой инфраструктуры научного знания в Британии. Зарождение корпоративных традиций и вариации карьерного продвижения, исследовательские стратегии и способы презентации результатов проведенных изысканий — все это история человеческих надежд, опасений, симпатий и заблуждений, питаемых в отношении науки.

Процесс рождения ботаники во второй половине XVIII — начале XIX в. — благодатная почва для изучения взаимодействия науки и власти²⁰. О связи национального дискурса и научных исследований в данную эпоху писали Лия Гринфельд²¹ и Лиза Форман Кодди²², в контексте укоренения в английской ментальности такого принципа научных исследований, как польза (англ. *utility*) — Маргарет Джейкоб и Ларри Стюарт²³.

Часто о роли науки в формировании британского национализма говорят в связи с личностью Исаака Ньютона (1643–1727)

²⁰ См.: *Hodge J. M. Science and Empire: An Overview of the Historical Scholarship // Science and Empire. Knowledge and Networks of Science across the British Empire, 1800–1970 / ed. Brett M. Bennett, Joseph M. Hodge. London : Palgrave Macmillan, 2011. P. 3.*

²¹ См.: *Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М. : ПЕРСЭ, 2012.*

²² См.: *Cody L. F. Birthing the Nation: Sex, Science and the Concept of the Eighteenth-Century Brittons. Oxford : Oxford University Press, 2005.*

²³ См.: *Jacob M. C., Stewart L. Practical Matter. Newton's Science in the Service of Industry, 1685–1851. Harvard : Harvard University Press, 2004. P. 111–112.*

и его достижениями в области физики, математики, астрономии и оптики²⁴. Открытия Ньютона прославили английскую науку на континенте. Более того, они заложили фундамент будущей промышленной революции — как в практическом отношении, так и с точки зрения ценностной ориентации англичан на прогресс и рациональную организацию всех сторон жизни, а также побудили европейские континентальные государства равняться на Англию как покровительницу наук²⁵. Эту историографическую традицию хорошо иллюстрируют слова писателя Питера Акройда: «Иногда говорят, что он [Ньютон] в одиночку проложил дорогу к английской промышленной революции, а также к нынешним исследованиям космоса»²⁶.

Ньютон, как олицетворение эффективности эмпирического метода познания, действительно становится важным символом научной картины мира данной эпохи. Не случайно голландский физик Христиан Гюйгенс (1629–1695) подверг критике фундаментальный труд Ньютона «Математические начала натуральной философии» (1687)²⁷ за то, что содержание в некотором смысле расходилось с названием: математическое исследование движения тел в Солнечной системе на основе гравитации ничего общего с натурфилософией не имеет, поскольку не объясняет непосредственно причин гравитации²⁸. Резонанс вокруг «Математических начал...» отражает нарождающийся конфликт принципа инструментальности научных исследований с созерцательным теоретизированием, присущим натуральной философии. Это противоречие научных идеалов сохраняется и по сей день. «Так как господствующая идеология современной науки внутренне нестабильна, то, что рассма-

²⁴ См.: *Jacob M. C., Stewart L.* Practical Matter. Newton's Science in the Service of Industry, 1685–1851.

²⁵ См.: *Molthof M.* The Industrial Revolution and a Newtonian Culture. URL: <https://www.e-ir.info/2011/08/24/the-industrial-revolution-and-a-newtonian-culture/> (date of access: 30.09.2021).

²⁶ *Акرويد П.* Ньютон. М. : Изд-во КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2011. С. 245.

²⁷ См.: *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии. М. : Наука, 1989.

²⁸ См.: *Деар П.* Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время // Логос. 2020. Т. 30, № 1. С. 42.

тривается в качестве науки, постоянно требует переустройства и переделки»²⁹, — утверждает Питер Деар.

Итак, заслуга Ньютона, помимо прочего, заключается в утверждении принципа инструментальности. Во многом благодаря этому принципу первостепенными критериями знания становятся прагматизм и эффективность. Однако прежде, чем практическая польза научного знания «разогнала» производство до масштабов промышленной революции, «ньютоновская наука» (англ. *Newtonian science*)³⁰ удивительным образом превратилась в «бэнксианскую науку» (англ. *Banksian science*)³¹.

Ботаник Джозеф Бэнкс (1743–1820) с 1773 г. являлся советником короля Георга III по развитию Королевских ботанических садов Кью, а с 1778 г. и до момента своей смерти в 1820 г. оставался президентом Лондонского королевского общества. За полувековой период заботы о развитии ботанического знания Джозеф Бэнкс оказал беспрецедентное влияние на развитие науки в Британии. В историографии этот период получил название «эра Бэнкса»³², а организованная при участии ученого сеть коммуникаций внутри академического сообщества — «бэнксианская просвещенная империя»³³.

Понятия «ньютоновская наука» и «бэнксианская наука» характеризуют состояние научного знания и принципы его организационной структуры в Британии в целом с конца XVII и примерно до середины XVIII в. и в последнюю треть XVIII — первую четверть XIX в. соответственно. Если проводить различия в приоритетной

²⁹ См.: Деар П. Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время. С. 54.

³⁰ См.: Molthof M. The Industrial Revolution and a Newtonian Culture. URL: <https://www.e-ir.info/2011/08/24/the-industrial-revolution-and-a-newtonian-culture/> (date of access: 30.09.2021).

³¹ См.: Gascoigne Jh. Science and the British Empire from its Beginnings to 1850 // Science and Empire. Knowledge and Networks of Science across the British Empire, 1800–1970 / ed. Brett M. Bennett, Joseph M. Hodge. London : Palgrave Macmillan, 2011. P. 53.

³² Batsaki Y., Cahalan S. B., Tchikine A. Introduction. The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century. Washington : Harvard University Press, 2017.

³³ Miller D. Ph. The Royal Society of London 1800–1835: a study of cultural politics of scientific organization (phd thesis). University of Pennsylvania, 1981. P. 3.

предметной области, то в первом случае это будет, конечно, физика и математика, а во втором — ботаника и систематика.

Ключевым отличием между Newtonian science и Banksian science является уровень институционализации научного знания. Именно оформление таких институций, как специализированные периодические издания, публичные ботанические сады, различные профессиональные сообщества, не зависящие от академии, а также определенные процессы формализации в работе самого Лондонского королевского общества, создают новую организационную структуру научного знания и способствуют формированию научно-исследовательской кооперации. В этой кооперации постепенно утверждаются нормы социализации исследователей и иерархия взаимоотношений между ними.

В контекстуальном плане разница между Newtonian science и Banksian science лежит в области доминирующей дискурсивной практики, оказывающей влияние на науку. Как отмечалось выше, период «ньютоновской науки» — это момент, когда пиетет по отношению к научным исследованиям становится частью британского национализма, «новым национальным талантом Британии»³⁴. Также это момент, когда наука превращается в соревновательную площадку за утверждение национального престижа, что проявляется и в соперничестве за приоритет сделанных открытий, и в стремлении подготовить наиболее полные и красочные научные издания на английском языке, а также в указании на ошибки иностранных коллег.

Национальный дискурс органично вписывается и в структуру «бэнксианской науки».

Существенное влияние открытий и достижений ботаники на формирование научной картины мира в указанный период в целом, а также неоднозначность факторов этого влияния, в числе которых имперский дискурс, описаны в классических исследованиях Люсиль Брокуэлл³⁵, Лонды Шибингер и Клаудии Свон³⁶, Сары

³⁴ Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. С. 85, 88.

³⁵ См.: Brockway L. Science and Colonial Expansion: The Role of the British Botanic Gardens. Yale : Yale University Press, 2002.

³⁶ См.: Schiebinger L., Swan C. Colonial Botany: Science, Commerce, and Politics in the Early Modern World. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2004.

Ирвинг³⁷. Показательными примерами изучения биографий сквозь призму имперской идентичности являются труды Джона Гаскона³⁸ и Патриции Фары³⁹, посвященные Джозефу Бэнксу.

Выявление как минимум трех контекстов, в которых протекает бурное развитие ботанического знания в данный период: политического, научного, эстетико-символического, привело к появлению такого теоретического концепта, как «имперская ботаника» (англ. *botany of empire*)⁴⁰. Этот концепт, в свою очередь, сформировал целое направление исследований, которое в последние два десятилетия оказывается одним из наиболее привлекательных для специалиста по истории науки⁴¹. Тематика взаимодействия имперской власти и научных институтов затрагивается в работах, вошедших в следующие сборники и монографии: тематический раздел *Transactions of the American Philosophical Society*, подготовленный по итогам одноименной выставки «Чучела птиц, гербарии и стандартизированное знание: естественная история в Северной Америке, 1730–1860» (2003)⁴²; специальный выпуск *Journal of History of Science and Technology*, посвященный теориям и практикам распространения естественно-научных образцов и формирования коллекций в XVIII–XIX вв. под заголовком «Перемещенные природные объекты. Науки в пространстве “между”»

³⁷ См.: *Irving S. Natural Science and the Origins of the British Empire*. London : Routledge, 2008.

³⁸ См.: *Gascoigne J. Joseph Banks and the English Enlightenment: Useful Knowledge and Polite Culture*. Cambridge : Cambridge University Press, 1994; *Science in the service of empire: Joseph Banks, the British state and the uses of science in the age of revolution*. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.

³⁹ См.: *Fara P. Sex, botany, and empire: the story of Carl Linnaeus and Joseph Banks*. 2003; *Fara P. The Presidential portraits: Joseph Banks in The National Library // National Library of Australian News*. 1998. Vol. 9, Nr 3. P. 7–10.

⁴⁰ Подробнее см.: *Шипицына Ю. С. Империя и власть знания: современные подходы к изучению ботаники в XVIII в. // Диалог со временем*. М. : Аквилон, 2021. Вып. 76, № 3. С. 452–455.

⁴¹ См.: *Moss S. R. Cultivating Curiosities: Plants as Collections in the Eighteenth century* (phd thesis). Heslington, 2018. P. 17.

⁴² См.: *Stuffing Birds, Pressing Plants, Shaping Knowledge Natural History in North America, 1730–1860 // Transactions of the American Philosophical Society. New Series*. Vol. 93, Nr 4. 2003.

(2012)⁴³; сборник «Имперская ботаника в долгом восемнадцатом веке» коллектива исследовательского центра «Думбартон Окс» в Вашингтоне (2017)⁴⁴.

Представляется, что в сосуществовании национального и имперского дискурсов в бэнксианский период истории науки в Британии нет противоречия, как и в том, что ведущими областями исследования в ньютонианской и бэнксианской науках являются разные дисциплины. В XVII–XVIII вв. еще не существовало такого дисциплинарного разделения. И физика, и ботаника являлись частью единого исследовательского поля — изучения природы во всем многообразии ее проявления. При этом ботаника была частью такого общего понятия, как естественная история (англ. *natural history*). Подчеркнем, «естественная история» и «естествознание» — нетождественные понятия. Естественная история в XVII–XVIII вв. объединяла в себе области, которые позднее, с конца XIX в., выделяются в такие дисциплины, как «ботаника», «зоология» и «минералогия».

Обратимся к схеме научного знания, данной Эфраимом Чамберсом (1680–1740), автором необычайно популярной в первой половине XVIII в. «Циклопедии, или Всеобщего словаря искусств и наук» (1728). «Циклопедия» была издана впервые в двух томах на английском языке, впоследствии неоднократно дополнялась и переиздавалась вплоть до 1788 г. и послужила образцом для знаменитой «Энциклопедии» Дидро и Даламбера (рис. 1).

Стоит отметить, во-первых, что Чамберс для обозначения всех исследовательских областей использует слово «знание» (англ. *knowledge*). Во-вторых, все знание у него делится на «природное» и «научное» (англ. *natural, scientific*) и «ремесленное» и «техническое» (англ. *artificial, technical*). Знание о природе, т. е. «научное», в свою очередь распадается на две области: «чувственное» [познание] и «рациональное» [познание]⁴⁵.

⁴³ См.: Moved Natural Objects. Spaces in Between // J. of History of Science and Technology. 2012. Vol. 5.

⁴⁴ См.: The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century. Washington : Harvard University Press, 2017.

⁴⁵ См.: Chambers E. Cyclopediæ, or An Universal Dictionary of Arts and Sciences. London : Printed for James and John Knapton, John Darby and others, 1728. Vol. 1. P. ii.

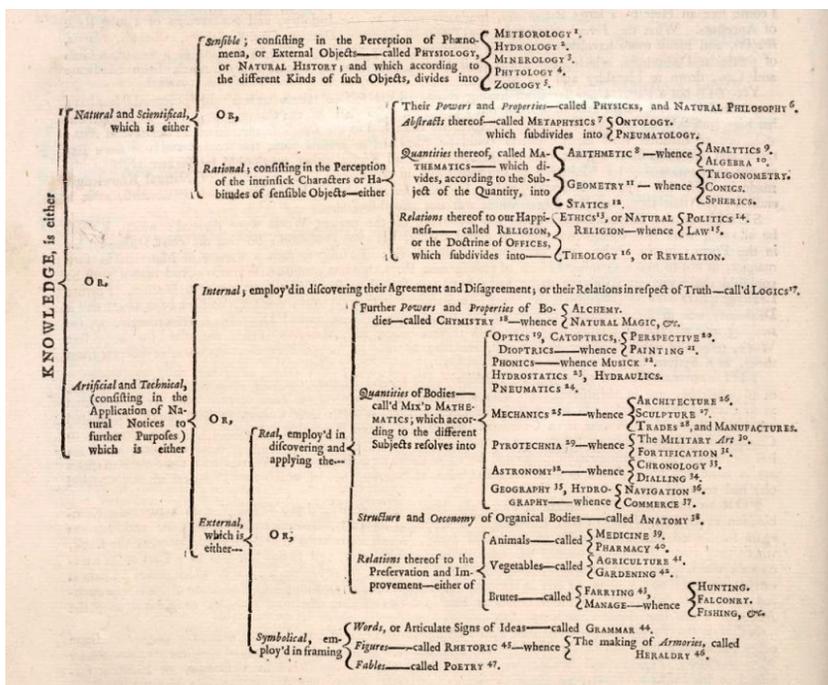

Рис. 1. Схема научного знания, данная в «Циклопедии» Э. Чамберсом, 1728 г.⁴⁶

По Чамберсу, чувственное, или опытное, познание природы происходит в русле естественной истории, которая «включает в себя феномены или внешние объекты», и подразделяется на «метеорологию, гидрологию, минерологию, фитологию и зоологию»⁴⁷. В классификации Чамберса отсутствует слово «ботаника», но упоминается фитология как общее знание о растениях. Физика, натуральная философия, арифметика, геометрия и другие отнесены к области рационального познания, т. е. такого, что исследует «данные в восприятии сущностные черты или свойства чувственных объектов»⁴⁸.

⁴⁶ См.: *Chambers E. Cyclopaedia, or An Universal Dictionary of Arts and Sciences*. Vol. 1. P. ii.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibidem.

Таким образом, естественная история обозначает совокупное, еще не расчлененное знание о мире растений, животных и минералов и действительно не включает в себя физику, однако и не противопоставляется ей. Агрономическое знание и садоводство, равно как и механика, напротив, вынесены в отдельную сферу «технологий». К технологиям отнесены также медицинское знание и фармакология⁴⁹.

Помимо терминологического разъяснения, необходимо сказать об историографии, рассматривающей естественную историю как повсеместно распространенное во второй половине XVIII — начале XIX в. явление научной культуры, формирующее специфическую картину мира, в основе которой лежит убежденность «в возможности постижения и покорения человеком природы»⁵⁰, а также как «расходящееся направление культурных практик, направленных на понимание, объяснение и хозяйственную каталогизацию естественного мира»⁵¹. По мнению российско-американского культуролога Михаила Ямпольского, «особенность естественной истории (и ее отличие от описаний памятников) заключалась в том, что она обращена на объекты, по сути, не имеющие истории, как бы существующие вне времени. Объекты эти никак не укоренены в “дискурсивных практиках” и являются, так сказать, объектами чистой видимости, совокупностью поверхностей, форм и цвета. Соответственно, естественная история изначально мыслит не столько в темпоральных категориях, сколько в категориях больших картин, коллекций, в которых объекты разных эпох и разных стран помещены вместе, в некоем кристалле одновременности, отражающем принцип непрерывности природы»⁵². На неоднозначность понятия

⁴⁹ См.: *Chambers E. Cyclopaedia, or An Universal Dictionary of Arts and Sciences. Vol. 1. P. ii.*

⁵⁰ *Prince S. A. Stuffing Birds, Pressing Plants, Shaping Knowledge Natural History in North America, 1730–1860 // Transactions of the American Philosophical Society. New Series. Philadelphia : American Philosophical Society, 2003. Vol. 93, Nr 4. P. 1.*

⁵¹ *Шейпин С. Научная революция // П. Деар, С. Шейпин. Научная революция как событие. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 318.*

⁵² *Ямпольский М. Б. История культуры как история духа и естественная история // НЛО. 2003. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/istoriya-kul'tury-kak-istoriya-duha-i-estestvennaya-istoriya.html> (дата обращения: 23.11.2020).*

указывала в своих работах и американский историк Сью Энн Принс: «естественная история» — любопытный термин. Не будучи ни «естественной», ни «исторической», это одновременно и концепция, и практика: концепция, которая до недавнего времени строилась на убеждении, что природа может быть разьединена и систематически уложена в большие стандартные схемы, и практика, которая включала в себя все: от чучел птиц и гербариев до исследования костных останков и создания иллюстраций»⁵³.

Специфика работы с источниками по истории ботаники заключается в необходимости знания методов и терминов, понимания логики исследования таких разных дисциплин, как история, ботаника и визуальные исследования (англ. *visual studies*), а также применения целой совокупности различных приемов и навыков работы с источником: знания существовавших в исследуемый период систем классификации растений, понимания отличий между биномиальным и полиномиальным принципами наименования видов; умения расшифровывать библиографические описания, используемые ботаниками, и на их основе реконструировать личную библиотеку и уровень владения терминологией того или иного автора; способности идентифицировать растения по их изображениям на иллюстрациях и гербарным коллекциям⁵⁴; а также понимания специфики коммуникации между натуралистами, которые могли поддерживать контакты посредством корреспонденции, совместного участия в экспедициях, составления каталогов коллекций

⁵³ Prince S. A. *Stuffing Birds, Pressing Plants, Shaping Knowledge Natural History in North America, 1730–1860*. P. i–xviii.

⁵⁴ Среди выдающихся образцов такой междисциплинарной работы по реконструкции библиотеки натуралиста, маршрутов перемещения его коллекторов, а также идентификации растений по иллюстрациям и гербарным коллекциям нужно отметить коллективный труд отечественных ботаников и специалистов по истории науки, посвященный гербарной коллекции доктора медицины Абрахама Энса (1713–1770), а также публикацию *Florilegium* — обширного собрания ботанических иллюстраций Дж. Бэнкса, осуществленную совместными усилиями британских специалистов: историка, искусствоведа и ботаника (см.: *Травопознание Абрахама Энса, доктора медицины / авт.-сост. А. К. Сытин, Д. Д. Сластунов*. СПб.: Любавич, 2020; *Gooding M., Mabberley D., Studholme J. Joseph Banks' Florilegium: Botanical Treasures from Cook's First Voyage*. London: Thames & Hudson, 2019.

и «содержимого» ботанических садов, peregrinations⁵⁵, патронажа⁵⁶ и ученическо-наставнических отношений⁵⁷.

При написании книги автор обращалась к различным видам источников. В частности, были рассмотрены такие законодательные акты, как хартии Лондонского королевского общества⁵⁸. В качестве документов делопроизводства изучены инструкции, составленные для участников первой кругосветной экспедиции Дж. Кука (1768–1771)⁵⁹. Среди материалов публицистики использованы отдельные номера *Philosophical Transactions of the Royal Society*

⁵⁵ Peregrinations (от лат. *peregrinatio* — странствование, путешествие за границу) — традиция перемещения студентов от одного университета к другому, основанная на праве свободного выбора учебного заведения. «Набираясь учености, они посещали библиотеки и кабинеты редкостей, слушали лекции известных профессоров. Патриархальные обычаи позволяли посещать юношам дома их наставников и принимать участие в застольной беседе в уютном семейном кругу, не пренебрегая при этом скромными возлияниями доброму Бахусу» (*Сытин А. К. Ботаник Петр Симон Паллас. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2014. С. 18*).

⁵⁶ Высокая роль патронажа в данный период объясняется отсутствием слаженных механизмов профессионального продвижения и стабильного дохода в сфере науки. Только обладавшие значительным количеством материальных ресурсов и свободного времени люди могли посвятить себя науке, остальные так или иначе зависели от своего покровителя. «Официальных должностей было мало, и они не были защищены от социальных и политических потрясений своего времени» (*Жэнгра И. Социология науки. С. 31–32*).

⁵⁷ Характерными примерами зависимости научной карьеры от взаимоотношений с учителем и покровителем являются истории взаимодействия Дж. Бэнкса со своими протеже: Сидни Паркинсоном (1745–1771), Чарльзом Благденом (1748–1820) и Гемфри Дэви (1778–1829) (см.: *Gooding M. The Voyage of Endeavour, 1768–1771 / The Making of Banks Florilgium I // M. Gooding, D. Mabblerley, J. Studholme. Joseph Banks' Florilegium: Botanical Treasures from Cook's First Voyage. P. 7–19; Wills H. Joseph Banks and Charles Blagden: cultures of advancement in the scientific worlds of late eighteenth-century London and Paris // Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society, 2019. P. 477–497; Fullford T. The Role of Patronage in early nineteenth-century science, as evidenced in letters from Humphry Davy to Joseph Banks // Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society, 2019. P. 457–475*).

⁵⁸ См.: *Charters of the 1660s / Royal Charters*. URL: <https://royalsociety.org/about-us/governance/charters/> (date of access: 27.05.2021).

⁵⁹ См.: *Secret Instructions to Captain Cook, 30 June 1768 // National Archives of Australia*. URL: https://www.foundingdocs.gov.au/resources/transcripts/nsw1_doc_1768.pdf (date of access: 03.05.2021).

и Curtis's Botanical Magazine за 1778–1820 гг. Путевые дневники⁶⁰ стали важными источниками личного происхождения. Отдельную нишу занимают изобразительные источники — ботанические иллюстрации, которые являются неотъемлемой частью изданий по ботанике данного периода.

Процесс складывания принципов номенклатуры и таксономии растений даже с момента появления системы классификации Линнея оставался темой жарких дискуссий, поэтому ботаническая иллюстрация как визуальное средство оформления и передачи знания о природе, благодаря своей наглядности, стала тем элементом научной культуры, который снимал возможные противоречия по поводу понимания сущностных характеристик растений и облегчал их распознавание. Дж. Крэри, исследуя способы видения и техники наблюдения, приходит к выводу, что с постепенным «открытием» субъективности наблюдателя в конце XVIII — начале XIX в. открываются два пути развития визуальной культуры: «один вел к многообразным утверждениям суверенности и автономии видения... другой путь вел к усилению стандартизации и регуляции наблюдателя, вытекавших из познания визионерского тела, — к новым формам власти, опирающимся на абстрагирование и формализацию видения»⁶¹.

Историки науки Лоррейн Дастон и Питер Галисон подробно освещают дилемму «детализация — обобщение», над которой бились авторы научных иллюстраций на протяжении XVIII–XIX вв. Согласно их выводам, развитие ботанической иллюстрации протекало в русле стандартизации⁶². И все-таки, соединяя в себе рациональный подход, отражая тенденцию разъединения целого на составные элементы и бесстрастного подчинения уникальных свойств строгой классификационной иерархии, иллюстрация при этом требовала навыка внимательного наблюдения за природой, способности видеть и ощущать многообразие природного мира, творческих способностей к пе-

⁶⁰ См.: *Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771* / ed. B. P. Sandford. Sydney : University of Sydney Library, 1998 : in 2 vol. Vol. 1; Vol. 2.

⁶¹ *Крэри Дж. Техники наблюдателя*. М. : V-A-C-press, 2014. С. 188–189.

⁶² См.: *Дастон Л., Галисон П. Объективность*. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 123–127.

редаче увиденного и восприятию визуального кода. Ботаническая иллюстрация пленяла своей структурностью, завораживала кажущейся доступностью и в то же время несла в себе отпечаток непостижимости красот природного мира, внушая благоговение и трепет, становясь наглядным изображением иерархической структуры не только природного, но и социального мира (рис. 2).

В данной книге политический контекст взаимосвязи научного знания и власти рассмотрен в первой главе. Проявления национального дискурса в истории английской ботаники призваны проиллюстрировать биографии натуралистов Джона Кокли Леттсома (1744–1815), Уильяма Кёртиса (1746–1799) и Джеймса Сауэрби (1757–1822). Имперский дискурс прослеживается в историях жизненного пути охотника за растениями Фрэнсиса Мэссона (1743–1805) и его покровителя, вышеупомянутого Джозефа Бэнкса. Мэссон и Бэнкс трудились на поприще науки не только для прославления британской нации, но также

Рис. 2. *Fritillaria imperialis*. Рябчик императорский. Ботаническая иллюстрация из альбома голландского художника Питера ван Кувенхорна, ок. 1630⁶³. Так как цветок напоминает императорскую корону, ему был дан видовой эпитет «императорский». Также изображение цветка наделялось символическим смыслом прославления мудрости, присущей зрелости, поскольку по мере старения растения его желтые лепестки опадают, а вот коробочку с семенами, наоборот, стебель поднимает вверх

⁶³ *Kouwenhoorn P. Verzameling van Bloemen naar de Natuur geteekend door Pieter van Kouwenhoorn. 1630.*

ради могущества Британской империи. Биографические очерки призваны также раскрыть специфику социокультурного контекста становления ботанического знания. Каким образом травопознание стало своеобразным трамплином для профессиональной реализации людей из разных социальных категорий? Ответ на этот вопрос в случае каждой рассмотренной нами судьбы уникален. Однако в индивидуальности представленных личных историй мы надеемся отыскать ту общность мотивации и образа мышления наших героев, которые позволяют сегодня говорить о том, как именно ботаника стала «чарующей Большой наукой XVIII в.»⁶⁴

⁶⁴ *Дастон Л.* История науки и история знания. С. 79.

Глава 1

ИМПЕРСКАЯ БОТАНИКА: ПУТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

«Звонить в колокол,
дабы собрать разные умы вместе».
Фрэнсис Бэкон

Имперская ботаника — прежде всего теоретический инструмент, применение которого позволяет раскрыть специфику становления научного знания в контексте развертывания имперской идентичности и формирования колониальной структуры мирового пространства второй половины XVIII — первой четверти XIX в. Таким образом, имперская ботаника — не просто историографическое клише, но реальный исторический феномен, причем феномен общеевропейский, характерный не только для Британской империи, но также Французской, Португальской, Голландской колониальных империй, и даже Российской.

В теоретическом плане ботаника стала лидером среди естественно-научных дисциплин ввиду общей для естественной истории потребности в совершенствовании систематики и возможности предоставить разнообразный и относительно компактный эмпирический материал для изучения.

Традиционно сердцем науки Нового времени считается механика. Торжество экспериментальной модели познания и победа факта над гипотезой⁶⁵, формирование требования репрезентативности результатов исследования, обеспечивающейся «литературной технологией» описания: добросовестной беспристрастной фиксацией

⁶⁵ См.: *Деар П.* Событие революции в науке // П. Деар, С. Шейпин. Научная революция как событие. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 240.

наблюдения⁶⁶, а также «объективной» визуализацией предоставляемых сведений⁶⁷ — все эти перемены в процессах познания ярко и драматично, а порой таинственно и незаметно происходили в физико-математических науках на протяжении XVII столетия. Фрэнсис Бэкон, Роберт Бойль, Роберт Гук, Исаак Ньютон — главные действующие лица на английской сцене истории науки этого времени, их вклад в процесс формирования нововременной науки изучен досконально и не подлежит сомнению. Новизна познавательных практик: от процедур наблюдения до технологий фиксации свойств описываемых явлений, а также стилистики аргументации и презентации результатов исследования, продемонстрированных механикой, в XVIII в. была воспринята ботаникой, шире — естественной историей и адаптирована в соответствии со все более очевидной инструментальностью аналитического дискурса⁶⁸.

Естественно-научное знание явилось одним из ведущих векторов в процессе складывания новой познавательной модели, сформировавшейся одновременно с дисциплинарным становлением ботаники и двух важнейших ее областей — систематики и флористики — во второй половине XVIII в. «Построение всеобщей науки о природе, управляемой универсальными законами, похожими на законы общества и экономики, становится главной задачей естествознания. В это время инструментами науки о природе выступали уже не знаки обыденного языка с их семантической неопределенностью, а система искусственных знаков — научные термины, точно определяемые и однозначно понимаемые специалистами»⁶⁹.

Однако этот процесс преобразования познавательных технологий происходил постепенно и до момента появления системы

⁶⁶ См.: *Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air-pump: Hobbs, Boyle, and the Experimental Life (with a new introduction by the authors). Princeton : Princeton University Press, 2011. P. 60.*

⁶⁷ См.: *Дастон Л., Галисон П. Объективность. С. 54–55.*

⁶⁸ См.: *Деар П. Историей чего является история науки? С. 52.*

⁶⁹ *Колчинский Э. И., Сытин А. К., Смагина Г. И. Естественная история в России : (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб. : Изд-во «Нестор-История» : СПб ИИ РАН, 2004. С. 14.*

классификации К. Линнея — очень неравномерно и своеобразно. Попытки реализовать задачи расширения научного поиска и классификации природных объектов решались исследователями с оглядкой на античную традицию (в основном «Естественную историю» Плиния-старшего), далекую от систематизации, а также христианские догматы: «Мудрость Божия, явленная в деле творения» Джона Рея (1691)⁷⁰ — яркий тому пример.

В это время ботаника была буквально «растворена» в медицине. Для того чтобы стать самостоятельной дисциплиной, ей пришлось сконцентрировать стоявшие перед естественной историей проблемы познания и предложить своего рода экстракт тех исследовательских возможностей, которыми располагала на тот момент медицинская практика. Начиная с середины XVI в. на благо траволечения — как значимой области медицины — при монастырях, университетах, королевских поместьях разбивались аптекарские огороды, содержание которых определялось исключительно целями практического применения.

Предтечей, пожалуй, одного из самых известных садов современной Англии⁷¹ — Королевских ботанических садов Кью — явился медицинский огород, заложенный натуралистом Уильямом Тёрнером (1510–1568) еще в конце XVI в. При следующих владельцах — лорде Генри Кейпелле и короле Георге II он постепенно дополнялся декоративными постройками и превращался в парк, сохраняя за собой функцию аптекарского огорода. Будучи летней резиденцией короля Георга II, а затем постоянным домом принца Уэльского Фредерика, сад расширялся и содержался в надлежащем порядке, превратившись к концу XVIII столетия в самую крупную и богатую ботаническую лабораторию мира. Историю современных садов Кью обычно отсчитывают с 1759 г., когда вдовствующая принцесса Уэльская Августа Шарлотта наняла садовника Уильяма Алтона (1731–1791) для реорганизации медицинского сада на пло-

⁷⁰ См.: Ray J. *Wisdom of God, Manifested in the Work of Creation*. London : Printed for S. Smith, 1691.

⁷¹ Другие не менее известные сады, появившиеся в XVII в.: Оксфордский аптекарский огород, заложенный в 1621 г., а также аптекарский огород Челси Физик Гарден, или медицинские сады Челси, разбитые в Лондоне в 1673 г.

щади в 4 акра земли⁷². Период подлинной славы ботанических коллекций сада принято отсчитывать с момента привлечения к управлению Джозефа Бэнкса (1743–1820), ботаника-энтузиаста и состоятельного джентльмена. Экземпляры из разных концов мира — Индии, Австралии, Китая — пополняли сады (рис. 3). В заново отстроенных оранжереях проводились опыты по селекции новых видов и интродукции заморских растений в британском климате: «к началу XIX в. едва ли можно было отыскать судно, которое, покинув Индию или другие колонии, прибыло бы в порт Лондона без растений для Кью»⁷³.

Рис. 3. План Королевских ботанических садов Кью, 1754 г.⁷⁴

Английская академия наук — Лондонское королевское общество — было основано в 1660 г. по инициативе богослова, дипломата

⁷² См.: Royal botanic gardens, Kew: World Heritage Site Nomination document / prep. by Chris Blandford Associates. S. 1. [L.] : Royal Botanic Gardens Kew and Historic Royal Palaces, s. a. 2002. P. 72.

⁷³ Ibid. P. 43.

⁷⁴ См.: Rocque Jh. Map of the Royal Kew Gardens. London, 1754.

и ученого Генри Ольденбурга, прибывшего в Лондон из Бремена. «Королевское общество было учреждено самими учеными как союз единомышленников, желавших организованно вести изыскания в области естественной истории и экспериментальной физики — при этом они подчеркивали (во всяком случае, на этом держалась их риторика) потенциальную пользу своей деятельности»⁷⁵. 28 ноября 1660 г. в Лондоне, в Грэшем-колледже, состоялось первое заседание объединения 12 ученых-соратников, заинтересованных в экспериментальных исследованиях. Они заслушали доклад профессора астрономии, в большей степени известного сегодня как архитектора и математика, Кристофера Рена.

Надо заметить, что идея объединения усилий и ученой кооперации была осознана еще раньше. Неформальные встречи проводились с 1645 г., теперь они стали организовываться регулярно. В 1662 и 1663 гг. общество снискало одобрение короля Карла II Стюарта, получив две королевские хартии. Одновременно с этими событиями Ольденбург инициирует создание журнала «Философские изыскания Лондонского королевского общества». Факт публикации в «Философских изысканиях» автоматически означал одобрение обществом и делал для автора возможным дальнейшую исследовательскую карьеру. В это время, как замечает С. Фуллер, «опыт обеспечивает свидетельства в пользу общих притязаний на знание только в том случае, если имеется хитроумное социальное устройство, <...> вызывающее пиетет у корпуса квалифицированных исследователей»⁷⁶.

Ориентация на лаконичность публикаций обусловлена формирующейся жанровой стилистикой текстов — сообщений об открытиях, сделанных в ходе наблюдения или эксперимента. Одновременно складывается практика рецензирования публикуемых материалов, что способствует формированию таких черт институциональной науки, как иерархичность, замкнутость, закрытость социально-научных форм. Принципиальная отстраненность от политических дебатов и отсутствие финансирования со стороны власти — отличительные

⁷⁵ Деар П. Событие революции в науке. С. 203.

⁷⁶ Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М. : Изд. дом «Дело», 2018. С. 110.

черты английской академии⁷⁷, которая, в сущности, представляла собой в то время добровольную ассоциацию людей с общими исследовательскими интересами и едиными взглядами на метод познания. Члены Лондонского королевского общества избирались другими академиками и должны были платить годовой взнос, зато существовали автономно от королевского двора. Это сильно отличало английскую модель академической организации от французской модели: члены Парижской академии наук, организованной в 1666 г., являлись пансионерами академии, зависели от короля и обязаны были отвечать на его запросы по поводу своих публикаций, патентов и любого интересующего монарха вопроса, а также участвовать в конкурсах на решение тех или иных научных проблем. Именно по французскому образцу в будущем будут организованы другие европейские академии: монархи стремились сдерживать масштабы автономии подконтрольных им академических сообществ⁷⁸.

В Англии XVII в. появляются научные труды ботанической специализации, например такие, как «История растений» (1686) и «Методический обзор британских растений» (1690) Джона Рея⁷⁹, содержащие, помимо попыток структурировать описание и предложить оригинальную классификацию видов, более или менее стандартизированные ботанические иллюстрации. Работы Джона Рея — результат полуторавековой традиции книгопечатания ботанической литературы, которая ведет свое начало с анонимного Великого гербария (Grete Herball, 1525)⁸⁰. «К концу XVII в.

⁷⁷ В зарубежной историографической традиции под академией понимается не только та или иная конкретная институция, осуществляющая научно-исследовательскую деятельность, но также, в более широком смысле, преподавательский состав университетов. Далее мы будем использовать понятие «академия» именно в значении академического сообщества.

⁷⁸ См.: Жэнгра И. Социология науки. С. 37.

⁷⁹ См.: Ray Jh. *Historia plantarum species*. London : Clark, 1686. Vol. 1; 1688. Vol. 2; 1704. Vol. 3; *Synopsis methodica stirpium Britannicarum: in qua tum notae generum characteristicae traduntur, tum species singulae breviter describuntur: ducentae quinquaginta plus minus novae species partim suis locis inseruntur, partim in appendice seorsim exhibentur* : cum indice & virium epitome. London : S. Smith, 1690.

⁸⁰ См.: Grete Herball *whiche geueth parfyt knowledge and und[er]standyng of all maner of herbes*. London : Ann Arbor, Edward's Brothers, 1936. (Facsimile of the Peter Treveris 1526 edition).

формируется основное понятие систематики — вид. Объединяя информацию о видах, систематика стала главным источником сведений о них для других биологических дисциплин. В конце XVII в. стало очевидным, что описание организмов невозможно без создания иерархической системы таксонов. Возникали вопросы о генеалогии важных признаков и о родственных отношениях между группами растений и животных. Их решение требовало узкой специализации»⁸¹.

Ботаника оказалась наиболее удобным полем для экспериментов с системами, в пространстве которого возможно было обозревать, описывать и классифицировать растительный мир. Растения легко было вырастить в собственном саду, оранжерее, теплице, горшках на подоконниках своей гостиной — они не требовали столь много пространства и затрат на уход, как, например, животные или рыбы. Образцы растений можно было засушить, подклеить и сделать гербарий — создать удобную в применении коллекцию. Однако высушенные растения утрачивают цвет и для того, чтобы обращаться к коллекции многократно, растения поручали зарисовывать профессиональным художникам. Так в игру вступали ботанические иллюстрации — компактные и наглядные средства репрезентации местной или экзотической флоры.

Изобретением, которого так ждала естественная история, стала система классификации растений, предложенная шведским ботаником Карлом Линнеем. Разработкой различных систем классификации занимались многие исследователи. К концу XVIII в. существовало свыше 50 различных систем классификаций⁸². Были среди ученых и те, кто, как граф де Бюффон, считали, «что естественно-историческая классификация бессмысленна как форма философского постижения»⁸³. Система искусственной классификации Линнея, предложенная в 1735 г., обозначила чрезвычайно важный для всех естественных наук момент «сильнейшей онтологической

⁸¹ Колчинский Э. И., Сытин А. К., Смагина Г. И. Естественная история в России. С. 18.

⁸² См.: Fara P. Sex, Botany and Empire. The story of Carl Linney and Joseph Banks. P. 20.

⁸³ Деар П. Историей чего является история науки? С. 45.

редукции»⁸⁴, когда реальная природа была сведена к идеальной и, таким образом, стала «пригодной» для изучения. Долгое время систематика считалась открытием К. Линнея, однако сегодня мы знаем, что впервые идею такой онтологической редукции предложил еще в 1583 г. итальянский врач Андреа Чезальпино (1515–1603)⁸⁵. Так или иначе, именно Линней ввел латинские названия для каждого таксона, правило цитирования предшествовавших источников, принцип синонимичности, строгую иерархическую последовательность категорий «царство», «класс», «отряд», «семейство», «род» и «вид» и сформулировал критерии для определения близких форм — особенности органов размножения. «У растений учитывалось число, длина, срастание тычинок и пестиков цветка, а также одно- или двудомность. Исходя из этих принципов, Линней разделил 10 000 известных ему видов растений на 24 класса и 116 порядков»⁸⁶. Благодаря биномиальной системе классификации, сложился единый научный дискурс — новый *lingua franca* в сфере науки, который, в свою очередь, облегчил изучение и усилил интерес к растениям. Стремление заниматься ботаническими изысканиями к концу XVIII в. охватило почти весь земной шар⁸⁷.

Наконец, изучение растений было полезно с практической точки зрения: многие ботаники лелеяли мечты о «пересадке» растений из одного климата в другой (как правило, неродной), селекции новых видов, изобретении новых способов посадки и выращивания, способных увеличить объем урожая тех или иных ценных культур. В свою очередь, сбор растений, формирование коллекций, умение отличать один вид от другого и определять родственные связи между видами были прямо или косвенно связаны с путешествиями и экспедициями. Альбом с ботаническими иллюстрациями или цветущий представитель экзотической флоры посреди привычных глаз

⁸⁴ Любарский Г. Ю. Рождение нового естествознания с точки зрения наук о жизни // Логос. 2020. Т. 30, № 1. С. 141.

⁸⁵ См.: Там же. С. 141–143.

⁸⁶ Колчинский Э. И., Сытин А. К., Смагина Г. И. Естественная история в России. С. 20.

⁸⁷ См.: Batsaki Y., Cahalan S. B., Tchikine A. Introduction. The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century. P. 4.

маргариток в саду характеризовали своего хозяина как передового, активно познающего окружающий мир человека.

Следует подчеркнуть, что личный интерес монархов к наукам — не единственная и уж точно не главная причина появления феномена «имперского естествознания», или «имперской ботаники»⁸⁸. Действительно, принято считать, например, что вдовствующая принцесса Уэльская Августа Шарлотта из любви к естественным наукам стала инициатором расширения и развития Королевских ботанических садов Кью, а ее сын Георг III первым из британских монархов получил систематическое образование и в некотором смысле унаследовал любовь к ботанике, приняв деятельное участие в судьбе Королевских ботанических садов Кью.

Подлинное объяснение политики, направленной на поддержку и развитие естественных наук, проявлениями которой стало учреждение специальных институтов: академий, обществ, образовательных учреждений, финансирование экспедиций, принятие административных решений с учетом полученных от натуралистов рекомендаций, кроется в практической потребности оптимизации управления империей. Эта потребность была артикулирована в поставленной перед натуралистами универсальной задаче выявления и всестороннего описания ресурсов империи, обобщения сведений о природе и населении. Надо сказать, что колониальный акцент в реализации этой задачи, безусловно, присутствует и зачастую оказывается скорее и легче считываемым.

Помимо естественной потребности в освоении далекого, нового и неизведанного с целью организации эффективного управления, актуальным запросом оставалось изучение лекарственных свойств растений в русле медицинского знания, а также «состава лесообразующих пород и перспективных для интродукции чужеземных деревьев и кустарников»⁸⁹ — для нужд армии, главным образом — в сфере кораблестроения. Впрочем, как мы увидим далее, возможности

⁸⁸ Йота Батсаки, Сара Кэхалан и Анатолий Чикин, характеризуют этап развития ботаники с конца XVII до начала XIX в., вводят понятие «имперская ботаника» (*the botany of empire*). См.: Batsaki Y., Cahalan S. B., Tchikine A. Introduction. *The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century*. P. 4.

⁸⁹ Сытин А. К. Ботаник Петр Симон Паллас. С. 172.

прикладного применения ботанического знания порой принимали самые неожиданные формы.

С лечебными свойствами таких востребованных растений, как, например, хинное дерево, связывались надежды на облегчение европейской колонизации тропических регионов. Несмотря на популярность других единиц «ботанического» импорта, таких как чай или женьшень, их употребление по-прежнему оставалось роскошью, а добыча — дорогостоящим предприятием, что побуждало к поискам растений-аналогов, которые дешевле было вырастить в колониях.

Хотя ботаническое знание было широко распространено уже по меньшей мере с XVI в. (когда оно, по большей части, было включено в медицинское знание), только в XVIII в. оно охватило весь населенный мир, поскольку главными игроками на поле ботанических изысканий стали ведущие колониальные державы⁹⁰. В современном гуманитарном знании ботаническая наука предстает, безусловно, причастной к колониальным захватам XVIII в., сродни тому, как академическая география и картография рассматриваются в качестве инструментов имперской экспансии XIX в.⁹¹

Отдаленные территории оказывались подчинены экономике метрополии, выступая в роли поставщика сырьевых ресурсов и, насколько это возможно, площадок для пересадки и выращивания иных высокодоходных агрокультур. Такие поиски и опыты по выращиванию, селекции и акклиматизации растений проводились в ботанических садах, которые превращались в научные лаборатории и пункты аккумуляции и обмена семенами и рассадой, гербарными образцами и ботаническими иллюстрациями, а также знаниями о представителях местной и экзотической флоры в целом. Примером может служить имперская сеть ботанических садов в Индии, которая работала на поддержание плантационной

⁹⁰ См.: *Batsaki Y., Cahalan S. B., Tchikine A.* Introduction. The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century. P. 4.

⁹¹ См.: *Иванов К.* Астрономы и топографы в борьбе за Центральную Азию // *Логос*. 2020. Т. 30, № 2. С. 27; *Постников А. В.* Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в. М.: Памятники исторической мысли, 2001.

экономики как временного хранилища на долгом и трудном пути транспортировки китайского чая. Кроме того, ботанические сады оказывались вовлечены в кампанию по подрыву конкурирующих монополий. Здесь можно вспомнить британский и французский проекты по выращиванию гвоздики за пределами Молуккских островов, подконтрольных Испанским Нидерландам⁹².

Частные ботанические сады также были вовлечены в этот процесс обмена опытом, знаниями и информацией. Внутри системы имперской конкуренции научные, экономические и политические инициативы были тесно переплетены. В значительной степени все возрастающий оборот поставок растений и его коммерческая составляющая были обусловлены увеличением сети административных структур, расширяющейся системой факторий и улучшением технологий транспортировки. В XVIII в. появляются труды, посвященные практическим рекомендациям по перевозке и хранению ботанических образцов. Самый известный пример — рекомендации Джона Эллиса по осуществлению длительных морских перевозок наиболее восприимчивых к перемене климата растений. Эллис был по-настоящему увлечен экономическим потенциалом ботаники: заключительным разделом его «Указаний...» стал «Каталог заморских растений, востребованных в наших американских колониях, для целей медицины, сельского хозяйства и торговли» (1770)⁹³ (рис. 4).

«Имперскость» ботанической науки в Британии не является отличительной чертой развития знания в данном регионе. Скорее, это качество вписывает британскую естественную историю в общеевропейский контекст. Активная экспедиционная деятельность, спонсирование изысканий в сфере естественной истории государством, стремление через научный дискурс заявить о могуществе и в некотором смысле всеприсутствии имперской власти, а также попытки на уровне академий обозначить синтез научного знания

⁹² См.: *Casid J. H. Sowing Empire: Landscape and Colonization*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 2005. P. 16.

⁹³ См.: *Ellis Jh. Instructions for Bringing over Seeds and Plants, from the East Indies and Other Distant Countries, in a State of Vegetation*. London : Printed and sold by L. Davis, 1770.

и экономической выгоды, нашедшие свое выражение в феномене такой дисциплины, как камеральные науки, показательны для всех государств, проводивших имперскую политику в данный период⁹⁴.

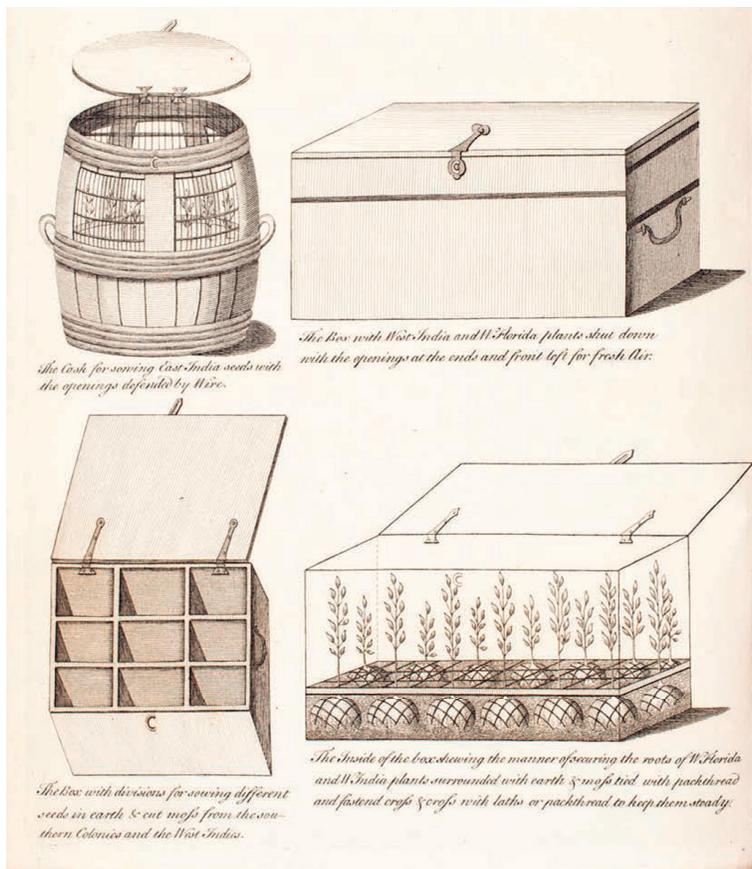

Рис. 4. Устройства для транспортировки растений.
Рисунок из сочинения Джона Эллиса «Указания
для транспортировки растений...» (1770)⁹⁵, фронтиспис

⁹⁴ См.: Cornish C. Curating Science in an Age of Empire. Kew's Museum of Economic Botany [phd thesis]. London, 2013. P. 21–22.

⁹⁵ См.: Ellis Jh. Instructions for Bringing over Seeds and Plants, from the East Indies and Other Distant Countries, in a State of Vegetation.

Следует сказать несколько слов и о связи ботанического знания с «системой» образования в Британии, сложившейся к этому времени. Важно отметить такую особенность британского университетского образования, как слабость институциональных и профессиональных связей между преподавателями и студентами. Французский историк науки Рене Сигри и швейцарский социолог Эрик Д. Уидмер в 2011 г. представили результаты фундаментального исследования, посвященного анализу способов коммуникации в среде ботаников в XVIII в.

Проанализировав профессиональный путь 928 ботаников из государств Европы, ученые пришли к выводу, что «ботаника эпохи Просвещения имеет свою собственную географию»⁹⁶. Сигри и Уидмер убедительно показывают, что разнообразные способы кооперации европейских ученых, динамика обмена корреспонденцией и образцами растений (семенами, живыми растениями, гербариями, иллюстрациями), совместные путешествия, peregrinations, широта восприятия теоретических концептов и каналы распространения прикладного опыта образуют самостоятельное сообщество ботаников, коммуникация между которыми происходит вне рамок национальных государств и географических границ в так называемой республике ботаников. При этом локальные сообщества ботаников имеют свои специфические черты.

Так, для Британии характерны две тенденции, которые, на первый взгляд, могут показаться противоречивыми. Первая — сильное влияние институтов: как академий, так и тематических сообществ. Вторая — крайняя слабость связи «учитель — ученик» и своеобразная «изоляция» ботаников друг от друга. Казалось бы, институты как раз ставят своей целью объединение усилий ученых, однако для Британии были характерны закрытость этих организаций, оформление строгих требований к публикациям в периодических изданиях. Британское ботаническое сообщество, в сравнении с кооперациями ученых во Франции, Италии и Германии, являлось разрозненным и разобщенным⁹⁷.

⁹⁶ *Sigrist R., Widmer E. D. Thaining links and transmission of knowledge in 18th Century botany: a social network analysis // REDES — Revista hispana para el analisis de redes sociales. 2011. Vol. 21, Nr 7 [digital edition].*

⁹⁷ См.: Ibid.

На университетском уровне примером этого разобщения служит карьера кембриджского профессора Ричарда Бредли (читал лекции с 1724 по 1732 г.), а также его преемников Джона Мартина (1733–1761) и Томаса Мартина (1761–1825), оставшихся в тени своих коллег-специалистов по физико-математическим наукам и прекратившим наставническую деятельность после нескольких лет заурядных достижений. В Оксфорде блестящее наследие Иоганна Якоба Дилениуса (профессор с 1734 по 1747 г.) было сведено на нет его преемником Хамфри Сибторпом (профессор в 1747–1783 гг.), имевшим лишь одного ученика за сорок лет преподавания в университете, и его сыном Джоном Сибторпом (профессор в 1784–1796 гг.), у которого не было ни одного ученика. В Эдинбурге, чья медицинская школа славилась по всему миру, преподавание медицины было в большей степени скоординировано с физиологией и химией, нежели с ботаникой. Чрезвычайно скромные успехи местных академиков-ботаников Чарльза Альстона, Джона Хоупа и Дэниеля Резерфорда, вероятно, отчасти объясняются данной тенденцией.

Слабый уровень академической ботаники в Британии в это время компенсировался развитой культурой ботанических садов и высоким уровнем подготовки садовников, а также феноменом «ученых торговцев рассадой»⁹⁸. Магазины-питомники, торговавшие рассадой и семенами растений, оказывали существенное влияние на популяризацию не просто ботанического знания, но передового его достижения — системы Линнея. Торговые прилавки Уильяма Малькома и другой прилавок — Уоррена Лакера и Сэмюэла Смита — отличались от остальных. Помимо общеизвестных садовых растений, таких как крыжовник, тюльпаны и гиацинты, или традиционных агрокультур, они начали продавать декоративные растения, воспринимавшиеся как экзотические, например, гибискус, или «танцующее растение». Кроме того, они впервые стали на этикетках печатать научные наименования этих растений, а не общепринятые народные. Благодаря тому, что торговцы растениями стремились

⁹⁸ *Easterby-Smith S. Botanical collecting in eighteenth-century London // Curtis's Botanical Magazine. 2017. Nr 34 (4). P. 285.*

подчеркнуть свою приверженность современному ботаническому знанию, которая выражалась в актах так называемой ботанической щедрости⁹⁹ и использовании линнеевской номенклатуры, изучение ботаники среди садовников и коллекционеров растений распространялось повсеместно. Многие теплицы (питомники) располагались на окраинах или за городом, так как в центральных районах для них не хватало места, и воздух был слишком загрязнен. В центре же находились маленькие магазинчики. В Ковент-Гарден их было четыре-пять, в Вестминстере — два. Отсюда также легко было дойти пешком до ботанического сада в округе района Ламбет¹⁰⁰.

Британия в 1770–1820 гг. формально принимает на службу 126 собирателей-коллекционеров, которых рассылает по всему земному шару с целью накопления ботанических артефактов в Королевских ботанических садах Кью, при этом неформальная сеть поставщиков и перевозчиков, оказывающих услуги британским «плант-хантерам», была еще более масштабной¹⁰¹. Мы рассмотрим биографии пяти натуралистов, дабы убедиться в том, что дисциплинарное становление ботаники происходило в условиях открытости, доступности и необычайной популярности этой дисциплины параллельно с формированием институциональных традиций научного знания.

⁹⁹ Имеется в виду факт передачи в дар большого количества растений только что открывшемуся ботаническому саду У. Кёртиса в Лондоне. См.: *Easterby-Smith S. Botanical collecting in eighteenth-century London*. P. 285.

¹⁰⁰ См.: *Ibid.* P. 284.

¹⁰¹ См.: *Batsaki Y., Cahalan S. B., Tchikine A. Introduction. The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century*. P. 4.

Глава 2

ФРЭНСИС МЭССОН, ОХОТНИК ЗА РАСТЕНИЯМИ

«Самые красивые, самые чудовищные цветы».

Иоганн Гёте о стапелиях

«Японский Линней» ботаник Карл Петер Тунберг в своих воспоминаниях о путешествии по Южной Африке упоминает о знакомстве с «английским садовником» Фрэнсисом Мэссоном (1741–1805), с которым они вместе осуществили несколько исследовательских рейдов¹⁰². Тунберг благосклонно отзывается о своем спутнике, однако допускает сразу две ошибки: строго говоря, Мэссон был не англичанином, а шотландцем и не садовником, а охотником за растениями. Он родился в портовом городе Абердине в августе 1741 г. В 1760 г. переехал в Лондон и получил место помощника садовника в Королевских ботанических садах Кью. Уильям Эйтон, директор садов Кью, был его соотечественником. Точно так же, как Мэссон, он в свое время покинул Шотландию и устроился помощником садовника к Филиппу Миллеру, директору Челси Физик Гарден. Об уровне образования Мэссона и его исследовательском потенциале в тот период не сохранилось никаких сведений. Удалось ли ему поразить Эйтона пытливостью ума и великолепным знанием ботанической номенклатуры или директор уступил ностальгическим воспоминаниям о начале собственной карьеры и симпатиям к смелому юноше? Возможно и то, и другое (рис. 5).

Во второй половине XVIII в. ботаники Эдинбурга и Глазго осознавали потребность в реорганизации медицинских учебных

¹⁰² См.: *Thunberg C. P. Resa uti Europa, Africa, Asia, förrättad åren 1770–1779.* Upsala : J. Edman, 1788. P. 296, 352.

курсов и ратовали за реформирование университетских ботанических садов и повышение квалификации шотландских садовников. В своем стремлении не упустить новейшие достижения теории систематики растений и агрокультурной практики они ориентировались на опыт Кембриджа и Оксфорда, стремились учесть экспериментальный характер частных инициатив ботаников Лондона¹⁰³. Поэтому неудивительно, что Мэссон, к 19 годам уже имевший навыки ухода за растениями и их распознавания, и, судя по всему, лишенный возможности получить систематическое образование в сфере медицины, как Леттсом, или фармакологии, как Кёртис, отправляется прямиком в Лондон и избирает своей целью Королевские ботанические сады Кью, в случае которых указание на покровительство короля было не дежурным выражением лояльности власти, а свидетельством реальной заинтересованности вдовствующей принцессы Уэльской Августы и короля Георга III в развитии ботанического знания и садоводческого искусства.

За восемь неполных лет работы в Кью Мэссон зарекомендовал себя как вдумчивый, наблюдательный исследователь. Его способности высоко оценил не только Эйтон, но и Джозеф Бэнкс, в 1771 г. ставший неформальным научным куратором садов Кью. Молодой аристократ и ботаник-любитель Бэнкс вернулся из первой кругосветной экспедиции Джеймса Кука (1768–1771) как национальный герой. Презентовал садам Кью свои многочисленные находки, кото-

Рис. 5. Дж. Гаррард. Портрет Ф. Мэссона (год неизв.).
Линнеевское общество, Лондон

¹⁰³ См.: *Hickman C.* «The want of a proper Gardiner»: late Georgian Scottish botanic gardeners as intermediaries of medical and scientific knowledge // *British J. of History of Science.* 2019. Vol. 52, Nr 4. P. 543–545.

рые произвели неизгладимое впечатление на короля, Бэнкс заслужил его дружбу и, после смерти вдовствующей принцессы Уэльской, сменил ее фаворита лорда Бьюта в качестве негласного советника Георга III в деле руководства садами. Из-за конфликта с Дж. Куком и адмиралтейством Бэнкс вынужден был отказаться от участия во второй кругосветной экспедиции. В качестве официальных ботаников в 1772 г. в путешествие отправлялись немецкие ботаники Форестеры, отец и сын. Тем не менее, Бэнкс смог убедить президента Лондонского королевского общества сэра Джона Прингла послать вместе с экипажем Кука еще одного натуралиста — охотника за растениями.

Функции натуралистов, отправлявшихся в экспедиции, были многочисленны и разнообразны. Ботаникам предписывалось собирать не только растительные коллекции, но также зоологические, минералогические, этнографические. Им поручалось наблюдать и описывать все новое и непривычное: от флоры и фауны до религиозных верований и политического устройства. Поэтому введение новой должности призвано было ограничить круг обязанностей и знаменовало собой признание особого значения изучения растений.

Целью охотника за растениями провозглашалась флора Кейптаунской области. К тому моменту европейские путешественники и переселенцы присутствовали на Южноафриканском побережье уже в течение 120 лет — с момента основания Капской колонии — первой переселенческой колонии голландцев. Однако систематического описания местной флоры составлено еще не было: немногие натуралисты писали о Кейптауне, еще меньше растений из этого региона было адаптировано к европейскому климату. Кандидатура Фрэнсиса Мэссона оказалась наиболее подходящей для новой должности. Эйтон рекомендовал Бэнксу своего помощника и ручался за его исполнительность, ответственность и скромность. Кроме того, как отмечает А. Солтмарш, считалось, что шотландские корни определяли его «страсть к далекому и непознанному, необычную склонность к детализации или попросту точному распознаванию»¹⁰⁴.

¹⁰⁴ *Saltmarsh A. C. Francis Masson: collecting plants for king and country // Curtis's Botanical Magazine. 2003. Vol. 20, Nr 4. P. 225.*

Так или иначе, Мэссону удалось стать первым британцем, который решился выйти за пределы поселения¹⁰⁵ и составить первое детальное описание флоры Кейптаунской области (Cape Floral Kingdom)¹⁰⁶.

Позднее Мэссон так описывал известие о его назначении: «его величество милостиво сооблаговолило одобрить план, который в то же самое время большинство отвергло, так что никто, кроме меня, не согласен был приняться за его исполнение»¹⁰⁷. Вряд ли вступление в должность было проникнуто смирением от осознания своего долга: скорее, ликованием и радостью. Мэссон прекрасно осознавал, что отправляясь за редкими, еще неизвестными растениями, он имеет преимущество в их описании и изучении, а значит, и шанс снискать столь же громкую славу, что и недавно возвратившийся с обширными коллекциями Бэнкс. На повседневные расходы Мэссону полагалось 200 фунтов в год, и еще 100 фунтов за каждый год путешествия он должен был получить по возвращении¹⁰⁸.

Мэссон находился в Южной Африке с 1772 по 1775 г. За это время он предпринял три путешествия: первое заняло 40 дней и продоллось с 10 декабря 1772 г. по 18 января 1773 г.; второе — четыре с половиной месяца — с 11 сентября 1773 г. по 29 января 1774 г.; третье — три месяца — с 26 сентября по 28 декабря 1774 г. В 1775 г. Мэссон вернулся и спустя год опубликовал «Сообщение о трех путешествиях из Кейптауна вглубь побережья Южной Африки, предпринятых с целью открытия новых растений на благо Королевских ботанических садов Кью» (далее — «Сообщение...»). Во время путешествий Мэссон делал записи ежедневно, порой указывая лишь

¹⁰⁵ См.: How Francis Masson found the world's oldest pot plant... and a few other things. URL: <https://thegardenstrust.blog/2016/06/25/how-francis-masson-found-the-worlds-oldest-pot-plant-and-a-few-other-things/> (date of access: 25.08.2021).

¹⁰⁶ См.: Fransis Masson. URL: <https://www.doaks.org/resources/online-exhibits/botany-of-empire/botanical-personalities/stapeliae-novae-or-a-collection-of-several-new-species-of-that-genus-discovered-in-the-interior-parts-of-africa> (date of access: 25.08.2021).

¹⁰⁷ *Masson F. Stapeliae novæ; or, a collection of several new species of that genus, discovered in the interior parts of Africa.* London : Printed by W. Bulmer and Co. for George Nicol, Bookseller to His Majesty, PallMall, 1796.

¹⁰⁸ См.: How Francis Masson found the world's oldest pot plant... and a few other.

о прибытии в очередной пункт или об отправлении, а описания флоры, фауны и обычаев местного населения приводя позже¹⁰⁹.

В XVIII в. в Британии уже активно функционировали периодические издания научного содержания, на страницах которых помещались краткие отчеты об открытиях, результатах наблюдений и экспериментов различных ученых со всего мира. Главным таким изданием являлся журнал «Философские изыскания Лондонского королевского общества» (далее — «Философские изыскания»), основанный еще в 1665 г.¹¹⁰ После реформы управления журналом в 1758 г. все публикации должны были содержать краткую аннотацию, имя автора, а также имя того, кто предлагает данный текст к публикации. При наличии этих трех элементов «редакционный комитет», состоявший из членов общества, обязан был прочесть материал и вынести свое заключение¹¹¹. Дата прочтения членами общества и имя ученого, рекомендовавшего текст, помещенные под заголовком, свидетельствовали о степени свежести материала, предлагавшегося вниманию читателей (рис. 6). «Сообщение...» Мэссона было опубликовано в январском выпуске «Философских изысканий» за 1776 г. В качестве предисловия к тексту приведено короткое письмо Мэссона Джону Принглу, в ту пору занимавшему пост президента общества:

«Джону Принглу

Королевские ботанические сады Кью, ноябрь 1775

Сэр,

В ответ на Вашу просьбу посылаю сообщение о своем первом путешествии из Кейптауна, которое я составил на основе дневниковых записей. В том случае, если Вы найдете его достойным внимания Королевского общества, я покорнейше прошу оказать мне честь передать

¹⁰⁹ Подробнее см.: *Шипицына Ю. С.* «Вся эта местность — целая сокровищница для ботаники»: заметки Фрэнсиса Мэссона об охоте на растения в Южной Африке (1776) // Уральское востоковедение. 2021. Вып. 11. С. 51–62.

¹¹⁰ См.: *Михайлов И. А.* Английское просвещение и журнал *Philosophical Transactions of the Royal Society*. Новая эпоха развития европейской науки // *Философские науки*. 2014. № 5. С. 10–11.

¹¹¹ См.: *McDougall-Waters J., Moxham N., Fyle A.* *Philosophical Transactions: 350 years of publishing at the Royal Society (1665–2015)*. P. 15.

эти заметки в сие славное учреждение. Спешу заверить, что и иные описания своих наблюдений я передам Вам и Обществу с большим удовольствием»¹¹² (рис. 7).

PHILOSOPHICAL
TRANSACTIONS,
OF
THE ROYAL SOCIETY
OF
LONDON.

VOL. LXVI. For the Year 1776.
PART I.

LONDON,
PRINTED BY W. BOWYER AND J. NICHOLS:
FOR LOCKYER DAVIS, IN HOLBOURN,
PRINTER TO THE ROYAL SOCIETY.
MDCCLXXVI.

Рис. 6. Титульный лист «Философских изысканий»
Лондонского королевского общества за 1766 г.¹¹³

¹¹² *Masson F.* An Account of Three Journeys from the Cape Town into the Southern Parts of Africa; Undertaken for the Discovery of New Plants, towards the Improvement of the Royal Botanical Gardens at Kew // *Philosophical Transactions of the Royal Society.* 1776. Vol. 66. P. 268.

¹¹³ См.: *Philosophical Transactions of the Royal Society.* 1776. Vol. 66. Title list.

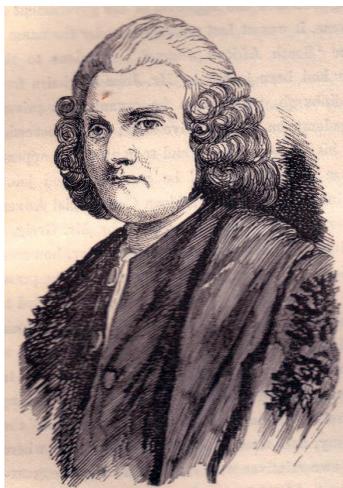

Рис. 7. Портрет Джона Прингла, президента Лондонского королевского общества в 1772–1782 гг.

Сойдя на берег в Кейптауне, Мэссон занялся организацией собственных коротких экспедиций «вглубь южного побережья Африки», как он характеризует их в самом названии заметок. Однако известно, что глубина его продвижения составляла не более 80 км в радиусе от Кейптауна, что объяснялось страхом за свою жизнь¹¹⁴. Тревога автора ощущается с первых строк. Рассказ о первом путешествии открывает описание сигнальной системы Кейптауна:

«10 декабря 1772 г., уж день клонился к вечеру, когда я отправился из Кейптауна в сопровождении одного голландца и одного готтентота, управлявшего моей повозкой, запряженной восемью быками. Именно так здесь и путешествуют: предпочитают быков лошадям, ведь они гораздо дешевле и покорнее. На закате мы перешли через Солт-ривер, протекающую на расстоянии примерно двух миль от Кейптауна и того места, где возвышается флагшток и старинное орудие навроде пушки, готовое подать сигнал, дабы предотвратить вражеское нападение. Звуки ее слышны отовсюду: с холма они распространяются вниз, в долину, на расстояние достаточное, чтобы в короткий срок поднять по тревоге всю страну»¹¹⁵.

Во втором и третьем путешествиях Мэссона сопровождал уже упомянутый нами Карл Петер Тунберг, который за время трехлетнего пребывания в Африке получил степень врача, выу-

¹¹⁴ См.: *Tyler-Whittle M. S. The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants.* London : Chilton Book Company, 1970. P. 70–71.

¹¹⁵ *Masson F. An Account of Three Journeys from the Cape Town into the Southern Parts of Africa.* P. 269.

чил голландский язык и так же, как и Мэссон, предпринял три путешествия вглубь Африки (рис. 8). Вот как описывает Мэссон их совместные приключения:

«Мое второе путешествие прошло в компании шведа доктора Тунберга. Он прибыл в Кейптаун по поручению Голландской Ост-Индской компании с целью сбора растений. 11 сентября 1773 г., покинули Кейптаун, направившись вдоль северо-западного побережья. Поднялись на Блу Маунтенс, но дождь зарядил надолго, а дорогу заволокло туманом, так что мы сошли с намеченного маршрута и вынуждены были устроиться на ночлег в поле.

12 сентября 1773 г., под дождем, совершили несколько вылазок вдоль склонов холмов, а также по обширной песчаной пустыне, лежащей по направлению к морскому побережью, где отыскивали огромное множество прекрасных растений и несколько видов животных, обитающих в этом климате: антилоп, страусов и ржанок нескольких видов.

27 сентября 1773 г., из Салданыи мы продолжили путь до Уайт Клипа (Уайт Клифа), белого гранитного камня огромной величины, с вершины которого нам открылся очаровательный вид на морское побережье от бухты Св. Елены до мыса Доброй Надежды. Вся эта местность — целая сокровищница для ботаника: поле изысканных красот и ароматов, украшенное таким обилием цветов, которого я никогда не видел»¹¹⁶ (рис. 9).

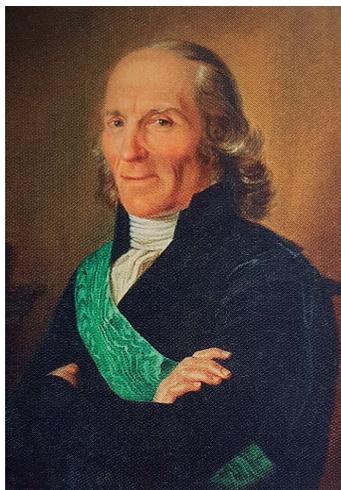

Рис. 8. Я. Ф. Эк. Портрет ботаника Карла Петера Тунберга, ок. 1820–1825 гг. Портретная галерея Академии наук, Стокгольм

¹¹⁶ Masson F. An Account of Three Journeys from the Cape Town into the Southern Parts of Africa. P. 276–278.

Рис. 9. У. Ходж. Вид на Кейптаун и гору Столовую, 1772. Изико. Национальный южноафриканский музей, Кейптаун

Интересно, что перечисление растений, упоминание некоторых особенностей быта аборигенов происходит словно между прочим:

«12 декабря 1772 г., <...> местные фрукты по большей части хорошо известны в Европе: голландцы поставляют нам абрикосы, персики, сливы, яблоки, груши, фиги, шелковицу, миндаль, каштаны и грецкий орех. А вот индийских фруктов здесь нет, за исключением гуаявы и джамбу, которые, впрочем, не вызревают как следует. <...>

17 декабря 1772 г., я поднялся на вершину холма Перел Берг, где провел целый день в поисках растений и безуспешной охоте на антилопу рибок. Ничего достойного наблюдений я не обнаружил, кроме разве что двух крупных валунов, основание каждого из которых, и это я могу утверждать наверняка, в диаметре превышало милю, а высота камней достигала двух сотен футов»¹¹⁷.

¹¹⁷ *Masson F. An Account of Three Journeys from the Cape Town into the Southern Parts of Africa. P. 270–271.*

Другая любопытная черта, отличающая «Сообщение...» Мэссона — отсутствие ботанических иллюстраций. В следующих главах мы подробнее рассмотрим значение ботанической иллюстрации. Пока лишь отметим, что в это время она является неотъемлемым элементом научной публикации по ботанике. Почему, пренебрегая заказом иллюстраций художникам и граверам, Мэссон лишает своих читателей возможности наглядного представления тех растений, о которых он пишет?

Дело в том, что в фокусе внимания автора находятся не столько растения, сколько охота за растениями как специфическая практика: предварительный этап непосредственно ботанических изысканий и профессия, по долгу которой Мэссону приходится знакомиться не только с природой Африки, но и с культурой населяющих ее народов. Так, Мэссон описывает устройство поселений и хозяйственный уклад готтентотов, коренного населения Южной Африки, и буров, потомков голландских, французских и немецких колонистов, которые селились здесь с момента основания Голландской Ост-Индской компанией Капской колонии в 1652 г. При этом во фрагментах этнографического описания Мэссон не стремится детально передать увиденное путем некой научной фиксации природных объектов, проводить различия между экзотическим и привычным или оценивать с позиции цивилизованного белого британца — он не делает ни единой отсылки к миссионерской морали, как, например, Форестер-младший в «Путешествии вокруг света», посвященном второй экспедиции Кука, когда в одном абзаце говорит и о «торжестве науки», и о «просвещенном монархе»¹¹⁸:

«18 декабря 1772 г., продолжили наше путешествие к долине, именуемой Франшхук и примыкающей к Дракенштейну с юго-восточной стороны. Эта местность заселена частью французских беженцев, покинувших Францию в начале этого века. Поселение бедное, разбитое на холодной и болотистой почве, но собираемого здесь урожая кукурузы, кислого вина и однообразных фруктов для питания жителей вполне достаточно. <...>

¹¹⁸ См.: *Форестер И. Г. Путешествие вокруг света*. М. : Наука, 1986.

4 января 1773 г., достигли Стелленбоса, скромной деревушки примерно в тридцати милях на северо-востоке от Кейптауна, насчитывающей тридцать домов вдоль одной прямой дороги, по обе стороны обсаженной массивными дубами, в тени которых так приятно укрываться в жаркий сезон. Дубы эти точь-в-точь такие, как и у нас в Англии — они были вывезены из Европы Адрианом Вандерстеллом, бывшим наместником Кейптауна, построившим эту деревню и давшим ей свое имя. Окрестности деревни славятся богатыми фермами, на которых снимают большие урожаи кукурузы и производят вино. <...> Фермеров мы застали занятыми за утаптыванием кукурузных початков. Здесь это принято делать, используя лошадей: сначала из смеси глины и коровьего навоза, смешать которые весьма трудно, выкладывают круглый пол диаметром тридцать, сорок или пятьдесят футов, затем по периметру возводят глиняные стены высотой по грудь. Пол покрывают снопами: начиная с середины, укладывают их по кругу, пока они не займут всю площадь. Затем загоняют внутрь примерно два-три десятка лошадей, которых голландец при помощи длинной плети заставляет скакать по кругу до тех пор, пока кукурузные снопы не будут хорошо вытоптаны и солома не превратится в жмых. После жмых хорошо очищают и убирают в амбары. К заготовке корма относятся крайне предусмотрительно, поскольку с середины октября по середину марта дожди здесь крайне редки»¹¹⁹.

Таким образом, текст Мэссона вряд ли представлял большой интерес как для ботаника, жаждущего увидеть новые виды растений, так и для патриотически настроенного обывателя, ищущего в рассказах о путешествиях подтверждения превосходства его имперской родины. Почему же общество принимает решение о публикации? Потому что Мэссон рассказывает не столько об увиденном, сколько о пережитом. Ему было трудно и страшно, но и страшно интересно, и трудно выразить восторг. В стремлении создавать описания научного характера: лаконичные, точные и внимательные свидетельства наблюдений за природой, Мэссон все-таки оставляет место для непосредственного выражения субъективных ощущений

¹¹⁹ *Masson F. An Account of Three Journeys from the Cape Town into the Southern Parts of Africa. P. 271–272.*

и эмоций: восхищения красотами природы, досады на неудачную охоту, удивления перед нравами местных жителей:

«6 января 1773 г., поднялись в горы по чрезвычайно трудной обрывистой тропе, которую крестьяне прозвали Лощина Готтентот-Голланд. Одолев все невзгоды и тяготы, мы достигли вершины и вышли на обширную равнину, усеянную бесчисленным множеством скальных обломков, кои есть плод разрушений, нанесенных ураганным сирокко, бушующим здесь в течение всего лета. Некоторые из камней напоминают руины церковной часовни, а края их остро заточены ветром и дождем; наиболее податливые породы во многих местах сильно разрушены. <...> Эти горы изобилуют великим множеством удивительных растений и являются для ботаника, я уверен, самым ценным сокровищем из всех африканских хребтов. Затем перешли через Палмет-Ривер, названную так крестьянами из-за растения *schoenus serratus*, которое покрывает почти полностью поверхность воды; листья его поразительно напоминают листву ананаса, а соцветия — камышовый тростник. Ночью мы перешли небольшую реку, называется она Ботер-Ривер, и обрели приют в коттедже — ни большим, ни маленьком, где ночуют как голландцы, так и готтентоты, используя в качестве постелей овечьи шкуры. На следующее утро отведали баранины, принесенной готтентотом: старик забил жирного барана как раз накануне.

8 января 1773 г., мы прибыли на горячие источники, расположенные на юго-восточной стороне внушительной скалы Шварц Берг. Ост-Индийская компания основала здесь нечто вроде пансиона для лечения больных. Вода источника обжигающе горяча и бьет ключом прямо из-под земли, но пока ее доставят на расстояние десяти-двенадцати пейсов, чтобы наполнить ванну, она становится вполне терпимой. Местные привыкли лечиться этой водой ото всех без исключения болезней и часто вредят себе тем самым куда больше, чем помогают.

<...> 16 января 1773 г., посетил Готтентот Крааль: в ту пору все мужчины пасли стада, а женщины и дети были заняты обустройством лачуг. Их жилища довольно низкие, имеют круглое основание и сооружаются из тонких жердей, концы которых вкопаны в землю так, что образуют много взаимно пересекающихся арок, покрытых

тростниковыми циновками. В центре жилища — очаг, вокруг которого домочадцы обычно рассаживаются на земляном полу, при этом ни печи с дымоходом, ни отверстия для выхода дыма в потолке нет»¹²⁰.

Спокойное и планомерное описание флоры и фауны перемежается с насыщенным и подробным описанием сцен охоты. Охотнику за растениями не чужда охота на антилоп, травля волков, расстановка капканов. «Охота остается охотой», — словно бы говорит Мэссон, помещая рядом с отрывками восторженного любования и восхищения африканскими растениями фрагменты, полные агрессии, страха и крови, и тем самым невольно подчеркивая значимость своей новой профессии, ее мужественный и опасный характер:

«10 января 1774 г., ночью вышли к Свит Милк Валлей, где находится дом смотрителя за лесами Компании. Смотритель встретил нас очень приветливо и поселил у себя на пять дней. На четвертый день мы отправились в лес, что расположен на полпути от цепи высокогорий, простирающихся на северной и северо-восточной стороне долины. Меня сопровождал сын местного фермера. С ним было восемь огромных псов, преследовавших во время похода двух волков. Одного волка мы ранили коротким выстрелом, чтобы помочь псам одолеть его. Завязался жестокий бой, длившийся еще час, прежде чем волк был убит. Затем нам пришлось карабкаться по наводящим ужас крутым утесам, прежде чем мы оказались в лесу. Лес был темен и мрачен, и полон цепляющихся кустарников множества разновидностей. Деревья здесь чрезвычайно высокие, некоторые — высотой от восьмидесяти до ста футов, а некоторые растут перпендикулярно скалам, на которых не видно и клочка земли. Среди деревьев встречаются каскадные водопады высотой в две сотни футов, вода спадает со скал под прямым углом с ужасным грохотом. Я прожил этот день, полный тягот, в безлюдном и диком лесу, со смешанным чувством ужаса и восхищения. Большая часть деревьев, что растут в этом лесу — неизвестна ботаникам. Я собрал немного цветов, остальные же

¹²⁰ *Masson F. An Account of Three Journeys from the Cape Town into the Southern Parts of Africa. P. 271–275.*

образцы вынужден был оставить для будущих исследователей, которым повезет добраться сюда в более удачный сезон»¹²¹.

При характеристике мотивации автора и анализе контекста возникновения «Сообщения...» следует учитывать сложный комплекс морально-этических представлений, сложившихся вокруг ботаники в XVIII в., своего рода «ботанические предрассудки». Во второй половине XVIII в. ботаника воспринималась британцами весьма неоднозначно из-за исследований способов размножения растений. Если Линней запрещал дочерям читать французскую литературу, считая, что их это развратит¹²², то британцы не поощряли чтение работ Линнея, поскольку ученый использовал для объяснения своих построений лексику, связанную с семейно-брачными отношениями¹²³. Наиболее ярко подчеркнул двусмысленность используемого Линнеем языка, пожалуй, Эразм Дарвин в своей поэме «Любовь растений» (1789)¹²⁴. Скандальная репутация Бэнкса создавала еще больший ажиотаж вокруг любых проявлений симпатий к ботанике: он получил прозвище «Botanic Macarony» и стал персонажем едких карикатур (рис. 10, 11).

Ввиду всеобщего беспокойства по поводу моральных принципов ботаников мы можем допустить, что учреждение такой должности, как «охотник за растениями», призвано было также создать новый образ ботаника. И то, каким предстает Мэссон, этот «новый ботаник» в «Сообщении...»: отважным, собранным, сильным, мужественным «охотником» и при этом наблюдательным, знающим систему Линнея исследователем, признанным другими учеными, во-первых, контрастировало с бытующими предрассудками, а во-вторых, давало реальное представление о деятельности ботаника. До Мэссона никто не писал о том, как происходит сбор растений в экспедициях и с чем приходится сталкиваться ботаникам. Даже общие воспоминания об экспедициях вызывали много вопросов: известно, что

¹²¹ *Masson F. An Account of Three Journeys from the Cape Town into the Southern Parts of Africa. P. 274.*

¹²² См.: *Fara P. Sex, Botany and Empire. P. 24.*

¹²³ См.: *Ibid. P. 38, 41.*

¹²⁴ *George S. Epistolary Exchange: the Familiar Letter and the Female Botanist, 1760–1820 // J. of Literature and Science. 2011. Vol. 4, Nr 1. P. 16.*

The BOTANIC MACARONI

Published at the late ditto's New Tea by M. Darli, 29 Strand.

Рис. 10. М. Дарли. Уипкорд.
«Ботанический макарони», 1772

Expressed after
The FLY CATCHING MACARONI.
I rove from Pole to Pole, you ask me why;
I tell you Truth, to catch a Fly.
Printed by Monthly Review in New Street 1772

Рис. 11. М. Дарли. Уипкорд.
«Макарони ловит бабочку», 1772

по дневникам Кука другим автором были изданы «воспоминания» с большими купюрами и вольным добавлением фрагментов, два других анонимных текста рассказов «очевидцев» оказались вымыслом, а «Путешествие на край света» Форестера вышло лишь годом позже «Сообщения...» Мэссона¹²⁵.

«7 октября 1774 г., держим путь к Северному выступу, через однообразную местность, покрытую низкой порослью. Однако сейчас весна, и все везде украшено цветами исключительной красоты, так что каждый час нашего похода обнаруживает перед нами новые красоты. Ночью мы прибыли к подножию горы, называемой Ван Рибекс Кастиль. Здесь мы остановились на ночлег у мистера Драйера. Богатый фермер встретил нас самым гостеприимным образом, приговаривая, что мы доставим ему большое удовольствие, если останемся хотя бы на месяц, и что это

¹²⁵ См.: Форестер И. Г. Путешествие вокруг света.

не будет стоить нам ни фартинга. 12 октября 1774 г., переправились на другую сторону [реки] не без трудностей, в большой лодке, груженной нашими повозками и скарбом; быкам пришлось переправляться вплавь. Отсюда мы двинулись дальше через пустынную необитаемую местность и вынуждены были укрыться под кроной огромного *leucodendron*, защитившего нас от юго-восточного ветра, пронзительно холодного в это время года. <...> 23 октября 1774 г., держим курс на север к устью реки Олифантс. Жара снова стала непереносимой, а белизна песка столь сильно слепила глаза, что вынуждала нас днем отдыхать и продолжать путь лишь ранним утром и поздним вечером. Также было весьма трудно путешествовать верхом, так как ноги лошадей попадали в глубокие кротовые ямки, и бедные животные проваливались в песок по самый круп каждые шесть-семь минут. Зверьков, роющих эти ямы, голландцы зовут “лэндмолл”, но они чрезвычайно отличаются от европейских кротов и принадлежат к совсем новому классу животных. Зверьки питаются корнями *ixiae*¹²⁶, *gladioli*, *antholyza* и *irides*, часто вырастают размером с кролика, а мясо их высоко ценится. Есть здесь и другие разновидности, к примеру, голландский блесс-молл. Этот подвид населяет скалистые ущелья и редко вырастает до размеров типичных европейских кротов. Местность эта изобилует великим множеством элегантных кустарников, таких как *genista*, *partia* и *aspalathi*. Ночью мы прибыли в Лэндж Вэллей, где устроились на ночлег в отдаленном месте, которое используется только для зимовок, когда вода свежая и не такая соленая, как сейчас. 24 октября 1774 г., проснулись рано утром, рассчитывая отыскать реку или водопад, где смогли бы переждать дневную жару, но, к великому нашему разочарованию, до полудня так и не нашли ничего; быки наши, изнуренные походом, брели, высунув языки. Примерно в час дня увидели в отдалении озеро, однако лошади наши отказались пить: мы спешили и обнаружили, что вода соленая. Вечером отыскали источник вкусной пресной воды, где и провели ночь с большим комфортом. На следующее утро нас посетил крестьянин, прибывший из Кейптауна. Он рассказал, что ночью на него напал лев: прыгнул на готтентота, управлявшего его

¹²⁶ Названия видов приведены так, как указаны в источниках. Виды *ixiae*, *partia*, *aspalathi* отсутствуют в современных определителях (нам не удалось идентифицировать данные растения).

быками, но, к счастью, слуге удалось спастись. Крестьянин предостерег нас, полагая, что лев может нагрянуть и к нашей стоянке»¹²⁷.

После возвращения из каждого путешествия Мэссон сортировал свои находки. Живые образцы и семена посылал в Кью, над гербарными коллекциями трудился сам, описывая и систематизируя виды. Часть растений, обнаруженных Мэссоном, были включены У. Эйтоном в каталог Садов Кью *Hortus Kewensis* (1789), некоторые были зарисованы и вышли в труде *Sertum Anglicum* (1789–1792) французского ботаника Шарля Луи Леритье де Брютеля, посвященном английской флоре. Почти 1/3 всех иллюстраций первых двадцати выпусков *Curtis's Botanical Magazine* составляли иллюстрации растений, описанных Мэссоном: протеи, гладиолусы, календула, хризантемы, гибискусы и, конечно, стапелии — все эти и многие другие хорошо известные сегодня садовые и комнатные растения были «приручены» европейцами благодаря Мэссону. Позднее сэр Джон Эдвард Смит отмечал, что в Англии «каждая мансарда, оранжерея и окна любого коттеджа украшены многочисленными видами прекрасных семейств луковичных растений Кейптауна. <...> Всему этому, а также многим настоящим редкостям мы обязаны мистеру Мэссону»¹²⁸.

Подготовив к публикации свои сообщения, Мэссон не стал задерживаться в Лондоне. В следующие три года он посетил Мадейру, Канарские, Азорские, Антильские острова, а в 1779 г. оказался во французской тюрьме на о. Гренада по подозрению в шпионаже. В 1781 г. ураган на о. Св. Люсии уничтожил всю его коллекцию и путевой журнал, Мэссон вынужден был вернуться ни с чем. В начале 1780-х гг. от Мэссона приходили посылки с растениями из Северной Африки, Испании и Португалии. В 1786 г. он вернулся из Португалии и тотчас отплыл в Южную Африку, чтобы исследовать стапелии, которым он посвятит отдельную книгу. В 1795 г. Мэссон возвращается в Лондон, готовит к публикации основательный труд, снабженный

¹²⁷ *Masson F.* An Account of Three Journeys from the Cape Town into the Southern Parts of Africa. P. 302–303.

¹²⁸ Francis Masson. URL: <https://www.doaks.org/resources/online-exhibits/botany-of-empire/botanical-personalities/stapeliae-novae-or-a-collection-of-several-new-species-of-that-genus-discovered-in-the-interior-parts-of-africa> (date of access: 25.08.2021).

иллюстрациями о стапелиях, и вновь по заданию Бэнкса отправляется в путь, на этот раз в Северную Америку (рис. 12, 13).

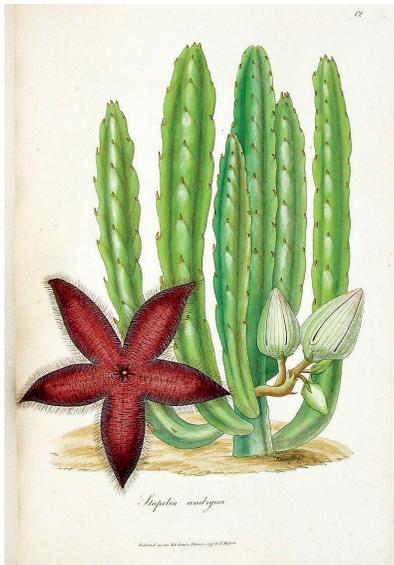

Рис. 12. Слева: *Stapelia ambigua*.
Иллюстрация Ф. Мэссона
из *Stapeliæ novæ*, 1796¹²⁹

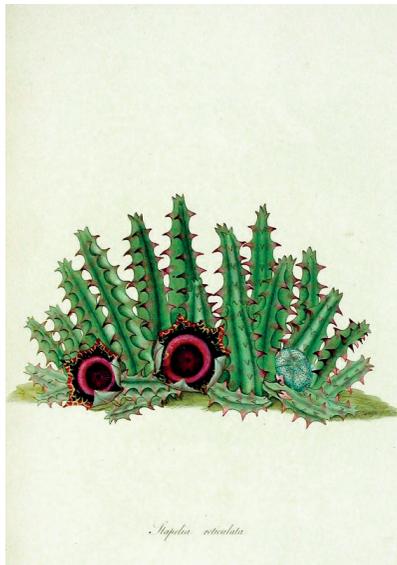

Рис. 13. *Stapelia reticulata*.
Иллюстрация Ф. Мэссона
из *Stapeliæ novæ*, 1796¹³⁰

Книга о стапелиях стала подлинным триумфом Мэссона. Открытые еще в ходе первого путешествия по Южной Африке, цветущие суккуленты поразили его воображение: «местный крестьянин сказал нам, что зимой холмы словно раскрашены во все цвета радуги. И добавил, что до сих пор ни одному ученому-ботанику не удалось увидеть его деревню в “цветочный сезон”, чем он весьма опечален»¹³¹. Иллюстрации к книге Мэссон выполнил самостоятельно¹³².

¹²⁹ См.: *Masson F. Stapeliæ novæ*.

¹³⁰ См.: *Ibid.*

¹³¹ *Masson F. An Account of Three Journeys from the Cape Town into the Southern Parts of Africa*. P. 306.

¹³² См.: *Jarrel R. A. Masson, Francis* [Dictionary of Canadian Biodgraphy]. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/masson_francis_5E.html (date of access: 30.09.2021).

Стапелии относятся к группе суккулентов — растений, которые имеют специальные ткани для запаса влаги, так как произрастают, как правило, в засушливом климате. При этом суккуленты не связаны между собой родственными связями, к этой группе относятся растения из разных родов. Стапелии входят в семейство *Asclepiadaceae* (Ластовневые) и представляют собой многолетние низкорослые растения (до 60 см в высоту) с плотными мясистыми стеблями, по граням которых расположены неколющие зубчики, из-за чего стапелии внешне напоминают кактусы. Цветки стапелий обычно расположены у основания стеблей, на молодых побегах и имеют форму звезды с яркой привлекающей окраской, но при этом издают неприятный гнилостный запах, привлекающий насекомых, хотя эти растения не являются «хищниками». Впрочем, встречаются виды, которые не имеют запаха — к примеру, *Stapelia gigantea*, чьи цветки достигают в диаметре 30 см¹³³.

В декабре 1797 г. 57-летний Мэссон прибыл в Нью-Йорк. В течение последующих семи лет он занимался сбором растений в районе Великих озер и планировал возвратиться в Англию к маю 1806 г., но в декабре 1805 г. скончался от неизвестной болезни в доме своего друга банкира Джона Грея (1755–1806) в Монреале¹³⁴. Тридцать три года своей жизни отдал Мэссон охоте за растениями. Не имея возможности завести семью и приобрести собственный дом в Лондоне, привык ли он к вечно неустроенному походному быту и постоянной опасности? Вероятно, Мэссон мог бы поведать о гораздо больших приключениях и интригующих знакомствах, но оставил в наследство преемникам лишь рассказ о своих первых африканских вылазках за пределы Кейптауна, научный труд о поразивших его воображение в ходе все тех же путешествий стапелиях, а также небольшое сообщение об охоте за растениями на о. Сент-Мигель¹³⁵.

Значимым итогом его путешествий стала большая коллекция растений и семян, привезенная в Лондон. За время пребывания в Аф-

¹³³ Хессайон Д. Г. Все о комнатных растениях. С. 210.

¹³⁴ См.: Francis Masson. URL: <https://www.undiscoveredscotland.co.uk/usbiography/m/francismasson.html> (date of access: 25.08.2021).

¹³⁵ См.: Masson F. An Account of the Island of St. Miguel // Philosophical Transactions of the Royal Society. 1778. Vol. 68. P. 601–610.

рике Мэссону удалось собрать и в дальнейшем передать Садам Кью и лично Бэнксу свыше 500 видов растений. Однако нам представляется, что гораздо важнее тот факт, что «Сообщение...» — первая попытка ботаника рассказать о своей работе. Этот текст интересен для нас с точки зрения изучения рутинных научных практик, языка научного описания и научной этики данного периода, — времени, когда ботаника переживала пик своей популярности и оказывала влияние на развитие научной мысли в целом¹³⁶, и в то же время вынуждена была противостоять общественному неодобрению и опровергать предрассудки в отношении гендерных ролей и сексуализации своей области исследований¹³⁷. Маловероятно, что Мэссон намеренно старался превознести свой труд, полный опасностей и лишений, чтобы представить себя и других ботаников в лучшем свете. Судя по всему, дневниковые записи Мэссона оказались своевременными и уместными для ученого сообщества в ситуации подъема в развитии ботаники и систематики, поскольку публикация «Сообщения...» давала возможность получить реальное представление об обстоятельствах жизни ученого в ботанической экспедиции.

Охота за растениями как отдельная практика научно-исследовательского процесса натуралистов воспринималась Мэссоном и его покровителем Бэнксом как своего рода миссия. В письме к Георгу III Бэнкс писал о необходимости собрать в пределах Кью как можно больше растений со всех уголков мира, дабы превзойти прославленные сады Трианона, Парижа, Упсалы¹³⁸. К концу XVIII в. это удалось, соревнование было выиграно. Королевские ботанические сады Кью являли своим растительным собранием доказательство «вездесущности» Британской империи и ее успеха в освоении ботанической науки.

¹³⁶ См.: *Дастон Л.* История науки и история знания. С. 63–90.

¹³⁷ См.: *Fara P.* Sex, Botany and Empire. P. 9–12.

¹³⁸ См.: *Fransis Masson.* URL: <https://www.doaks.org/resources/online-exhibits/botany-of-empire/botanical-personalities/stapeliae-novae-or-a-collection-of-several-new-species-of-that-genus-discovered-in-the-interior-parts-of-africa> (date of access: 25.08.2021).

Глава 3

ДЖОН КОКЛИ ЛЕТТСОМ, ВРАЧ

«Я так сильно люблю чай,
что мог бы написать целую диссертацию
о его достоинствах».

Джеймс Босуэлл, XVIII в.

Здание музея «Коллекции Велкома», находящееся на улице Юстон-роуд в Лондоне, является типичным образцом архитектуры боз-ара. Этот музей и публичная библиотека хранят в своих недрах одно из самых необычных собраний, посвященных истории медицины и науки. Название музей получил по имени своего основателя сэра Генри Соломона Уэлкома (англ. *Sir Henry Solomon Wellcome*, 1853–1936). Здесь между зубной щеткой Наполеона, пилами для ампутаций, современными интерактивными моделями сердца и легких, анатомических рисунков Леонардо да Винчи и провокационной скульптуры Марка Куинна прячется неприметный семейный портрет конца XVIII в. (рис. 14). Автор работы неизвестен, но вот заказчик легко узнаваем. Это Джон Кокли Леттсом (1744–1815), британский врач, филантроп, натуралист и убежденный аболиционист (рис. 15). Леттсом изображен в окружении своей семьи, супруги Энн Мейерс и пятерых детей. Подобно знаменитому «Портрету четы Эндрюс» кисти Гейнсборо, чета Леттсом изображена на фоне ландшафта своего загородного поместья. Однако идиллический союз полей, холмов и облаков-барашков, в сравнении с работой Гейнсборо, присутствует скорее условно: изображенному вдалеке природному простору противопоставлены буквально стены: высокая каменная изгородь ботанического сада и примыкающая к ней стеклянная оранжерея. Гораздо более тщательно прописаны экзотические растения в горшках на переднем плане: цветущие кактусы-суккуленты и, судя по всему, кипарис.

Рис. 14. Неизв. художник. Джон Кокли Леттсом, врач, с семьей в саду своего дома в Грув Хилл, Камберуэлл, графство Суррей, 1786. «Коллекция Вэлкома», Лондон

Внимание к ботаническому «реквизиту» — не просто дань моде. Указание художника на особенное отношение семьи Леттсомов к природе прочитывается и в других деталях: на коленях старшей дочери Мери Энн сидит олененок, младшие дети играют с собакой, а сыновья Джон Мейерс и Сэмюэл Фозергилл держат в руках букет цветов и телескоп. Такое изображение природных объектов и инструментов для их изучения в руках человека призвано подчеркнуть собственное семье заказчика стремление к изучению и познанию природы, а не просто любовь к ней.

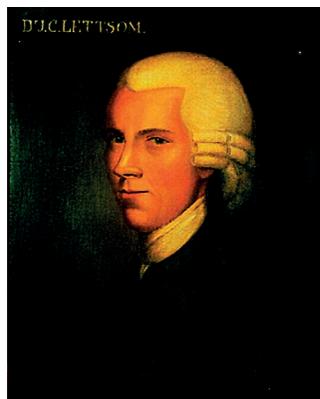

Рис. 15. И. Цофанны. Портрет Дж. К. Леттсома, ок. 1782. Медицинское общество Лондона

Портрет семьи Леттсом — это портрет семьи натуралиста XVIII в., своеобразное визуальное свидетельство повсеместности и вариативности ботанических изысканий. В данном случае перед нами «домашняя ботаника»: наблюдение, эксперимент, систематическое описание практикуются в стенах частного ботанического сада, и в эти практики вовлечены все члены семьи натуралиста — супруга и дети разделяют интерес главы семейства к познанию природы.

Какой путь проделал Леттсом к тому моменту, когда пригласил в свой сад неизвестного нам художника запечатлеть свой профессиональный и личный успех? И какую роль сыграла на этом пути ботаника?

22 ноября 1744 г. на крошечном острове Литтл Йост-ван-Дейк, что относится Британским Виргинским островам в Вест-Индии, в семье владельца сахарных плантаций Эдварда Леттсома и его жены Мери Кокли в седьмой раз родились близнецы. Новорожденных нарекли Джоном и Эдвардом. Все предыдущие дети Мери и Эдварда умирали вскоре после рождения. Отличалось ли отношение Мери и Эдварда к мальчикам особенным трепетом ввиду многократных предыдущих потерь или, напротив, они заранее смирились с возможной новой утратой и избегали привязанности? Ни Джон, ни его брат не оставили воспоминаний о своем раннем детстве. Известно, что мистер Леттсом поручил своему другу, капитану Уильяму Линдо, сопроводить шестилетнего Джона в Англию и передать его на попечение семье Роулинсов в г. Ланкастере. Роулинсы, как и Леттсома, были квакерами и входили в Общество друзей¹³⁹. Квакеры оказывали широкую поддержку

¹³⁹ Квакеры — члены религиозного Общества друзей, появившегося в Англии в 1640–1650-е гг.; также часто называют себя «Церковь Друзей». Название «Друзья» основано на цитате из Евангелия от Иоанна 15: 14,15: «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедаю вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего». Квакеры убеждены, что все люди могут переживать опыт прямого божественного откровения, наделены внутренним Светом Божиим. Они не признают традиционных богослужений англиканской церкви. Долгое время обвинялись в богохульстве и подвергались жестким преследованиям до принятия Акта о веротерпимости 1689 г.

друг другу. Оставаясь на попечении родственницы Роулинсов, вскоре овдовевшей миссис Барнс, юный Джон Леттсом поступил в школу для мальчиков Гилберта Томпсона, а затем был принят в Общество друзей. Как указывает его биограф, школа поощряла в своих юных учениках любознательность, активность и наблюдательность; дети часто проводили время на свежем воздухе, имея возможность на собственном опыте знакомиться с явлениями природы, каждому ученику разрешалось иметь певчих птиц. Так, на прикроватном столике Леттсома стояла клетка с двумя коноплянками. Его любимыми литературными персонажами в это время были Робин Гуд и Робинзон Крузо¹⁴⁰.

Частый гость миссис Барнс Сэмюэл Фозергилл, младший брат известного и крайне востребованного лондонского доктора Джона Фозергилла, отметил живой ум и энергичность мальчика. Когда в 1758 г. умер Эдвард Леттсом, Мери Кокли во второй раз вышла замуж, и в Ланкастер не поступало никаких распоряжений относительно дальнейшей судьбы Джона. С. Фозергилл пристроил 14-летнего Леттсома в ученики к хирургу и аптекарю Абрахаму Сатклифу, имевшему частную практику в г. Сеттле, графство Йоркшир. В течение пяти лет Джон изучал латынь и греческий, помогал Сатклифу собирать гербарии и ассистировал ему при проведении врачебных манипуляций. Летом 1766 г. после окончания обучения Леттсом получил диплом врача и с рекомендацией от Сэмюэла Фозергилла отправился в Лондон к Джону Фозергиллу, который устроил его камердинером хирурга в госпиталь Св. Томаса.

Профессиональный путь натуралистов, выходцев из среды квакеров, в это время складывался непросто. Они не могли учиться в университете, но для того, чтобы заниматься ботаникой, обязательно было иметь докторскую степень. Многие квакеры начинали с профессии аптекаря, а затем принимались за ботанические исследования. Они писали на основе своих наблюдений трактаты по медицине или фармакологии, постепенно завоевывая авторитет.

¹⁴⁰ См.: *Pettigrew Th. J. Memoirs of the life and writings of the late John Coakley Lettson... with a selection from his correspondence.* London : Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1817. P. 10.

Таков был путь наставника Леттсома Джона Фозергилла и Уильяма Кёртиса. Квакеры оказывали исключительную поддержку друг другу, и не только финансовую. Более опытные и успешные брали под свое крыло начинающих натуралистов и фармацевтов, помогая им в выборе направления исследования, привлекая к участию в собственных проектах, нанимая в качестве ассистентов и, что не менее важно, способствуя социализации энтузиастов-провинциалов, недавно прибывших в Лондон¹⁴¹. Впрочем, Леттсом, вспоминая те времена, подчеркивал, что «его самым любимым предметом для изучения оставалась ботаника»¹⁴².

Как в это время складывалась судьба его брата, Эдварда Кокли Леттсома, оставшегося на Виргинских островах, неизвестно. В возрасте 24 лет он умер. Узнав об этом, в 1768 г. Джон Кокли Леттсом вернулся в Вест-Индию, чтобы вступить во владение плантациями отца. Здесь он отпустил на волю рабов, вспоминая впоследствии, что это решение оказало огромное влияние на становление его личности:

«Это был момент, когда я стал по-настоящему взрослым. Я обнаружил, что основная моя собственность — это рабы, и не имея ни малейшего представления о том, как сложится моя дальнейшая судьба, вступая в этот мир без надежды на счастливый случай, покровителя, друга или организацию, я дал всем рабам свободу»¹⁴³.

Сделав все необходимые распоряжения, Леттсом отправился на соседний остров Тортола и быстро приобрел здесь известность как практикующий врач, а вместе с тем заработал капитал в 2 000 фунтов, что позволило ему в скором времени поступить в Эдинбургский университет, прослушать несколько курсов в университетах Европы и в 1769 г. получить степень доктора медицины

¹⁴¹ См.: William Curtis / Quakers in the world. URL: <https://www.quakersintheworld.org/quakers-in-action/254/William-Curtis> (date of access: 11.11.2020).

¹⁴² *Pettigrew Th. J. Memoirs of the life and writings of the late John Coakley Lettson...* P. 17.

¹⁴³ *Ibidem*.

в Лейденском университете¹⁴⁴. Здесь Леттсом представил к защите труд по исследованию лекарственных свойств чайного куста.

Активный, предприимчивый, общительный Леттсом стремился установить как можно больше интересных и полезных знакомств. Он быстро стал известен не только в сообществе квакеров: заведя дружбу с Джоном Фозергиллом и Уильямом Торнтоном, он также вошел в контакт с Эразмусом Дарвином, Альбрехтом фон Геллером, Бенджамином Рашем, Джорджем Вашингтоном и Бенджамином Франклином. Вскоре *Westminster Magazine* начал публиковать карикатуры на Леттсома, в которых он фигурировал под прозвищем «доктор Выскочка», едкие лимирики и памфлеты о том, как подняться в обществе при помощи врачебного искусства¹⁴⁵. Скандальной делали известность Леттсома и его многочисленные романы и интрижки. Героиней одной из его любовных историй зимой 1769/70 г. стала племянница его покровителя Джона Фозергилла Бетти, гостившая в ту пору в доме дяди и едва не расторгнувшая из-за него помолвку со своим женихом¹⁴⁶. Впрочем, этот инцидент не испортил отношений Леттсома и Фозергилла.

В 1770 г. Леттсом получил лицензию Королевского колледжа врачей, стал членом Общества антиквариев, а также основал общедоступную больницу (анг. *General Dispensary*) на улице Элдерстейт-стрит. 31 июля 1770 г. состоялась его женитьба на «кроткой юной леди» Энн Мейэрс, дочери состоятельного изготовителя оловянной посуды¹⁴⁷. «Нельзя было отыскать более нежного, заботливого и внимательного... супруга, как доктор <...>, чье постоянное попечение о счастье супруги вело к приумножению состояния и комфорта, в котором жила семья»¹⁴⁸, — отмечает биограф Леттсома. Однако тут же признает, что и для Леттсома этот брак был необыкновенно

¹⁴⁴ См.: *Cambridge N. James Boswell, Dr John Coakley Lettsom and their Circle* // *Boswell Society J.* 2014. P. 50.

¹⁴⁵ См.: *Ibidem*.

¹⁴⁶ См.: *Elkinton R. J. Betty Fothergill and Her «Uncle Doctor»*. An Intimate Glimpse of Dr. John Fothergill // *History of Medicine.* 1976. Vol. 85, Nr 5. P. 637–640.

¹⁴⁷ См.: *Pettigrew Th. J. Memoirs of the life and writings of the late John Coakley Lettsom...* with a selection from his correspondence. London : Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1817. P. 31.

¹⁴⁸ *Ibid.* P. 32.

удачным предприятием с финансовой точки зрения — приданое невесты во многом определило тот размах благотворительной деятельности, которую Леттсом смог позволить себе в дальнейшем¹⁴⁹.

В 1773 г. Леттсом был принят в члены Лондонского королевского общества. В тот же год он основал Медицинское общество Лондона (анг. *Medical Society of London*), стремясь объединить усилия врачей, аптекарей и ученых по улучшению качества жизни различных категорий горожан, уделяя особое внимание положению бедного и зависимого населения. В 1774 г. он помогал Уильяму Хаусу в основании Королевского благотворительного общества (анг. *Royal Human Society*). Публичный человек, филантроп и аболиционист Леттсом в то же время относился к своей профессии с известной долей иронии. В эпиграмме, сочиненной им на самого себя, он так оценивает результат своей профессиональной деятельности:

«Тем пациентам отворял я жилы,
Тем пациентам ставил я компресс...
Те десять лет, те десять дней прожили,
Ни к тем, ни к тем, я лишний раз не лез»¹⁵⁰.

В 1775 г. Леттсом публикует брошюру «Об улучшении медицины в Лондоне, по принципу общего блага». Текст Леттсома обращен к таким же, как он, состоятельным меценатам и филантропам Лондона, а также к заинтересованным в практике докторам. Его предназначение — увеличение размера пожертвований на нужды основанной им больницы с целью ее расширения и привлечения большего количества подписчиков и врачей. Рассуждая о необходимости помогать неимущим, Леттсом апеллирует не столько к морали (моральному долгу помогать ближнему), сколько к практической пользе: снижение общей заболеваемости и смертности среди рабочих фабрик и домашних слуг благоприятно отразится

¹⁴⁹ См.: *Pettigrew Th. J. Memoirs of the life and writings of the late John Coakley Lettson... with a selection from his correspondence.* P. 32.

¹⁵⁰ См.: Эпиграмма на доктора Леттсома, сочиненная им самим / пер. Е. Фельдмана. URL: <http://www.eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=12367> (дата обращения: 01.10.2021).

на экономике и жизни общества в целом. За общим благом неизменно следует взаимная польза. Можно сказать, что для Леттсома общее благо — это общая выгода/польза, реализованная гражданами в частном порядке, не привязанная к государству и правовому статусу гражданина.

В этой работе Леттсом отказывается от абстрактных рассуждений, его предложения конкретны и подкреплены, помимо профессиональных знаний, расчетами и схемами, а понятия «общее благо» (анг. *public good*) и «взаимная выгода» (анг. *mutual benefit*) используются в качестве обоснований целесообразности предложенных автором мер. Однако за пространными рассуждениями о благе кроется весьма практичный и даже утилитарный взгляд на проблемы городской инфраструктуры и связанные с этим вопросы охраны здоровья жителей Лондона:

«Я надеюсь, они [благотворители] пожертвуют больше, чем предписывает им привычка к экономии, когда осознают, что общая польза превосходит их самые оптимистичные прогнозы. На этом основании я предлагаю [новый] проект больницы, снабженной банями и всем необходимым оборудованием на любые непредвиденные случаи с расчетом всех расходов, которые потребуется произвести: и поскольку в окрестностях Элдерсгейта много старинных зданий, управляющие [больницей] могут решить, где привести данный план в исполнение. И, принимая во внимание все возможности и удобства, мы можем обрести как личную выгоду, так и общую пользу»¹⁵¹.

Кроме этого текста, Леттсом опубликовал множество рекомендаций, посвященных лечению и профилактике конкретных заболеваний, особенностям по уходу за больными, питанию, формированию полезных привычек и вакцинации, которые позднее были собраны и изданы в трех томах¹⁵².

¹⁵¹ *Lettsom Jh. C. Of the improvement of medicine in London, on the basis of public good. London, 1775. P. 42–43.*

¹⁵² См.: *Lettsom Jh. C. The Hints Designed to Promote Beneficence, Temperance, and Medical Science : in 3 vol. London : J. Nichols for J. Mawman, 1802.*

Высокая социальная активность и известность стали следствием не только его широких исследовательских и общественно-политических интересов, но и неуклонного роста материального благосостояния. Обосновавшись после возвращения в Лондон на Бэсингейл-стрит, он упорно работал над расширением своей врачебной практики и признанием его как высококвалифицированного специалиста. В 1779 г. Леттсом вместе с женой и детьми переезжает в имение Грув-Хилл в районе Камбервэлл.

XVIII в. в Англии стал «золотым веком медицины», периодом, когда профессия врача была необычайно престижной и хорошо оплачиваемой. В 1791 г. Леттсом подвел своеобразный итог своей деятельности: «за последние 19 лет я не взял ни одного выходного»; в 1800 г. его доход составил 12 тыс. фунтов¹⁵³. Как считает историк медицины С. Бритнэч, высокие заработки врачей во многом были обусловлены всеобщей верой в силу лекарственных препаратов: «субстанций, о которых врачи почти ничего не знали, но распространяли их среди своих пациентов, не знающих о лекарствах совсем ничего»¹⁵⁴. Однако участие во множестве благотворительных проектов и расходы на обширное поместье (изначально Леттсом построил свой дом на 2,5 акрах земли, но к 1795 г. расширил свои владения до 10 акров, большая часть из которых была отведена под сады, медицинский огород, фруктовый сад, теплицы и ландшафтные постройки с фонтанами) существенно уменьшили его капиталы. В 1810 г. Леттсом вынужден был продать поместье. Но до этого момента усадьба Грув-Хилл успела стать центром притяжения для многих лондонских интеллектуалов. Леттсом большое внимание уделял своему ботаническому саду и оранжереям. По субботам был открыт свободный доступ к его обширной библиотеке и естественно-научным коллекциям, а в небольшом павильоне-обсерватории «Храм Сибиллы» проходили астрономические лекции. Частыми гостями виллы были писатель Джеймс

¹⁵³ См.: *Cambridge N. James Boswell, Dr John Coakley Lettsom and their Circle*. P. 50.

¹⁵⁴ *Breathnach C. S. John Coakley Lettsome (1744–1815). Philanthropologist and physician // Ulster Medical J. 2015. Nr 84 (2). P. 117.*

Босуэлл, драматург Джеймс Плампре, издатель Уильям Кёртис, художник Джеймс Сауэрби¹⁵⁵.

В небольшой книжке «Грув-Хилл: сельскохозяйственный и агрокультурный очерк» Леттсом подробно описывает состояние своей усадьбы, построек, садов. Содержимое библиотеки ее хозяин оценивает в 6 тыс. экз., а гербарную коллекцию — в 60 томов. Кроме того, в западном крыле, где находится библиотека, хранятся и коллекции морских раковин, насекомых, образцы древесных пород и других натуралистических диковин¹⁵⁶. В настоящее время эти коллекции утрачены. По данным двух каталогов, включенных в очерк, во фруктовом саду Леттсома насчитывалось 87 сортов девяти видов плодовых деревьев: абрикосов, персиков, груш, нектаринов, яблок, вишен, слив, фиговых деревьев и винограда, а также 392 вида различных растений Европейского континента и 106 видов деревьев и кустарников из Америки. Таким образом, ботанический сад Леттсома насчитывал свыше 500 видов растений.

Это было наполовину меньше содержимого знаменитого сада Аптон Гарденс (*Upton Gardens*) Джона Фозергилла, каталог которого после смерти прославленного филантропа составил его протеже Леттсом¹⁵⁷. Джозеф Бэнкс оценивал сад Фозергилла как второй по величине и представленному разнообразию после Королевских ботанических садов Кью¹⁵⁸. Но, справедливости ради, стоит сказать, что по площади сад Леттсома был в шесть раз меньше сада Фозергилла. Каталог, составленный Леттсомом, остался единственным свидетельством богатства растительной коллекции Аптон Гарденс, поскольку вскоре после кончины Фозергилла все его коллекции были распроданы. Сад Фозергилла был открыт в качестве публич-

¹⁵⁵ См.: *Hunting P.* Dr John Coakley Lettson, Plant-Collector of Camberwell // *Garden History*. 2006. Vol. 34, Nr 2. P. 221–235.

¹⁵⁶ См.: *Lettson Jh. C.* The Groove-Hill: the rural and horticultural sketch. London : Printed by Stephen Couchman, 1801. P. 13–14.

¹⁵⁷ См.: *Lettson Jh. C.* Hortus uptonensis; or, a catalogue of stove and green-house plants in Dr. Fothergill's garden at Upton, at the time of his decease anno 1780. London, 1783.

¹⁵⁸ См.: *Thompson G.* Memoirs of the Life and a View of the Character of the Late Dr. John Fothergill. London : Printed for T. Cadell, in the Strand, 1782.

ного парка его новым владельцем Сэмюэлом Гарни, и в настоящее время существует под названием Вэст Хэм парка¹⁵⁹.

Сады Леттсома ждала менее завидная участь. Усадьба была снесена в конце XIX в., по территории садов проложена железная дорога. Сегодня на улице Грув-Хилл существует небольшой общественный сад, названный в честь Леттсома. Его именем названа также одна из улочек в этом районе¹⁶⁰. Основанная им больница на Элдерстейт-стрит действовала дольше (рис. 16). Переезжая из одного здания в другое, она, тем не менее, функционировала до 1948 г. Проект, который просуществовал до нашего времени — Лондонское медицинское общество. Зачастую имя Леттсома упоминается именно в связи с его основанием и разработкой устава (рис. 17).

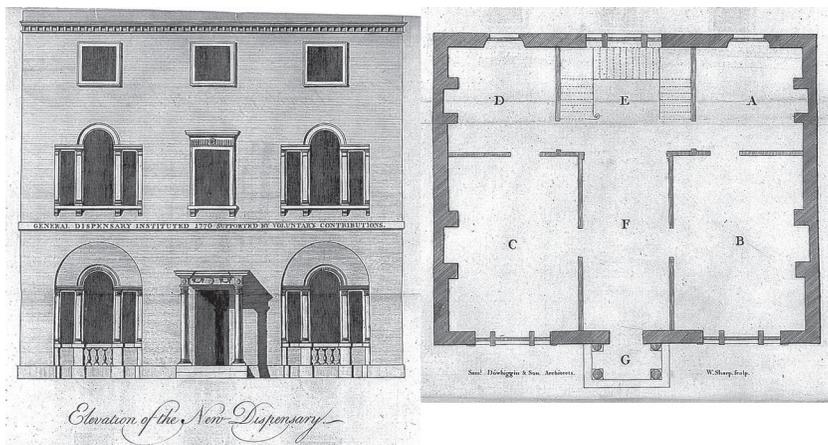
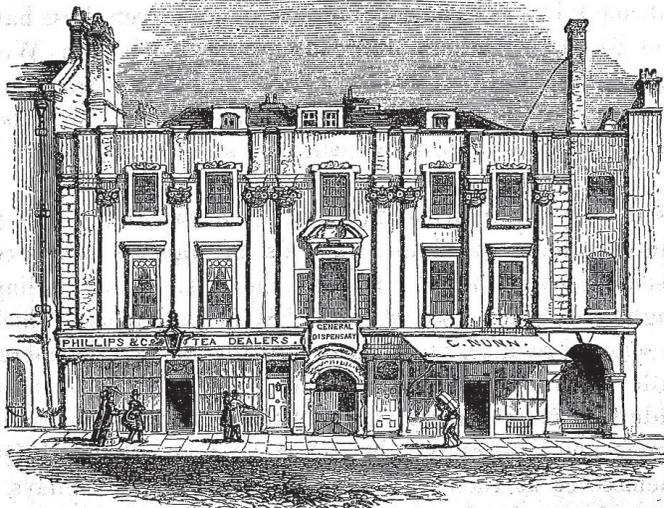

Рис. 16. План больницы (англ. *General Dispensary*) из брошюры Леттсома, фронтиспис¹⁶¹

¹⁵⁹ См.: West Ham Park. URL: <https://historicengland.org.uk/listing/the-list/list-entry/1001685> (date of access: 23.08.2021).

¹⁶⁰ См.: Lettsom Gardens Association. URL: <http://www.lettsomgardens.org.uk/index.html> (date of access: 22.08.2021).

¹⁶¹ См.: *Lettsom Jh. C. Of the improvement of medicine in London, on the basis of public good.* London : Printed by James Philips, for E. and C. Dilly, 1775.

[Shaftesbury House, Aldersgate Street, now General Dispensary.]

Рис. 17. Больница на Элдерсгейт-стрит
в 1840-х гг. Гравюра из книги Чарлза Найта¹⁶²

Активная общественная деятельность и успешная врачебная практика — вот те заслуги, которые приписывают Леттсому биографические статьи. Однако путь к славе филантропа и «доброто доктора» лежал через ботанические исследования и ряд любопытных публикаций. Мы уже упоминали, что его докторская диссертация была посвящена чайному кусту. В 1772 г. на основе этой научной работы, выполненной на латыни, он опубликует книгу на английском языке. Книга называлась «Естественная история чайного куста: с наблюдениями за лекарственными свойствами чая и последствиями употребления чая». Первая часть книги, посвященная естественной истории чая, представляет собой непосредственно систематическое описание чая как растения и является популярным переложением диссертации Леттсома. Вторая

¹⁶² См.: *Knight Ch.* London. London : Charles Knight & Co., 1841–1844.

часть — рассуждения Леттсома о лечебных свойствах чайного напитка, основанные на его врачебной практике. Однако беглый взгляд на содержание работы может привести читателя в замешательство: Леттсом перечисляет в качестве рассмотренных им наименований зеленый (англ. *Green thea*) и черный чай (англ. *Bohea thea*)¹⁶³, Османтус душистый (*Osmanthus fragrans*)¹⁶⁴ и Камелию сасанква (*Camellia sasanqua*)¹⁶⁵. Если названия второго и третьего видов приведены на латыни, почему для чая он использует тривиальные, общеупотребительные названия? (рис. 18).

Дело в том, что Леттсом указывает на ошибку Линнея в видовом разграничении зеленого и черного чая. В 1765 г. одним из учеников Линнея была защищена диссертация о свойствах чайного напитка¹⁶⁶, в которой использованы введенные Линнеем названия *Thea Bohea* — для черного байхового чая и *Thea viridi* — для зеленого чая. Из названий видно, что «отец ботаники» выделял чайный куст в отдельный род и подразделял его виды.

На самом деле два основных типа чайного напитка — черный и зеленый — изготавливаются из одного и того же растения — чайного куста, или в современной ботанической номенклатуре *Camellia sinensis*. Чайный куст — это вечнозеленый кустарник, который относится к тому же роду, что и садовые камелии, и «любит возвышенности, тепло, обильные дожди и кислую почву»¹⁶⁷.

Разница во внешнем виде чайных листьев и цвете, вкусе и аромате приготовленных из них напитков объясняется отличиями в технологии сбора и обработки так называемых типсов — вер-

¹⁶³ *Camellia sinensis* — лиственный кустарник семейства Чайные (*Theaceae*) рода Камелия. Современное видовое название чая, отличное от используемого в XVIII–XIX вв. Сохранено устаревшее написание слова «чай»: *thea*.

¹⁶⁴ *Osmanthus fragrans* — лиственный кустарник семейства Маслиновые (*Oleaceae*), происходящий из Восточной Азии. Его цветки применяются в качестве ароматической добавки в чай.

¹⁶⁵ *Camellia sasanqua* — лиственный кустарник семейства Чайные (*Theaceae*), произрастающий в Юго-Восточной Азии. Листья применяются как пряность и сырье для производства ванилина.

¹⁶⁶ См.: *Tillaeus P. C., Linney C. Potus theae: quem dissertatione medica. Uppsala, 1765.*

¹⁶⁷ *Байнум У., Байнум Х. Выдающиеся растения, которые изменили нашу жизнь. М. : КоЛибри, 2020. С. 134.*

хушечных побегов (два верхних листка и листовая почка). Типсы собирают два раза в год: ранней и поздней весной (или в начале лета). Молодые типсы при легкой ферментации дают зеленый чай, а более зрелые верхушечные побеги, выдержавшие глубокую ферментацию, — черный¹⁶⁸.

Рис. 18. *Camellia sinensis* / «Зеленый чай».
Иллюстрация из книги Дж. Леттсома
«Естественная история чайного куста», 1772¹⁶⁹

¹⁶⁸ См.: Байнум У, Байнум Х. Выдающиеся растения, которые изменили нашу жизнь.

¹⁶⁹ См.: Lettson Jh. C. The natural history of the tea-tree: with observations on the medical qualities of tea and on the effects of tea drinking. London : Printed by J. Nichols for Charles Dilly, 1772.

Действительно, ферментированный черный и зеленый чай сильно отличаются по внешнему виду, не говоря о визуальных, вкусовых и ароматических свойствах напитков, приготовленных из них. Неужели именно эти свойства ввели в заблуждение Линнея? На ошибку знаменитого шведа указал в личной переписке Джон Эллис, ботаник, автор популярного пособия о способах морской транспортировки растений и семян¹⁷⁰. Леттсом впервые сделал это публично. В первом издании своей книги он не устает повторять, что «существует лишь один-единственный вид этого растения; различия между байховым и зеленым чаем обусловлены лишь составом почвы, методом культивации [растения] и способом высушивания листьев»¹⁷¹. Второе издание, вышедшее в 1799 г., повторяло этот тезис, однако не содержало никаких предложений по поводу корректировки названия. Возможно, Леттсом не решался выступить против авторитета Линнея. Вероятно, ему недоставало эмпирических данных и опыта наблюдений для того, чтобы разобраться с действительной видовой принадлежностью чайного куста и установить его истинное место в иерархической системе видов. Вплоть до середины XIX в. заблуждение о выделении чая в отдельный род и разграничении подвидов черного и зеленого чая было широко распространено¹⁷².

Вторая часть книги Леттсома также содержит любопытные рассуждения. Основанная, как уже было указано, на его наблюдениях за пациентами, она в качестве аргументов против целебных свойств чая включает пересказанные доктором впечатления его подопечных. Одно из таких признаний, полученное от небогатого юноши «тщедушного телосложения», подтверждает высказанное Леттсомом предположение о том, что употребление чая расстраивает нервную систему: ухудшает настроение, приводит в возбужденное состояние, напрасно раздражает чувства и ум. По признанию юноши, после чая он погружается в «уныние и меланхолию, сопровождающуюся ухудшением

¹⁷⁰ См.: *Ellis Jh. Instructions for Bringing over Seeds and Plants, from the East Indies and Other Distant Countries, in a State of Vegetation.*

¹⁷¹ *Lettsom Jh. C. The natural history of the tea-tree: with observations on the medical qualities of tea and on the effects of tea drinking.* P. 7.

¹⁷² См.: *Pettigrew Th. J. Memoirs of the life and writings of the late John Coakley Lettsom...* P. 103.

памяти, дрожью, склонностью к чрезмерному возбуждению от самых обыденных происшествий»¹⁷³. Судя по всему, Леттсома настраивали против чая содержащиеся в напитке алкалоиды кофеин и теофиллин, в разных дозировках по-разному воздействующие на нервную систему человека. Обладая психостимулирующим свойством, они вызывают привыкание. Чайные листья действительно содержат больше кофеина, чем кофейные зерна, однако по воздействию на организм человека кофейный напиток в десять раз сильнее чайного¹⁷⁴.

Выступая против употребления чая, Леттсом отлично понимал, что бросает вызов общественному вкусу и нежной привязанности своих современников к чайному напитку. Джеймс Босуэлл, чья дружба с Леттсом продолжалась на протяжении 30 лет, пренебрегал осторожным отношением своего друга к этому напитку и, называя зеленый чай «заколдованной водой», в своих мемуарах признавался, что «это самое ласковое лекарство в своем роде. Часто я находил в нем себе утешение»¹⁷⁵. В конечном счете мы не знаем, расценивал ли Леттсом самого себя как подверженного негативному воздействию напитка или разделял радости чаепития вместе со своим другом. Высказывания исследователя необязательно соответствуют его убеждениям. Как писал автор концепции «неискреннего исследователя истины» С. Фуллер, «в конечном итоге, для целей исследования лучше интересно ошибиться, чем быть надежно правым»¹⁷⁶. Для того, чтобы получить известность, более или менее радикальные заблуждения даже более полезны, ведь они вызывают дискуссию. Обращаясь к волнующей каждого англичанина теме чая в своих ботанических исследованиях, Леттсом явно учитывал всеобщий интерес и определенный резонанс, который вызовет его книга.

¹⁷³ *Lettsom Jh. C. The natural history of the tea-tree: with observations on the medical qualities of tea and on the effects of tea drinking. P. 45–50.*

¹⁷⁴ См.: *Байнум У, Байнум Х.* Выдающиеся растения, которые изменили нашу жизнь. С. 138.

¹⁷⁵ *Boswell J. Boswell's London Journal, 1762–1763 / ed. Frederick Albert Pottle and Peter Ackroyd. New Haven, 2004. P. 189.*

¹⁷⁶ *Фуллер С.* Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. С. 321.

Другая важная публикация в начале его карьеры — пособие по сбору естественно-научных коллекций «Спутник натуралиста и путешественника» — была трижды переиздана при жизни автора, а также неоднократно издавалась в виде репринтов после его смерти. Пособие впервые увидело свет в 1772 г. В начале данной главы мы отметили, что на семейном портрете Леттсома запечатлена «домашняя ботаника». Справочник натуралиста — замечательное проявление «глобальной ботаники», такого измерения ботанических изысканий, которое требует выхода за пределы привычных мест обитания, описания новых экзотических видов, и потому реализуется в ходе путешествий и экспедиций.

«Нет более эффективного способа приумножить наше знание естественной истории, чем посещение чужих краев и тщательное обследование тех различных находок, коими они изобилуют и которые вызывают то или иное восхищение своей новизной и разнообразием. Однако не следует подчинять свои разыскания только лишь собственному удовольствию — зрелость характера требует быть полезным обществу, распространяя благо среди своих ближних», —

так побуждает Леттсом своих современников к вдумчивым наблюдениям и коллекционированию во время заграничных поездок¹⁷⁷ (рис. 19).

Всеобъемлющий характер этого своеобразного справочника свидетельствует об известном универсализме натуралистических поисков второй половины XVIII в. Разбитые на подразделы обе части книги охватывают вопросы составления коллекций животных, птиц, растений, минералов, металлов и монет, а также содержат рекомендации по описанию заграничных способов ремесла и торговли, сбору сведений о религии, политическом укладе и системе представлений об устройстве мира других народов и культур. Первая часть книги включает в себя конкретные методы сбора данных и транспортировки коллекций. Вторая часть представляет собой перечень вопросов и проблем, на которые стоит обра-

¹⁷⁷ См.: *Lettsom Jh. C. The naturalist's and traveller's companion. London : E. and C. Dilly, 1774. P. 2.*

Рис. 19. Оформление «Спутника натуралиста...»
Дж. К. Леттсома¹⁷⁹, фронтиспис

тить внимание путешествующему натуралисту. Каждому разделу предшествует обоснование, почему автор акцентирует внимание исследователя на этих, а не иных вопросах. Вот что пишет Леттсом в разделе, посвященном ботанике:

«Интродукция обыкновенного картофеля, разведение тутовых шелкопрядов, открытие хинина, использование кошенили, лакмуса и индиго — неоспоримые доказательства преимуществ, которые могут быть получены из открытий сметливых исследователей.

Обнаружение аналогичных картофелю корнеплодов или других таких же коммерчески важных статей, как шелк, или других таких

¹⁷⁸ См.: *Lettson Jh. C. The naturalist's and traveller's companion. P. 2.*

лекарств, как хинин, или других таких красителей, как кошениль и индиго, могут приобрести величайшее значение для нации торговцев, а любознательному путешественнику [помогут] обратить на себя внимание как всеобщего благодетеля»¹⁷⁹.

В этом абзаце Леттсом перечисляет все возможные мотивы для изучения ботаники: прикладная ценность новых видов, извлечение прибыли из их культивации и продажи, известность в обществе. Фактически ценность накопления и описания эмпирического материала для конкретного исследователя, любителя или профессионала, Леттсом сводит к «деньгам и славе», об идеале чистого научного знания, поиска истины ради самой истины автор пособия не говорит ни слова. Таковы мотивация и амбициозность естествоиспытателей XVIII в.

Нужно отметить, что сам Леттсом путешествовал мало: его маршруты были подчинены посещению университетов Западной Европы в период студенческих peregrinations. Что касается внушительной коллекции североамериканских растений в его саду, все они получены в качестве даров от друзей. Интерес к флоре Северной Америки воплотился и в спонсировании третьего и посмертного издания книги капитана Джонатана Карвера «Путешествия через внутренние районы Северной Америки в 1766, 1767 и 1768 гг.» Леттсом утверждал, что познакомился с капитаном в критический момент его жизни, когда хорошо образованный и опытный путешественник, бывший военный служащий превратился в разбойника на дороге, и однажды поздним вечером атаковал доктора со словами «кошелек или жизнь». Леттсом, однако, «заподозрил» в своем обидчике хорошо воспитанного гражданина, пригласил его как-нибудь зайти к нему в гости и, когда пристыженный Карвер явился к нему, выпытал все подробности его исследовательских приключений в Америке, а также безуспешных попыток получить компенсацию от британского правительства. На тот момент повесть о его путешествиях издавалась уже дважды, но не принесла автору достойных

¹⁷⁹ *Lettsom Jh. C. The naturalist's and traveller's companion. P. 84–87.*

денег, и Леттсом, чтобы выручить нового знакомого, выкупил права на издание книги¹⁸⁰.

Писатель, неутомимый исследователь, человек с активной гражданской позицией, трудившийся не только на благо развития медицинской науки, но и для обеспечения элементарной медицинской помощи и улучшения качества жизни малоимущих слоев населения, убежденный сторонник отмены рабства, Леттсом скончался 1 ноября 1815 г. Его библиотека перешла в собственность Лондонского медицинского общества, для которого Леттсом выкупил отдельное здание на Флит-стрит¹⁸¹.

Джон Кокли Леттсом — яркий представитель исследователя эпохи Просвещения: амбициозный, предприимчивый, заинтересованный в установлении контактов в «социальной сети», именуемой республикой ботаников, не меньше, чем в самом процессе проведения исследований. Он уловил запрос общества на поиск и интродукцию как можно большего числа новых видов растений: как аналогов уже известных популярных представителей мира флоры, так и принципиально новых.

Его «Спутник натуралиста...» — карманный справочник, адресованный каждому английскому путешественнику — замечательный пример научного поиска, направляемого попечением о благе нации. На примере этой работы Леттсома мы видим, как наука становится частью английской ментальности, прославляя прагматизм и рациональный подход к любой деятельности.

Представляется, что и для своей диссертации Леттсом выбрал чайный куст не случайно. Вероятно, интерес к растению был обусловлен популярностью чайного напитка и появлением традиции английского чаепития. Мода на чай при этом не стала для Леттсома препятствием для выражения непопулярного мнения о его неблагоприятном воздействии на организм, которое ботаник подкрепил личными наблюдениями из врачебного опыта. Гораздо важнее было то, что англичанин осмелился публично указать на ошибку

¹⁸⁰ См.: *Jacobsen V. C. John Coakley Lettsom: And His Relations with Jonathan Carver, Explorer of the Middle West // Annals of Medical History. 1930. Vol. 2. Nr 2. P. 211.*

¹⁸¹ См.: *Breathnach C. S. John Coakley Lettsome (1744–1815). P. 118.*

самого «князя ботаников» — К. Линнея, тем самым оспорить его авторитет и заявить о себе в межнациональном соревновании научных достижений. В благотворительной деятельности Леттсома нашли отражение его взгляды аболициониста и активная гражданская позиция. В своих памфлетах и статьях он не пускался в пространные рассуждения об идеальном устройстве общества, заимствуя лишь те или иные категории общественно-политического дискурса, но подкреплял свои убеждения практическим опытом исследователя и врача. Выступая с предложениями по улучшению тех или иных сторон жизни своих соотечественников, он немедленно приступал к их реализации. Никому не известный в начале своего пути ботаник Леттсом умер знаменитым доктором Леттсомом.

Глава 4

УИЛЬЯМ КЁРТИС, ОСНОВАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

«Как заставить цвести Стрелитцию?»
Популярный поисковый запрос в Google

В середине XIX в. в провинциальном городке Олтон (графство Гэмпшир) был открыт музей, получивший название «Музей Кёртиса». Основатель музея местный доктор Уильям Кёртис (1803–1881) назвал музей в честь отца — аптекаря Уильяма Кёртиса-старшего (1770–1849), лечащего врача Джейн Остин и обладателя ценной натуралистической коллекции, легшей в основу музея.

В музее Кёртиса имеется экспозиция, посвященная ботанику Уильяму Кёртису (1746–1799), однако ничего общего, кроме места рождения, имени и рода занятий у нашего героя с основателями музея не было. Такое занимательное сходство троих Кёртисов вводит в заблуждение некоторых исследователей и позволяет им говорить о «пяти поколениях аптекарей города Олтон» (кроме названных троих аптекарским ремеслом занимались Джон Кёртис-старший и Джон Кёртис-младший (1721–1765)¹⁸² — дед и отец нашего героя Уильяма Кёртиса. Однако родственных связей между Уильямом Кёртисом, основателем журнала *Curtis's Botanical Magazine*, и его младшими современниками, всю свою жизнь проведшими в Олтоне и имевшими успешный фармацевтический бизнес и врачебную практику, установить не удастся (рис. 20).

Имя Уильяма Кёртиса (1746–1799) хорошо известно многим поколениям ботаников. Однако нельзя сказать, что признание, которым

¹⁸² См.: Jane Austen and her «Alton Apothy» [Austenised]. URL: <https://austenised.blogspot.com/2017/06/jane-austen-and-her-alton-apothy.html> (date of access: 24.08.2021).

Рис. 20. Дж. Р. Смит. Портрет Уильяма Кёртиса, 1782–1792. Йельский центр Британского искусства, Нью-Хейвен

одаривали этого предприимчивого исследователя современники и потомки, связано с каким-либо конкретным открытием, сделанным им. Научный гений Кёртиса проявился в том, что он смог точно подметить запрос образованной публики и предложить проект, который стал не только средством выражения накопленных знаний и опыта в области ботанических исследований, но и новым востребованным инструментом познания. Curtis's Botanical Magazine («Бо-

танический журнал Кёртиса») был основан в 1778 г. и продолжает издаваться в настоящее время, оставаясь старейшим периодическим иллюстрированным изданием по ботанике. Этой исследовательской и коммерческой удаче, однако, предшествовал целый ряд инициатив, не встретивших благосклонного отклика у читателей.

Уильям Кёртис родился 11 января 1746 г., как уже было сказано, в Олтоне, в квакерской семье Джона Кёртиса, кожевенных дел мастера, и его супруги Энн Джеффри. Начальное образование Уильям получил в местной школе, а также в квакерской Школе друзей в Берфорде. Родители и ближайшее окружение отмечали необычный интерес ребенка к наблюдению за природными явлениями. Когда Уильяму исполнилось 14 лет, Джон Кёртис принял решение отдать сына в ученики к своему отцу. Принимая во внимание склонность Уильяма к естественным наукам, это решение было простым и логичным: где еще, как не в окружении растительных снадобий и микстур, травников и справочников по медицине, развивать юноше свой интерес. Профессия аптекаря, по логике отца, отвечала запросам мальчика и способна была в будущем прокормить семью и его самого. Дед Уильяма Джон Кёртис-старший владел небольшой аптекой. В течение пяти лет Уильям был постоянным помощником и учеником аптекаря. Однако он нашел и другой способ расширить

и оттачивать свои знания. В это время юноша подружился с местным натуралистом-любителем конюхом Томасом Леггом, жившим по соседству. Он часто пропадал вместе с ним в окрестных полях и лесах, наблюдая за жизнью растений, насекомых, птиц и зверей.

В 1765 г. Джон Кёртис-старший скончался. Неизвестно, что стало с его аптекой. Уильям счел за благо оставить семейный бизнес, рискуя отправиться в Лондон. Летом 1766 г. он прибыл в Лондон и поселился на Грейсчерч-стрит, неподалеку от своих будущих друзей-квакеров: уже успешного доктора Джона Фозергилла (1712–1780) и еще только начинавшего свою карьеру Джона Кокли Леттсома (1744–1815). Мы уже отмечали сплоченность и отзывчивость квакерского сообщества натуралистов. Вероятно, Кёртис советовался со своими новыми знакомыми при выборе дальнейшего места обучения и работы. Непродолжительное время он ассистировал врачу и аптекарю Джорджу Воксу в Сити, затем перешел в ассистенты к Томасу Толвину, члену Общества аптекарей. Параллельно он посещал лекции в госпитале Св. Томаса, где, как мы знаем, учился и Леттсом¹⁸³.

Кёртис трудился в должности аптекаря и ассистента практикующего врача вплоть до 1771 г., когда издал «Руководство по сбору и хранению насекомых, преимущественно мотыльков и бабочек». Результатом первого опыта публикации стало существенное уточнение исследовательского интереса: через энтомологию более осознанным и серьезным стало увлечение ботаникой.

Вероятно, Кёртис много времени проводил в частном ботаническом саду Фозергилла, разбитом на территории старинного Вест Хэм парка. Изюминкой сада были оранжереи с экзотическими растениями, для которых необходимо было поддерживать специальные условия. Однако Уильям Кёртис полагал, что полезнее выращивать и демонстрировать публике представителей местной флоры. Стремление обратить внимание горожан на растения, которые встречаются повсеместно, было реализовано в 1773–1777 гг., когда он работал в Челси Физик Гарден, одном из первых и главных ботанических садов Британии, специализирующемся на выращива-

¹⁸³ См.: *Desmond R. William Curtis (1746–1799) // The Kew Magazine. 1987. Vol. 4, Nr 1. P. 7.*

нии лекарственных растений. Основанный еще в 1673 г. Филиппом Миллером, этот сад был известен по всей Европе, сюда стремился попасть К. Линней и другие естествоиспытатели, что держали путь в Англию. Здесь в должности суперинтенданта Кёртис трудился почти пять лет. В его обязанности входил присмотр за общим состоянием сада, кураторство садовника Уильяма Форсайта, организация и проведение экскурсий и лекций.

Близкий друг и соратник нашего героя, будущий основатель Линнеевского общества, сэр Джеймс Эдвард Смит, наблюдая в этот период за Кёртисом, так описал происходившее на его глазах превращение фармацевта в исследователя: «Как типичный городской служащий, он вынужден был тратить свое время в уличных толчеях, что плохо сочеталось с непосредственностью и живостью его импровизаций натуралиста на экскурсиях, которые он проводил [по саду]; вскоре ботаник в нем вытеснил аптекаря, и предпочел сад аптекарскому прилавку»¹⁸⁴.

В 1777 г. он начал издавать «Флору Лондона», шеститомное иллюстрированное издание, посвященное растениям, произрастающим в Лондоне и его окрестностях на расстоянии 10 миль от города (рис. 21). К работе над этим изданием Кёртис привлек выдающихся иллюстраторов: Джеймса Сауэрби (1757–1822)¹⁸⁵, Сиденема Тиста Эдвардса (1769–1819)¹⁸⁶, Уильяма Киллбурна (1745–1818)¹⁸⁷, с которыми позднее будет работать над номерами *Curtis's Botanical Magazine*.

Это начинание принесло Кёртису определенную известность в кругу профессиональных ботаников, однако обзоры местной флоры по-прежнему не вызывали особенного интереса у массового читателя, а значит, не приносили автору почти никакого дохода. Кроме того, выпуск каждой флоры требовал существенных

¹⁸⁴ Цит. по: *Desmond R. William Curtis (1746–1799)*. P. 7.

¹⁸⁵ См. гл. 5 настоящей монографии.

¹⁸⁶ Воспитанник Уильяма Кёртиса и главный художник *Curtis's Botanical Magazine* вплоть до 1815 г., когда из-за ссоры с новым редактором Джоном Симсом он покинул проект и основал собственный вестник *Botanical Register*.

¹⁸⁷ Основатель успешной компании по производству тканей с набивным рисунком, разумеется, с ботаническими мотивами.

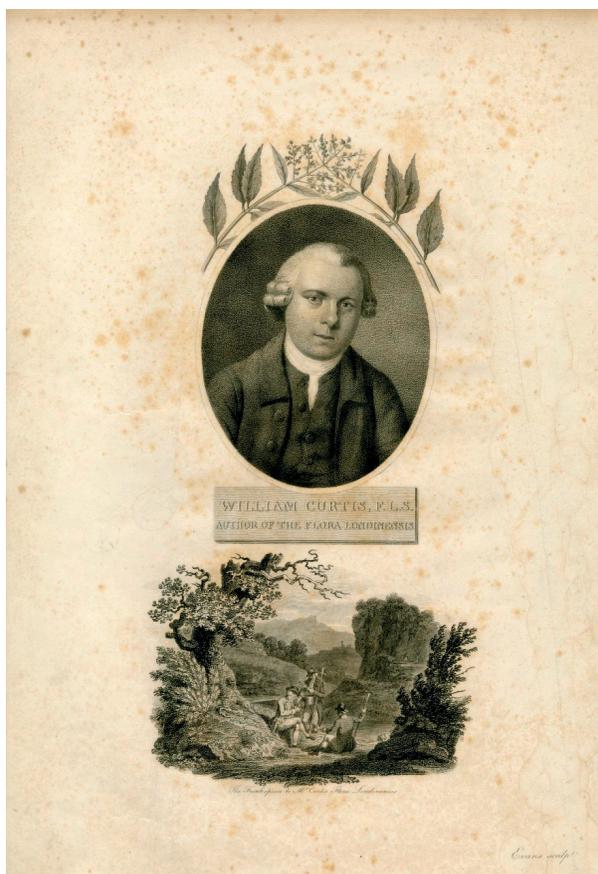

Рис. 21. Flora Londinensis, 1777, фронтиспис¹⁸⁸

расходов. Несмотря на финансовую помощь от Леттсома и лорда Бьюта, Кёртис едва сводил концы с концами, каждый новый том выходил с большим промедлением. И даже те, кто, как военный врач и натуралист-любитель Уильям Бойс, поначалу поддерживали грандиозный замысел Кёртиса описать все растения Британских островов, стали сомневаться в реализации этой

¹⁸⁸ См.: Curtis W. Flora Londinensis, or, Plates and descriptions of such plants as grow wild in the environs of London. London, 1777.

затеи¹⁸⁹. В своем убеждении о необходимости систематического описания в первую очередь растений, привычных глазу англичанина и хорошо знакомых с детства, Кёртис оставался одинок. Его современников больше интересовали новые виды и их интродукция на английской почве. В это время обособленность ботаника выражалась и в его неохотном участии в научных сообществах, в которые он был приглашен: Линнеевском обществе и Обществе поощрения естественной истории. Кёртис словно избегал своих коллег, смотревших на его начинание со снисхождением¹⁹⁰. Но все изменится, когда Кёртис решится воплотить уже давно вынашиваемую идею «экспериментального сада».

Самый первый сад он завел еще в 1771 г. на собственные средства в районе Бермондсэй, где выращивал только местные растения. Однако неудобное расположение и нехватка финансов не позволяли ему расширить площадь сада и сделать его публичной площадкой для изучения ботаники.

В 1778 г. Кёртис публикует брошюру «Предложения по открытию по подписке ботанического сада под названием “Лондонский ботанический сад”, созданного для пользы докторов, аптекарей, студентов-медиков, ученых-фермеров, ботаников (главным образом, английских ботаников), любителей цветов и всех желающих». В этом перечислении предполагаемых посетителей сада и потенциальных читателей и подписчиков будущего периодического издания выражается такая черта задуманного Кёртисом проекта, как полифункциональность. Сад, интересный и полезный самой разной аудитории, от любителей до профессионалов, должен быть и устроен соответствующим образом, а именно: сочетать в себе, во-первых, демонстрационную функцию всех возможностей декорирования садово-парковых ландшафтов обширных поместий и скромных приусадебных участков коттеджей; во-вторых, просветительскую функцию предоставления исследовательской площадки для опытных наблюдений студентов и профессиональных натуралистов.

¹⁸⁹ См.: *Desmond R. William Curtis (1746–1799)*. P. 9.

¹⁹⁰ См.: *Ibid.* P. 10.

Первая функция зачастую была сопряжена с идеей реконструкции «родного» для представленных растений ландшафта, особенно это было актуально для экзотических растений. Вторая функция реализации познавательного потенциала требовала учитывать при разбивке сада таксономический порядок Линневской системы. Кроме того, открытый для всех желающих за умеренную плату сад неизбежно превращался в место для встреч, общения и приятного проведения досуга. Эта «публичность» сада, а также стремление организовать не только экскурсионные прогулки, но и тематические лекции определяли наполнение и организацию пространства¹⁹¹.

Текст «Предложений» любопытен также с точки зрения сочетания теоретической и методической частей. Первый раздел написан в жанре памфлета-похвалы ботанике — верной спутницы фармакологии и медицины, чью практическую пользу трудно переоценить и ученому-ботанику, который «благодаря новому способу видения имеет превосходную возможность предстать перед ликом природы и читать ту книгу [природы], что для большинства человечества оказывается лишь собранием пустых страниц»¹⁹². Вторым разделом касается практической организации нового ботанического сада: прописывается его планируемое устройство, режим работы, структура насаждений, система наименования растений и порядок их маркировки, стоимость подписки и правила посещения. Здесь же Кёртис перечисляет патронов будущего сада, среди которых встречаются фамилии аристократов и ученых — ботаников, биологов, медиков, упоминается его королевское высочество в связи с даром Королевских ботанических садов Кью, а также Аптекарьское общество¹⁹³.

Лондонский ботанический сад был открыт 1 января 1779 г. в районе Ламбет (рис. 22). За одну гинею в год можно было посещать сад со вторника по пятницу с шести утра до восьми вечера одному или в компании не более одного сопровождающего. За две гинеи к посещению добавлялась возможность получать почтой семена.

¹⁹¹ См.: *Hickman C.* Curiosity and Instruction: British and Irish Botanic Gardens and their Audiences, 1760–1800 // *Environment and History*. 2018. Nr 24. P. 61, 66.

¹⁹² *Curtis W.* The proposals for opening by subscription a Botanic Garden, to be called the London Botanic Garden. London : J. Andrews, 1778. P. 5.

¹⁹³ См.: *Ibid.* P. 16–19.

В Лондонском ботаническом саду насчитывалось 700 наименований растений, из которых 100 относились к лекарственным, 80 — к злаковым и «огромное множество» — к экзотическим¹⁹⁴.

Появление нового ботанического сада в Лондоне соответствовало духу времени¹⁹⁵. Всеобщий интерес к ботанике на протяжении XVIII в. был обусловлен не только свойственной человеку эпохи Просвещения иррациональной страстью к рациональному познанию мира, но и расширением возможностей для изучения природы: технологическими достижениями, регулярностью экспедиций, политическими амбициями власти в виде имперской идеологии, поощряющей научно-культурную экспансию в процессе освоения колониальных территорий.

Рис. 22. Дж. Сауэрби. Ботанический сад У. Кёртиса, Ламбет-Марш, ок. 1787. Акварель. Коллекция аукционного дома Кристис (англ. Christie's)

¹⁹⁴ См.: Ibid. P. 13.

¹⁹⁵ См.: Шипицына Ю. С. «Ботанический журнал Кёртиса»: обстоятельства появления первого британского периодического издания по ботанике (1778) // *Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 11. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 5. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2021. С. 218–227.

Знакомство с коллекциями сада стало возможно и в «заочном» формате — посредством подписки на журнал *The Botanical Magazine*, первый выпуск которого был подготовлен лишь в 1787 г. Все растения, представленные в саду, предполагалось тщательно описывать, старательно зарисовывать и публиковать сведения о них в журнале.

В 1787–1800 гг. издание выходило под названием *The Botanical Magazine* («Ботанический журнал»). Именно таков заголовок первых 13 выпусков, вышедших при жизни Кёртиса. Стоит обратить внимание на полное название журнала, отражающее специфику издания и состав читательской аудитории издания: «Воспроизведение декоративного сада, в котором представлены наиболее причудливые экзотические растения, выращиваемые в открытом грунте, зимних садах и оранжереях, переданные в их природных расцветках с точностью; а также дополненные указанием имени, класса, отряда, общих и особенных свойств согласно выдающемуся Линнею; сопровождаемые описанием мест произрастания и временем цветения вместе с наиболее эффективными методами культивации. Работа предназначена для пользы леди, джентльменов и садовников, глубоко заинтересованных в постижении свойств растений, которые они выращивают»¹⁹⁶.

Фамилия основателя журнала была добавлена в название лишь в 1799 г. после смерти Кёртиса¹⁹⁷ (рис. 23, 24). Вместе со сменой названия на обложке появился и отрывок из поэмы Джона Мильтона «Люсидас» (1637), в котором имя Люсидаса (Ликида) было изменено на Кёртиса — дань памяти энтузиазму ботаника и своеобразный некролог в жанре пасторальной элегии¹⁹⁸:

«К нам из долин, где дышится вольнее,
Где умеряют ветры, тихо вея,
Неистовство пылающего дня,
Где быстрые ручьи бегут, звеня,
И где апрель в плаще зеленом вымыл

¹⁹⁶ *The Botanical Magazine*. 1787. Vol. 8. P. 1.

¹⁹⁷ В XX в., в 1984–1994 гг., журнал носил название *The Que Magazine* («Журнал Кью»).

¹⁹⁸ *Curtis's Botanical Magazine*. 1799. Vol. 8. P. 1.

Медвяными дождями лик земли,
Несите все цветы, что там выросли —
Охапки хрупких скороспелых примул,
Жасмина и ромашки полевой,
Фиалок, роз, гвоздик пьяняще пряных,
И гиацинтов рдяных,
И буковиц с поникшей головой.
Пусть скорбный амарант, нарцисс печальный
Нальют слезами чашечки свои
И царственным покровом в миг прощальный
Устелют море, коим у семьи
И сверстников наш *Кёртис* похищен»¹⁹⁹.

Кстати, о семье Кёртиса до нас не дошло практически никаких сведений. Известно лишь, что он был женат на некоей Мери Уинтер (1748/?), имел дочь Сару Энн Коустин (1782–1827) и сына Томаса, умершего вскоре после рождения в 1792 г. После смерти Уильяма Кёртиса права на его журнал перешли к младшему брату Томасу Кёртису, а затем, когда Сара в 1801 г. вышла замуж за ботаника Сэмюэла Кёртиса, были переданы ее мужу, который вполне успешно руководил изданием. В 1826 г. главным редактором журнала стал близкий друг Уильяма Кёртиса, врач и ботаник Джон Симс (1749–1831). В 1827 г. Сара Кёртис умерла, ее супруг полностью отошел от руководства журналом и переехал в г. Глазевуд, графство Эссекс. В 1846 г. он продал права на издание. Следующим главным редактором журнала после Джона Симса стал Джон Гукер, вероятно, именно он стал правопреемником С. Кёртиса, либо права приобрели Сады Кью как официальная организация, поскольку с 1841 г. они находились под руководством Дж. Гукера. До сих пор журнал издается именно под эгидой Садов Кью.

¹⁹⁹ См.: Мильтон Дж. Люсидас / пер. с англ. Ю. Корнеева // Дж. Мильтон. Потерянный рай : Стихотворения. Самсон-борец. М. : Худож. лит., 1976. С. 409.

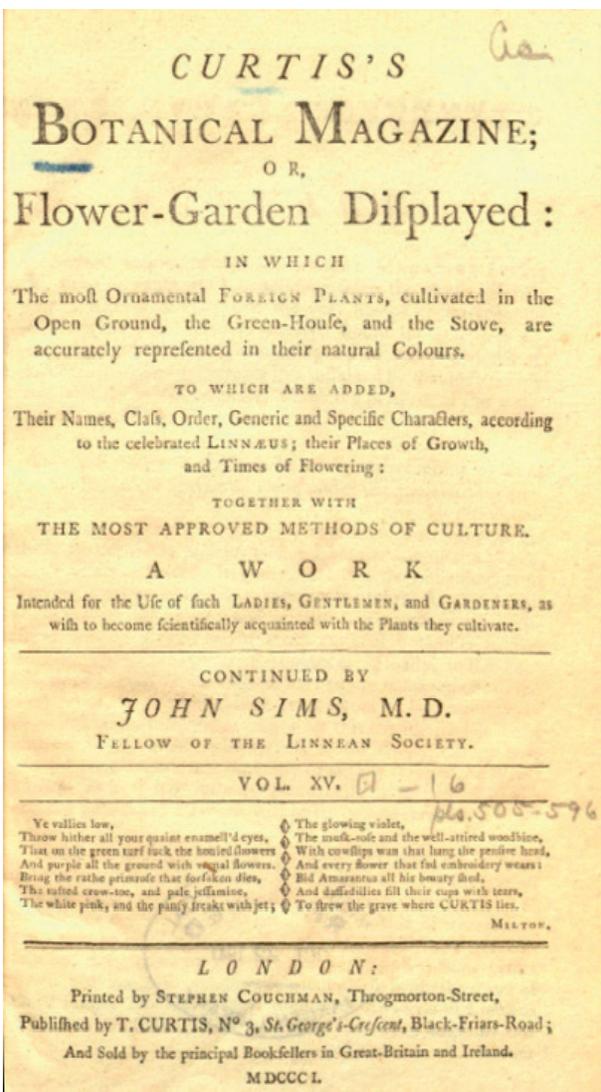

Рис. 23. Титульный лист выпуска
 Curtis's Botanical Magazine за 1806 г.²⁰⁰

²⁰⁰ См.: Curtis's Botanical Magazine, 1806. Vol. 15. Title list.

Рис. 24. Одна из иллюстраций, выполненная Сиденемом Тистом Эдвардсом, изображающая *Ponthieva racemosa*²⁰¹

В обращении к художественному слову на обложке научного издания прослеживается характерное для данного периода стремление романтизировать ботанику. Отчасти это было связано с очевидной ориентацией ботаники на коммерцию, медицину и идеологию имперской экспансии. Эстетизация и романтизация ботанических занятий служили не только символической завесой стремлению извлечь выгоду, но также способом поощрения интереса к ботаническим занятиям у более широкого круга лиц. Кроме того, реальная эстетическая ценность ботанических иллюстраций также являлась одним из источников коммерческой выгоды.

При всей самоотверженности Кёртиса в деле популяризации ботанических знаний и его любви к местной флоре, натуралиста

никогда не покидала мысль о возможностях увеличения своего дохода. «Praise is not a pudding»²⁰², — любил повторять Уильям Кёртис и упорно продолжал поиски такой стези, которая смогла бы в рамках исследовательского интереса обеспечить ботаника средствами к существованию и принести, помимо благодарности, и пудинг на ужин. Несмотря на коммерческий успех и славу первых выпусков, издание настиг кризис. Все дело в том, что Кёртис все большее предпочтение

²⁰¹ Curtis's Botanical Magazine. 1822. Vol. 22. Pl. 842.

²⁰² Буквально можно перевести как «благодарность — еще не пудинг»; в русском языке тот же смысл имеют выражения: «спасибо в карман не положишь», «из спасибо шубы не сошьешь».

отдавал европейским и английским растениям. Его попытка на страницах нового журнала реализовать свою мечту — описать лондонскую флору — была быстро распознана читателями. Спустя несколько лет Кёртис стал получать письма, в которых разочарованные подписчики упрекали его в недостатке внимания к новым растениям.

В 1790 г. Уильям Кёртис, однако, не смог оставить без внимания удивительное открытие — *Strelitzia reginae* (Стрелитцию королевскую), получившую свое научное название в честь королевы Августы Шарлотты, происходившей из династии Макленбург — Стрелитц. Семена этого теплолюбивого растения были привезены Фрэнсисом Мэссоном из Южной Африки в 1773 г. (рис. 25). Королевские ботанические сады Кью стали первым домом нового растения на Британских островах, вскоре стрелитция появилась в Медицинских садах Челси. Из Англии в качестве декоративного растения распространилась по всей Европе. На сегодняшний день известно о пяти видах рода Стрелитция, но именно «райская птица», как прозвали англичане свое «королевское» открытие, может быть выращена в комнатных условиях. Достигая в высоту 1,3 м, растение имеет широкие висловидные листья до 30 см в длину и яркие, оранжевые с фиолетовым и голубым цветки до 15 см в диаметре. Но дожидаться появления дивных соцветий непросто: при должном уходе стрелитция королевская зацветает лишь на четвертый-шестой год²⁰³. Возможно, что именно этим объясняется «промедление» Кёртиса с публикацией иллюстрации в журнале (с момента появления растения в Англии до выхода иллюстрации в журнале прошло 7 лет).

Рис. 25. *Strelitzia reginae*.
Стрелитция королевская.
Автор Дж. Сауэрби, 1790²⁰⁴

²⁰³ См.: Хессайон Д. Г. Все о комнатных растениях. С. 211, 212.

²⁰⁴ См.: Botanical Magazine. 1790. Vol. 4. Pl. 119.

Иллюстрацию с этим необыкновенным африканским цветком Кёртис заказал Джеймсу Сауэрби в размере вдвое большем, чем обычно: в каждом номере она была помещена в сложенном виде, чего ни до, ни после редакторами журнала не практиковалось²⁰⁵. В красоте ли цветка было дело, или в шумихе вокруг его королевского названия? Так или иначе, спустя семь лет после его интродукции в Англии, Кёртис, уже навлекший на себя гнев читателей, решил отдать должное этому удивительному цветку, привлекая к нему внимание непривычным форматом иллюстрации и извиняясь перед читателями за незначительное увеличение стоимости выпуска, обусловленное затратами на эту бесподобную иллюстрацию. Сопроводительный текст, включающий в себя научное описание, сведения об интродукции и особенностях выращивания (приводится сравнение экземпляров, выращенных в Королевских ботанических садах Кью и Медицинских садах Челси), также занял необычно много страниц: пять вместо привычных одной-двух. «Историческая справка», помещенная в журнале, указывает в качестве «первооткрывателей» и Уильма Эйтона, и Джозефа Бэнкса. Эйтон в *Hortus Kewnesis* дал первое описание вида, Бэнксу принадлежит изобретение названия²⁰⁶.

Страстный приверженец идеи изучения местной флоры, Кёртис переориентировался на публикацию иллюстраций экзотических растений потому, что именно истории о «приручении» растений из колоний и перенесении их на английскую почву были востребованы у читателей, именно иллюстрации редких и новых образцов пользовались успехом.

Журнал был не единственным периодическим изданием, в котором публиковались сообщения о результатах научных наблюдений и открытий²⁰⁷, но первым такого рода проектом, основанным на публикации ботанических иллюстраций. Новаторство прослеживается

²⁰⁵ См.: *Botanical Magazine*. 1790. Vol. 4. Pl. 119.

²⁰⁶ См.: *Ibidem*.

²⁰⁷ Самым авторитетным научным вестником, в том числе в сфере ботаники, оставалось издание Лондонского королевского общества *Philosophical Transactions*, позднее появились такие издательские проекты, как *Exotic Botany* (1804–1808), *Botanical Register* (1815–1847) и др.

в самой структуре издания: на развороте одну страницу, как правило, занимала иллюстрация, а вторую — сопроводительный текст, состоящий, помимо названия (в соответствии с принципами наименования, предложенными Линнеем), из указания на класс и порядок в системе классификации растений Линнея, перечисления общих свойств рода и особенностей вида, а также краткого пояснительного текста, который мог включать в себя историю открытия, рекомендации по культивации или советы по практическому применению растения. Широко распространенные каталоги частных и публичных ботанических садов содержали лишь перечень растений, часто «билингвальный»: указывалось универсальное название, данное в соответствии с биномиальным принципом наименования К. Линнея, а также ряд тривиальных, общеупотребительных или, как их еще называют, «народных» названий этого растения. Иллюстрированные флоры содержали больше сведений: развернутые описания видовых признаков растения, а также иллюстрации, которые, тем не менее, были помещены отдельно от текстов, как правило, во второй части книги или отдельного альбома-приложения «таблиц» с иллюстрациями. Формат публикации каждого изображения сразу за текстовым описанием, а также добавление исторических сведений о виде и рекомендаций по выращиванию делали журнал уникальным в своем роде ботаническим изданием: удобным в применении справочником, доступным любому читателю, выполненным в соответствии со всей строгостью научной систематики и снабженным качественно выполненными иллюстрациями.

Каждое изображение изготавливалось в виде гравюры на меди, а затем расписывалось акварелью вручную. Такой способ применялся вплоть до 1848 г., когда в процесс производства журнала была наконец внедрена технология цветной литографии, к тому моменту применяемая уже повсеместно²⁰⁸. Внимание к деталям, тщательный подбор цвета, использование высококачественных пигментов и профессионализм приглашенных художников обес-

²⁰⁸ См.: *Gardham J.* «Curtis's Botanical Magazine». Special Collections Department: Book of the Month. 2004. URL: <https://www.gla.ac.uk/myglasgow/library/files/special/exhibns/month/oct2004.html> (date of access: 11.11.2020).

Рис. 26. Дж. Сауэрби. *Iris persica*²¹⁰

печивали замечательное качество изображений, которые не утратили своей яркости и четкости до сих пор. Для создания иллюстраций использовались только живые растения, выращенные в ботаническом саду Кёртиса или заимствованные из частных коллекций ценителей. Подчас над одним выпуском работало до 30 художников, и хотя все они являлись профессиональными ботаническими иллюстраторами, уже знакомыми с выработанными на тот момент принципами научного изображения растений и рекомендациями по выполнению научных иллюстраций²⁰⁹, их работы отличались друг от друга, носили отпечаток индивидуальности каждого автора (рис. 26).

Таким образом, предпосылками к появлению нового типа ботанических трудов — периодического иллюстрированного издания по ботанике — стали два фактора. Во-первых, накопленный личный исследовательский и организаторский опыт Уильяма Кёртиса по созданию ботанического сада: работа по систематизации растений, подготовка к лекциям, которые он читал в ботаническом саду, практический опыт по выращиванию экзотических образцов и уходу за ними, расширение научных связей благодаря пополнению коллекций семян и гербариев. Во-вторых, задачи просвещения и популяризации ботанического знания, удовлетворение запроса широкой аудитории на способность к распознаванию и развитие навыков культивации тех или иных растений.

²⁰⁹ См.: Sowerby J. A botanical drawing-book. London, 1788.

²¹⁰ См.: The Botanical Magazine. 1787. Vol. 1. Pl. 1.

Появление и широкая популярность журнала указывают на актуальную для конца XVIII в. потребность научного сообщества в таком способе коммуникации, как периодическая печать, а тот факт, что «сердцем» журнала являлись именно изображения, доказывает большое значение ботанических иллюстраций в дискурсивном пространстве ботанических изысканий. Показательно, что предварительным и необходимым этапом основания журнала стало открытие ботанического сада, сыгравшего роль исследовательской площадки и своеобразной лаборатории для создания ботанических иллюстраций.

Изучение личной и профессиональной судьбы Уильяма Кёртиса, а также других людей, связанных с журналом, позволяет проследить не только возможности для реализации научного интереса, но и ограничения, касающиеся карьерных амбиций. Также на примере многочисленных и разнообразных инициатив Кёртиса мы видим, как разворачивается внутренний конфликт неутомимого исследователя. Убежденный в необходимости всестороннего изучения в первую очередь тех растений, которые находятся в непосредственной близости к англичанам и встречаются им в повседневной жизни, он не смог отстоять свои взгляды перед повальным увлечением экзотикой. Негативная реакция читательской аудитории его журнала показывает, что имперские амбиции англичан в каком-то смысле берут верх над чувством национальной гордости за родные ландшафты.

Пример Кёртиса также показывает, что коммерческий интерес движет исследователем в той же степени, что и бескорыстная «любовь к растениям». Особенности оформления титульных листов его изданий поддерживают романтизированный образ натуралиста данной эпохи — в равной степени охотника за растениями, приключениями и выгодой.

Глава 5

ДЖЕЙМС САУЭРБИ, ХУДОЖНИК

«Пассифлора — скорбное слово.
Темное имя цветка —
Орудия страсти Христовой —
Узор его лепестка.
Ты в мир пришедший так просто,
Как всякий стебель и лист,
Ты — белый лесной апостол,
Полевой евангелист!
Да поют все цветы и травы
Славу кресту твоему,
И я твой стигмат кровавый
На сердце свое прийму».
Надежда Тэффи

История пяти поколений семьи Сауэрби: талантливых художников, страстных коллекционеров, восторженных натуралистов — неутомимых искателей приключений, могла бы стать сюжетом для литературной эпопеи, вроде «Саги о Форсайтах» Джона Голсуорси. Один из младших представителей этой славной фамилии — китаист Артур де Карл Сауэрби (1885–1954) — даже предпринимал попытку основательного генеалогического исследования: его «Сага о Сауэрби...» была издана в 1952 г. небольшим тиражом в США. Будучи жанровым гибридом, чем-то средним между автобиографической повестью и историческим сочинением, книга за невостребованностью осела на полках нескольких муниципальных библиотек Вашингтона и больше никогда не переиздавалась.

Художник и натуралист Джеймс Сауэрби (1757–1822) является основателем творческой и интеллектуальной династии (рис. 27). Его личность — не просто хронологически первая в ряду его потомков. Увлеченный своей работой, жизнью, окружающим миром, харизматичный и искренний, он действительно обладал способностью заражать других своим энтузиазмом и становился ролевой моделью для следующих поколений²¹¹. Однако нельзя не отметить, что стремление передать людям свое восхищение перед явлениями природы

²¹¹ См.: *Walpole J. A History and Dictionary of British Flower Painters. 1650–1950. Woodbridge : Antique Collectors Club, 2006. P. 32.*

и побудить их к ее изучению осознанно определялось художником как цель его деятельности, своего рода миссия²¹².

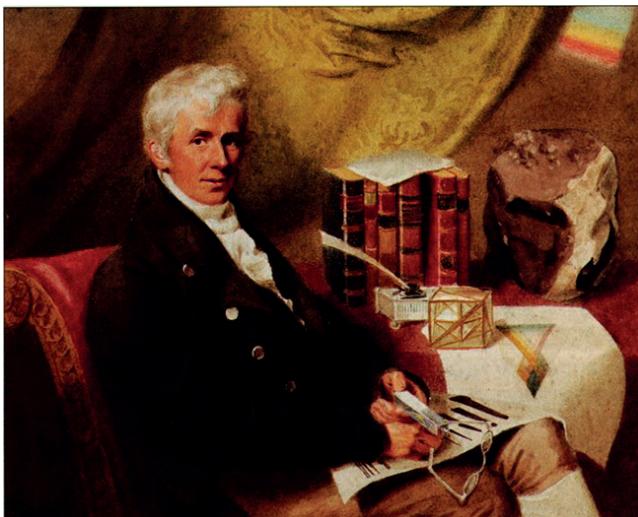

Рис. 27. Т. Хифи. Портрет Дж. Сауэрби, 1816.
Частная коллекция

Джеймс Сауэрби родился 21 марта 1757 г. в семье резчика по камню Джона Сауэрби и его супруги Арабеллы Гудспид. Сауэрби проживали в одном из проулков района Ламбет, того самого, что во второй половине XVIII в. был известен обилием цветочных лавок и питомников, владельцы которых выставляли на продажу семена и рассаду, указывая название видов в соответствии с линнеевской номенклатурой.

Семья Сауэрби рано осталась без кормильца: Джеймс и его старший брат были слишком малы, чтобы руководить мастерской отца. Частые колебания спроса на изделия из полудрагоценных камней и его зависимость от моды не могли гарантировать семье стабильного дохода. В 1777 г. Джеймс поступил в школу при Королевской академии художеств. Здесь он стал учеником и помощником мари-

²¹² См.: *Blunt W., Stearn Th. The Art of Botanical Illustration: An Illustrated History.* New York : Dover Publications, 1994. P. 190.

ниста Ричарда Райта. Овладев искусством рисунка, он зарабатывал на жизнь тем, что писал на заказ портреты и изготавливал гравюры для иллюстрации книг. Однако работа не приносила ему настоящего удовольствия. Сауэрби долго не мог определиться с тем, какой жанр изобразительного искусства ему ближе. Пытаясь отыскать собственные стиль и манеру письма, он чаще всего писал миниатюры²¹³.

Во время обучения в академии Джеймс сблизился с одним из студентов по имени Роберт де Карл. Как сложилась творческая судьба товарища Сауэрби в настоящее время неизвестно, однако, благодаря этой дружбе, фамилии Сауэрби и де Карл стали обозначать одну семью. Во время каникул Роберт пригласил Джеймса в гости к родителям, в Норвич, где познакомил его со своей сестрой Энн Бреттингем де Карл. Джеймс и Энн полюбили друг друга и в 1786 г. поженились. В подарок молодой чете отец невесты приобрел дом на Мид Плейс, все в том же районе Ламбет²¹⁴. Также благодаря Роберту де Карлу завязалось знакомство Сауэрби с натуралистом Джеймсом Эдвардом Смитом (1759–1828), вместе с которым они создадут одну из самых известных флор Англии. Но настоящим проводником в мир ботанической иллюстрации для Сауэрби станет Уильям Кёртис.

С 1787 г. Сауэрби начинает работать с Кёртисом, создавая ботанические иллюстрации для его издательских проектов. Это сотрудничество явилось весьма продуктивным. Более 70 иллюстраций было создано для первых четырех выпусков *Curtis's Botanical Magazine* и около 50 — для *Flora Londonesis*. К этому моменту Сауэрби, несомненно, уверенно владел кистью и обладал необходимыми художественными навыками. Однако в области ботаники он был полным профаном. Именно Кёртис ввел Сауэрби в мир естественной истории: познакомил с системой классификации Линнея, научил различать виды и объяснил специфику создания ботанических иллюстраций. Будучи понятным и доступным средством коммуникации, иллюстрация должна служить цели достоверности изображения вида, при этом являя собой лишь прообраз растения,

²¹³ См.: *Schmidt D.* The Plant life of William Curtis: Author at Curtis's Botanical Magazine. Norderstedt : BoD, 2021. P. 28.

²¹⁴ См.: *Conklin L. H.* James Sowerby, his publications and collections // *Mineralogical Record*. 1995. Vol. 26, Nr 4. P. 85–105.

т. е. передавать его типичные свойства, избегая исключительных проявлений изменчивости.

Подобно тому, как растение, зарисованное художником, — лишь образец, прототип всех прочих растений этого вида, так и сама иллюстрация не является произведением искусства с точки зрения его уникальности. У каждого конкретного рисунка нет присущей шедевр «ауры» в том смысле, как понимали ее позднее такие адепты уникального и противники массового, как Уильям Моррис или Вальтер Беньямин. Иллюстрация представляет собой ценность и становится сообщением лишь, во-первых, в совокупности с дополняющим ее описанием; во-вторых, в контексте других иллюстраций — в составе корпуса подобных себе иллюстраций: аннотированного тематического выпуска журнала или флоры той или иной местности. Для Сауэрби, обладающего способностью видеть и навыком передавать увиденное, при этом не способного отыскать оригинальную манеру письма, проще говоря, наделить изображаемое дополнительным смыслом — идеей, которая позволила бы ему выработать собственный стиль, а его зрителю — выявлять, распознавать его работы среди работ других художников, создание ботанической иллюстрации стало той долгожданной стезей, на поприще которой он смог бы реализовать себя в полной мере и не мучиться терзаниями, сравнивая себя с другими художниками. Работа над научными иллюстрациями не предполагала стремления выделиться, желания создать шедевр.

Итак, Сауэрби нашел себя. Хотя вплоть до 1790 г. он продолжает участвовать в выставках Королевской академии художеств, помимо Кёртиса он почти сразу начинает сотрудничать с французским ботаником Шарлем Луи Леритье де Брютелем, иллюстрирует *Hortus Silva Montis* для Джона Кокли Леттсома (1787) и *Hortus Leuensis* Уильяма Эйтона (1789). Постепенно освоившись в видовом многообразии и поняв, чего от художников ждут ботаники, Сауэрби выпускает учебное пособие для тех, кто желает овладеть искусством создания ботанической иллюстрации.

«Ботанический блокнот, или Легкое введение в рисунок цветов с натуры», впервые вышедший в 1788 г., выдержал два переиздания: в 1791 и 1807 гг. Титульный лист содержит пояснение: «Автор поддался желанию создать ботанический блокнот, предназначенный

для юных начинающих, увлеченных изображением растений. Поскольку разделение на отдельные части — абсолютно необходимо для описания каждого растения, автор решил предложить несколько таких эскизов для читателя, намереваясь содействовать развитию ботанических штудий и соединить изумление с улучшением»²¹⁵.

Действительно, блокнот Сауэрби — пособие не только по рисунку, но и по ботанике. Брошюра составлена таким образом, чтобы, в первую очередь, объяснить читателю основной принцип систематики: различия, лежащие в строении половых органов растений. Сауэрби действительно «расчленяет» растение и описывает каждый элемент, но только в отношении соцветий. Стебли, листья и корневая система остаются за скобками его уроков рисования — эти элементы присутствуют в редуцированном виде (или отсутствуют совсем, как в случае с корневой системой) и на самих иллюстрациях. Сауэрби все внимание своего читателя сосредотачивает именно на строении половой системы растений. Выделяя в первом абзаце в качестве основных составляющих чашечку цветка, венчик, тычинки, пестики, околоплодник, лепесток и цветоложе, он затем описывает еще более мелкие «детали» — элементы, из которых они состоят, а также все их существующие разновидности (рис. 28).

Так, например, тычинки, пишет Сауэрби, «состоят из трех частей, таких как тычиночная нить, которая образует пыльник, в котором содержится пыльца, или цветочная пыль. Все это называют мужскими частями соцветия, и на них основаны классы растений»²¹⁶. Иллюстрации, выполненные Сауэрби в этом пособии также представляют собой изображения ряда разновидностей элементов: тычинок, пестиков, лепестков, чашечек цветка, соцветий. Изображение растения целиком встречается всего дважды: это *Tradescantia virginiana* (Традесканция виргинская) и *Myosotis scorpiodes* (Незабудка болотная). Иллюстрация с традесканцией призвана продемонстрировать целостность в изображении всех описанных элементов, а рисунок незабудки — принципы использования цвета при раскрашивании (рис. 29).

²¹⁵ Sowerby J. A botanical drawing-book.

²¹⁶ Ibid. Pl. 1.

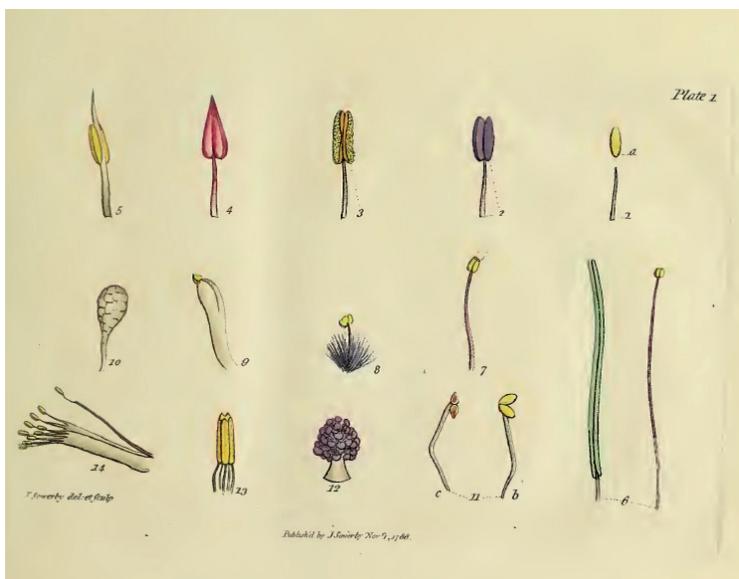

Рис. 28. Типы тычинок. Иллюстрация из «Ботанического блокнота» Дж. Сауэрби²¹⁷

Интересным дополнением являются комментарии к изображению водорослей и грибов, снабженные соответствующими иллюстрациями. Подчеркнем, что второй важной идеей после тезиса о необходимости разделения растения на составные элементы и их тщательного изучения является тезис о цветовом решении иллюстрации.

Проблема цвета занимала Сауэрби на протяжении всей его профессиональной карьеры. Озабоченность выбором пигментов связана не только со стремлением

Рис. 29. *Tradescantia virginiana*. Традесканция виргинская. Иллюстрация из «Ботанического блокнота» Дж. Сауэрби²¹⁸

²¹⁷ См.: Sowerby J. A botanical drawing-book. Pl. 1.

²¹⁸ См.: Ibidem. Pl. 6.

наиболее точно передать естественную «окраску» растений на бумаге, но и с технологической проблемой используемых в полиграфии красок: даже при правильном изначальном выборе пигмента, со временем цвета на бумаге темнели или, наоборот, выцветали, что порождало искажения в восприятии иллюстрации и возможные трудности в идентификации растения²¹⁹.

В «Ботаническом блокноте» Сауэрби ведет речь о трех основных «первичных» цветах, которыми должен владеть всякий иллюстратор. Вслед за немецким теоретиком колористики, художником и печатником Якобом Кристофом Ле Блоном Сауэрби выделяет три цвета: красный, голубой и желтый.

Ле Блон поселился в Лондоне еще в 1718 г., запатентовал здесь такую гравировальную технологию, как меццо-тинто, и основал Кабинет картин (*London Picture Office*). С помощью этой технологии он планировал сделать возможным широкое тиражирование цветных изображений, в частности портретов. Однако на практике этот процесс оказался слишком трудоемким и дорогостоящим, зачастую цветным гравюрам меццо-тинто на финальной стадии изготовления требовалось подкрашивание вручную. В 1732 г. предприятие Ле Блона обанкротилось. Попытки решить проблему изготовления цветных гравюр, которые бы в точности повторяли оригинал, в дальнейшем предпринимали Пол Сандби, изобретатель техники акватинта и создатель литографического прессы Алоис Синефилдер.

В 1812 г. золотой медали Общества искусств за разработку эллипсографа, значительно упростившего изготовление качественных гравюр, были удостоены Джон Фейри, Уилсон Ловри и его супруга Ребекка Дельвилль. Все эти инициативы так или иначе по-своему решали проблему цветопередачи и сохранения яркости красок, опираясь на изложенную Исааком Ньютоном теорию дисперсии света и цветового спектра²²⁰. Интересно, что предложившие эллипсограф Уилсон Ловри и Ребекка Дельвилль были известными

²¹⁹ См.: *Dolan B. Pedagogy through print: James Sowerby, John Mawe and the problem of colour in early nineteenth-century natural history illustration // The British J. for the History of Science. 1998. Vol. 31, Nr 3. P. 296.*

²²⁰ См.: *Newton I. Opticks. London : Printed for Sam Smith and Benj : Walford, Printers to the Royal Society at the Prince's Arms in St. Paul's Church-yard, 1704.*

минералогами²²¹. В заключении «Ботанического блокнота» Сауэрби мы находим список публикаций автора, включающий *English Botany*, *Exotic Botany*, *English Fungi* и др., а также перечень работ, которые только ожидают своего выхода из печати: так называемое «Введение к британским минералам из коллекции Сауэрби» и «Эссе о новой универсальной хроматической шкале, или Перечне цветов»²²². Сауэрби был страстным собирателем камней и минералов и мечтал сделать минералогию столь же популярной, как ботаника. Одним из существенных препятствий на пути к этому являлась, по его мнению, проблема цветопередачи изображаемых объектов как растений, так и минералов.

Спустя несколько лет Сауэрби предложит решение проблемы цветопередачи в работе «Новое толкование цветов...»²²³. Сауэрби вновь выделяет в качестве первичных цветов красный, желтый и голубой. Именно в таком порядке они проявляются в световом спектре; все остальные цвета являются лишь комбинацией первичных и могут быть названы «вторичными». Этот тезис присутствует и в «Ботаническом блокноте»: художник выявляет «бинарные композиции» цветов, а также «триады». Помимо этого, он упоминает различные принятые к употреблению названия оттенков, к примеру таких, как ультрамарин, смальта, индиго, кармин, красная кошениль и др.

В новой работе Сауэрби отказывается от перечисления названий оттенков (будучи подробными, они, тем не менее, не в силах передать возможные вариации) и предлагает инновационный метод изучения цветных иллюстраций. Он утверждает, что на восприятие человеком основных цветов влияет интенсивность света и тени, в окружении которых находится элемент изображения. Для того, чтобы увидеть подлинные пигменты, использованные автором иллюстраций, Сауэрби предлагает вооружиться стеклянной призмой и специальными полосками черной бумаги. Наблюдая иллюстрацию сквозь призму и варьируя степень контрастности при помощи приложения к рисунку этих полосок, совокупность которых представ-

²²¹ См.: *Dolan B. Pedagogy through print*. P. 289.

²²² *Sowerby J. A botanical drawing-book*. P. 12.

²²³ См.: *Sowerby J. A New Elucidation of Colours, Original Prismatic, and Material*. London : Published by the author, 1809.

ляет собой своеобразный «колориметр», читатель, он же зритель, имеет шанс увидеть цвета столь же яркими, как и задумывал автор. Такая «победа» над временем, неизбежно «состаривающим» рисунки на бумаге, представлялась Сауэрби гениальным решением проблемы цветопередачи. В повседневном использовании разработанная им технология оказалась непрактичной, сложной в применении, поэтому осталась невостребованной²²⁴. Однако творческий подход к решению проблемы — разработка «независимого» и универсального в применении инструмента, несомненно, характеризует Сауэрби как настоящего исследователя, а не просто художника, которого нанимает профессиональный ботаник для решения собственных исследовательских задач.

Противоречивый характер профессии ботанического иллюстратора в это время отмечают многие исследователи. Так, Энн Блам рассуждает о вынужденном «лабиринте между нормативными стандартами научной иллюстрации и художественной теорией», присущем иллюстраторам²²⁵, а Лорейн Дагдон и Питер Галисон в своей работе в качестве примера типичного конфликта между художником и натуралистом приводят полемику между Сауэрби и сэром Джеймсом Эдвардом Смитом, запечатленную на полях сохранившихся эскизов Сауэрби к *Exotic Botany*, которые ныне хранятся в составе Коллекции Сауэрби в Музее естественной истории Лондона. Эти лаконичные и экспрессивные пометки свидетельствуют о том, что Сауэрби отстаивал собственный взгляд на проблему изображения растений²²⁶. Остановимся на этом конфликте подробнее, так как корни его уходят в подготовку другого важнейшего издания — фактически совместного детища Сауэрби и Смита, которое, тем не менее, прославило лишь одного из них.

Мы помним о всеобщем увлечении британцев в это время экзотической флорой в ущерб интересу к местным растениям. Познание необычных растений путем их изображения, описания, а также через знакомство с этими описаниями людей, непосредственно не уча-

²²⁴ См.: *Dolan B. Pedagogy through print*. P. 298

²²⁵ См.: *Blum A. Picturing Nature: American Nineteenth Century Zoological Illustration*. Princeton : Princeton University Press, 1993. P. 337–338.

²²⁶ См.: *Ibid.* P. 157–158.

ствовавших в охоте на растения в рамках научно-исследовательских экспедиций, несло в себе символическую функцию подчинения этой далекой экзотической флоры. Овладение знанием о далеких землях являлось важным не только практическим, но и символическим шагом в подчинении территории и населения. В контексте конструирования имперской идентичности ботаническая иллюстрация выполняла также такие значимые функции, как демонстрация потенциала строгого упорядочения природного мира и образная легитимация имперских властных иерархий через тиражирование иерархий растений, трансляцию ценности гармоничного и естественного мироустройства.

В 1790 г. Сауэрби начинает собственный долгосрочный издательский проект *English botany*²²⁷ («Английская ботаника»), ориентированный на изучение флоры Британских островов. Это многотомное издание принесет Сауэрби настоящий успех и признание. Сразу зададимся вопросом: почему Сауэрби удалось возродить у читателя интерес к местным растениям, а Кёртису — нет?

Возможно, причина кроется в известном отсутствии согласия между заказчиком рисунков и иллюстраторами, которых у Кёртиса было трое. Им нужно, во-первых, платить, а это увеличивает расходы на создание книги, а, во-вторых, объяснять: Сауэрби, Килбурн и Сиденем Тист Эдвардс не были профессиональными ботаниками, и их видение растения как целостного предмета, а также его структуры и даже цвета различалось.

Возможно, Сауэрби учел неудачный финансовый опыт Кёртиса, свидетелем которого стал. «Флора Лондона» выходила на средства подписчиков, но и это едва позволяло автору покрыть все расходы, выход каждого выпуска постоянно откладывался и переносился. А возможно, Сауэрби изначально был более убедителен. Во введении к первому тому «Английской ботаники» он объясняет, почему уважаемой публике пора переключить свое внимание с чужеземных видов на родные и привычные:

²²⁷ См.: *Sowerby J. English botany Or, Coloured Figures of British Plants, with their Essential Characters, Synonyms and Places of Growth. London : Robert Hardwick, 1790. Vol. 1, Nr 1.*

«В нашем государстве ботанические штудии нынче в большом почете, посему разнообразные предприятия, направленные на совершенствование [ботаники], встречаются повсеместное поощрение и в пояснениях не нуждаются.

Судить о достоинстве данной работы, признать ее заслуживающей внимания или нет — остается правом читателя. Однако не лишним будет сказать несколько слов о намерениях и мотивах автора.

[По нашему мнению] изучению местной флоры следует отдать большее предпочтение, нежели экзотической, поскольку она представлена повсеместно и потому, в некотором отношении, польза ее более очевидна.

Кроме того, многие произрастания наших полей и лесов ничуть не уступают по своей красоте, изяществу и уникальным свойствам столь популярным экзотическим образцам.

Изучение местной флоры принципиально важно для тех, кто занят в сельском хозяйстве...»²²⁸

Аргументы пользы и уникальности привычны и не новы. Сауэрби приводит принципиально новый довод в пользу изучения ботаники. Автор обращается к читателям, утверждая, что умение отличить подорожник от тысячелистника и знание, чем это отличие обосновано, — прекрасное хобби для англичанина. Сауэрби убеждает читателя, что такое увлечение, сопряженное с регулярным пребыванием на свежем воздухе, является замечательным досугом: «а в качестве хобби — это просто приятно и имеет то явное преимущество перед экзотической флорой, что способно любой моцион и небольшое путешествие превратить в увлекательное приключение». Он настаивает на том, что такое времяпрепровождение, поощряющее любознательность, наблюдательность и физическую активность, «укрепляет как телесное здоровье, так и душевное» и противопоставляет любителей ботаники вечно занятым, чахлым и хмурым домоседам, которые, лишая себя подобного досуга, порабащают свой ум и тело, живут «лишенные как цели, так и удовольствия: ради работы, и только ради работы».

²²⁸ Sowerby J. English botany Or, Coloured Figures of British Plants, with their Essential Characters, Synonyms and Places of Growth.

После перечисления причин, по которым автор предметом своего исследования и темой книги избрал английские растения, он приводит преимущества самой книги: «таким образом, данный труд будет тем более востребован и широко популярен, чем менее он похож на все предыдущие описательные трактаты о британских растениях: до сих пор попытки издать иллюстрированное издание в небольшом формате и по приемлемой цене с действительно высококачественными изображениями, оканчивались крахом»²²⁹. Сауэрби подчеркивает, что редким достоинством его книги является ее обобщающий характер: ботанику, любителю или профессионалу, более нет нужды обзаводиться многочисленными тематическими изданиями, перегруженными цитатами и ссылками на других авторов, и сверять названия по разным источникам, эту работу автор сделал за них. В качестве источников он упоминает *Species Plantarum* Линнея, труды Хадсона, Кёртиса, Лайтфута, Уизеринга, Рейана, Рэя и др.

«Английская ботаника» — полная, достоверная, доступная и качественно проиллюстрированная энциклопедия местной флоры. Собрание хорошо известных растений, удобное в применении, в котором автор «вместе с тем надеется предложить читателю и некоторый новый материал»²³⁰.

Нужно отметить, что Сауэрби — не единственный автор энциклопедии. С самого начала к работе был привлечен сэр Джеймс Эдвард Смит, не без помощи Джозефа Бэнкса снискавший славу основателя Линневского общества благодаря покупке коллекций почившего шведского натуралиста у его супруги. Смит не принимал участия в экспедициях, но прослушал курсы химии и естественной истории в Эдинбургском университете, а затем в течение нескольких лет путешествовал по Европе, устанавливая научные контакты с другими учеными. Он дорожил своей репутацией профессионального исследователя и в некотором роде хранителя наследия Линнея. В период с 1788 по 1796 г. читал лекции по ботанике в лондонской

²²⁹ *Sowerby J. English botany Or, Coloured Figures of British Plants, with their Essential Characters, Synonyms and Places of Growth.*

²³⁰ *Ibid.* P. iii–iv.

больнице Гайс. Знакомство с Сауэрби открыло для Смита новые возможности подготовки публикаций по ботанике и стало началом плодотворного сотрудничества.

В «Английской ботанике» для каждого растения указывалась не только его категория в иерархии растительного мира в соответствии с классификацией Линнея, но также место произрастания и названия-синонимы, которые используются в обыденной речи или по ошибке еще встречаются в литературе. За точность иллюстраций отвечал Сауэрби, за корректность описаний — Смит. Однако первые четыре выпуска энциклопедии издавались только под фамилией Сауэрби. Смит настоял на том, чтобы его имя не упоминалось ни на обложке, ни в тексте введения, содержащего отсылки к использованным источникам. Удивительный случай, учитывая, что Смит и Сауэрби состояли в одних и тех же научных сообществах, имели общего покровителя в лице Джозефа Бэнкса и в равной степени пользовались его расположением и поддержкой²³¹. Он не был уверен в успехе издания, поэтому не желал, чтобы имя состоятельного джентльмена и профессионального ботаника, т. е. его собственное, стояло рядом с именем простого рисовальщика, пусть и признанного на тот момент лучшим в своем деле. Необыкновенный успех «Английской ботаники» заставил его оставить снобизм. С пятого выпуска книга издавалась под именами обоих авторов, однако весь восторг читателей по-прежнему доставался художнику. В разговорах и письмах вместо *English Botany* книгу называли *Sowerby's Botany*, т. е. «Ботаника Сауэрби». Издание энциклопедии продолжалось до 1814 г., за 23 года было подготовлено 36 выпусков, содержащих 2 592 раскрашенных вручную иллюстраций-гравюр (рис. 30, 31).

Художник и ботаник работали вместе над многими другими проектами: Сауэрби иллюстрировал *Exotic Botany* (1804–1805) Смита, а также вместе со своим сыном Джеймсом де Карлом Сауэрби — часть выпусков знаменитой, непревзойденной *Flora Graeca* (1806–1840), совместного детища Смита и Дж. Сибтропа²³². Несмо-

²³¹ См.: *Dolan B. Pedagogy through print: James Sowerby, John Mawe and the problem of colour in early nineteenth-century natural history illustration. P. 283.*

²³² См.: *Sibthorp J., Smith J. E. Flora Graeca. London : Typis Richardi Taylor et socii, in Vico Shoe-Lane : Veneunt apud Johannem White, in Vico Fleet-Street, 1806.*

тря на столь тесное и продолжительное сотрудничество, Смит так и не смог простить успеха Сауэрби и во введении к собственной *English Flora* (1828–1830) позднее напишет: «легкомыслие, с которым все превозносят Сауэрби, зная его лишь как создателя гравюр и не обращаясь к сведениям, содержащимся в работе, или к имени их автора, наводит на оскорбительную мысль, что все сделанное мною нужно только проницательным глазам тех немногих ученых, кто меньше всего нуждается в таком содействии»²³³.

Рис. 30. *Veronica spicata*
(англ. *Spiked Seedwel*).
Вероника колосистая²³⁴

Рис. 31. *Verbascum nigrum*
(англ. *Dark Mullein*).
Коровяк черный²³⁵

В пользу Сауэрби-ботаника говорит не только его велико-
лепное знание множества видов, представленных в «Английской
ботанике», но и готовность, и способность самостоятельно прово-
дить между ними различия на основании изучения их строения.

²³³ Цит. по.: Дагтон Л., Галисон П. Объективность. С. 158.

²³⁴ См.: Sowerby J. *English botany Or, Coloured Figures of British Plants, with their Essential Characters, Synonyms and Places of Growth. Vol. 1, Nr 1. Pl. 2.*

²³⁵ См.: Ibid. Pl. 59.

В статье «Сообщение о различии в структуре соцветий шести видов Пассифлоры», опубликованной в «Изысканиях Линнеевского общества», Сауэрби показал себя как профессиональный ботаник. Он рассматривает шесть видов рода *Passiflora*: *Passiflora quadrangularis*, *Passiflora alata*, *Passiflora laurifolia*, *Passiflora caerulea*, *Passiflora lunuata*²³⁶, *Passiflora minima*: «Всем известно, что не каждый опытный садовник и сведущий ботаник знает о различиях [между названными видами] и обычно принимает разные виды за одно и то же растение»²³⁷, — пишет Сауэрби. Он признается, что давно был заинтересован этим хорошо известным в Англии растением и собрал целую коллекцию изображений пассифлоры, однако едва продвинулся в постижении видового разнообразия цветка, пока не задался целью детально изучить строение соцветий разных представителей рода.

Нужно отметить, что для демонстрации своих наблюдений Сауэрби выбирает попарное расположение видов в формате одной иллюстрации. Причем художник изображает только соцветия в разрезе, подписывая прямо на рисунке все элементы цветка: чашечку, венчик, тычинки, пестики, околоплодник, семя, цветоложе и нектарник (рис. 32). В сопутствующих иллюстрациям описаниях автор дает подробную характеристику каждому элементу, а также краткие комментарии в отношении вида в целом. В 1795 г. редакторы ежеквартального обозревателя *British Critic*, характеризую эту работу, отмечали, что «Сауэрби соединил проницательность натуралиста с известной искусностью художника и представил в своей статье наиболее трудные для понимания виды; он не только обозначил названия их отдельных частей, но убедительно показал, что именно различия в строении составных частей определяют границу между видами»²³⁸.

²³⁶ *Passiflora lunuata* отсутствует в современных определителях.

²³⁷ Sowerby J. Account of the Difference of Structure In the Flowers of six Species of *Passiflora* // Transactions of the Linnean Society of London. 1794. Vol. 2, Nr 1. P. 20.

²³⁸ The Transactions of the Linnean Society. 1794. Vol. 2. P. 357 // The *British Critic*, a New Review for January, February, March, April, May. June. 1795. London : Printed for F. and C. Rivington, 1795. P. 90.

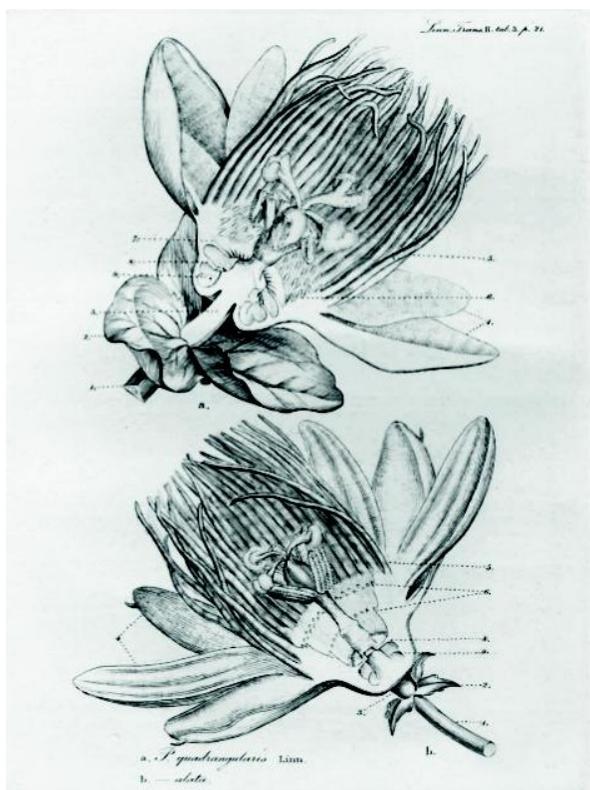

Рис. 32. Изображение цветка пассифлоры в разрезе²³⁹

Таким образом, пассифлора может считаться своеобразным символом компетентности Сауэрби как ботаника, пусть и освоившего корпус номенклатуры названий и специфику проведения исследования самостоятельно, в процессе многочисленных практик создания эскизов и гравюр. Сауэрби оставил в стороне мистическую традицию трактовки растения, согласно которой строение соцветия является воплощением библейского сюжета об орудии Страстей Христовых: «...тройное рыльце изображает три гвоздя, кружок искрапанных красным цветом тычинок — окровавленный

²³⁹ См.: Sowerby J. Account of the Difference of Structure In the Flowers of six Species of Passiflora. P. 21.

терновый венец, стебельчатый плодник — чашу, пять пыльников — пять ран Спасителя, трехлопастный лист — копьё, прицепки (усики) — плети, белый цвет — безвинность Искупителя и так далее»²⁴⁰. Цветки пассифлоры действительно имеют сложную организацию и красочную, эффектную «внешность». Это растение представляет собой сильную лиану с пыльчато-рассеченными листьями. Ее рост нужно контролировать, подрезая ветви каждую весну, чтобы она не заполонила собой больше того места, что ей отведено в оранжерее или на подоконнике и не потеснила другие растения²⁴¹.

Впрочем, Сауэрби рисовал не только растения: его также интересовали проблемы закономерностей и изменчивостей грибов, иллюстрации которых вышли в качестве дополнения к «Английской ботанике» в работе «Цветные иллюстрации английских грибов» (1789–1791). Минералам посвящены его работы «Минеральная конхиология Британии», «Британская минералогия», «Экзотическая минералогия», вышедшие в начале XIX в.

Вдумчивый наблюдатель, внимательный к деталям художник, он стал не просто ботаником-самоучкой, как иногда именуют его биографы, но настоящим исследователем, ученым-натуралистом с широким кругом интересов. В 1793 г. он был принят в Линнеевское общество, в 1806–1809 гг. состоял в Лондонском химическом обществе, а также Химическом обществе Ламбета, в 1807 г. стал членом Геологического общества. С 1811 по 1815 г. читал лекции по минералогии в Философском обществе Лондона на Флит-стрит. Естественно-научная коллекция Сауэрби насчитывала порядка 500 предметов: ракушек, насекомых, чучел животных и гербарных образцов. Гордостью Сауэрби являлись фрагменты двух метеоритов: так называемого Йоркширского метеорита, упавшего 13 декабря 1795 г. в имении Вольд Коттедж, близ г. Брайдлингтона, графство Йоркшир, и «Метеорита с мыса Доброй Надежды», обнаруженного в Капской колонии к востоку от Грейт Фиш-ривер в 1796 г. (один из фрагментов метеорита весом в 84 кг был доставлен в Англию

²⁴⁰ Гесдерфер М. Комнатное садоводство : практическое руководство для любителей и садоводов. СПб., 1904. С. 330.

²⁴¹ См.: Хессайон Д. Г. Все о комнатных растениях. С. 186.

в 1802 г. и приобретен Сауэрби в 1806 г.). Южноафриканский метеорит особенно ценился Сауэрби.

Впечатленный визитом российского императора Александра I в Англию в ходе триумфальных празднований победы шестой Антифранцузской коалиции над Наполеоном в 1814 г., Сауэрби загорелся идеей преподнести императору необычный подарок. Символом войны и мира, по его мнению, могло стать оружие, выполненное в буквальном смысле из «подарка небес» — того самого южноафриканского метеорита. Получив разрешение на претворение в жизнь своего замысла, Сауэрби в срочном порядке берется организовать работы по изготовлению церемониального клинка: популярной в то время в Англии сабли офицеров фланговых рот образца 1803 г. Южноафриканский метеорит относится к виду атакситов (железных метеоритов), которые богаты никелем и пригодны дляковки. На оружейной фабрике Генри Модсли метеорит был обработан, из него выковали несколько полос. Одну из таких полос в течение 10 часов превращал в клинок оружейник Джон Проссер, имя которого вместе с именем Сауэрби красуется на клинке. Рукоять была сделана из красного дерева и обтянута акульей кожей. На клинке выгравировали надпись: «Изготовлен из железа, упавшего с небес и преподнесен в дар Его Величеству Императору Всероссийскому Александру, с успехом принявшему участие в битве, дабы установить мир во всей Европе».

Когда клинок был готов, Александр I уже покинул Лондон, и Сауэрби передал оружие генерал-майору Петру Андреевичу Кикину, статс-секретарю императора. Однако потребовалось еще пять лет, прежде чем Александр I получил этот подарок. Причины, по которым оружие столь долго искало своего венценосного хозяина, неизвестны. Сауэрби все это время очень переживал и пытался разузнать о судьбе своего подарка. Наконец ему удалось связаться с доктором Александром Кричтоном, таким же, как Сауэрби, страстным собирателем камней и минералов, а также придворным врачом Александра I. Сауэрби попросил Кричтона разузнать все о сабле. Первый ответ оказался неутешительным: император не получил подарка. Однако вскоре пришли новые известия — от Осипа Петровича Козодавлева, министра внутренних дел. В письме он

сообщил Сауэрби, что император получил клинок, остался очень доволен подарком (рис. 33) и в качестве благодарности преподносит Сауэрби перстень, украшенный изумрудом и бриллиантами. Это известие чрезвычайно обрадовало художника. Он получил свое кольцо спустя полгода — ничтожный срок в сравнении с пятью годами пребывания в неизвестности относительно своего подарка²⁴².

25 октября 1822 г. в возрасте 65 лет Сауэрби скончался. Он умер в своем доме в районе Ламбет в окружении семьи. Как мы уже упоминали, многие его потомки связали свою жизнь с искусством и научными исследованиями. Так, его старший сын Джеймс де Карл Сауэрби (1787–1871), совмещая в себе талант художника и склонность к наукам, продолжил дело отца по созданию ботанических иллюстраций к новым томам *English botany*. Он также выполнил несколько гравюр к *Flora Graeca*, а позднее осуществил издание свыше 10 000 гравированных миниатюрных изображений растений под обложкой так называемой «Лондонской энциклопедии растений» (англ. *London's Encyclopedia of Plants*, 1829)²⁴³.

Рис. 33. Сабля с клинком из метеоритного железа. Эрмитаж

²⁴² См.: *Henderson P.* James Sowerby: the Enlightenment's natural historian. London : Kew Publishing in association with the Natural History Museum, 2015. P. 389–394.

²⁴³ См.: *Walpole J.* A History and Dictionary of British Flower Painters, 1650–1950. P. 33–34.

История Джеймса Сауэрби служит примером того необходимого синтеза теории и практики, владения методами проведения научно-го исследования и творческой способности ощущать и передавать красоту предмета своего изучения. Сауэрби начал свой профессиональный путь как иллюстратор, выполнявший изображения по заказу ботаника. Однако впоследствии он не только применял умение рисовать при проведении собственных исследований растений, как в случае с пассифлорой, но также стремился к тому, чтобы приложить научный подход к интересовавшим его аспектам в живописи, как это произошло с «проблемой цвета» и изобретением колориметра.

Говоря об особом почитании науки англичанами, Лия Гринфельд писала о научном характере проповедей у священников²⁴⁴. Самостоятельного исследования удостоился и научный характер британской живописи. В подзаголовке к своей работе художественный критик Джонатан Джонс называет гением британской живописи эмпиризм²⁴⁵. По Джонсу, триумф английской науки способствовал развитию изобразительных искусств: «в Британии, где Реформация, ярый противник искусства, так долго оберегала святость слова и с подозрением относилась к любым образам, где благодаря Шекспиру, Марлоу, Спенсеру, Донну, Мильтону и Библии короля Якова словесное выражение стало истинным национальным талантом, переориентация с чтения на взгляд, открытие силы глаза можно назвать поистине революционным событием»²⁴⁶. Описывая многофигурные полотна Джозефа Райта из Дерби (1734–1797) «Эксперимент с птицей в воздушном насосе» (1768) и «Алхимик» (1770), он называет их картинами-манифестами, в которых «возвышенна именно научная истина; вместо того, чтобы почитать Бога, нам следует преклоняться перед Природой»²⁴⁷.

²⁴⁴ См.: Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М. : ПЕРСЭ, 2012. С. 85, 88.

²⁴⁵ См.: Джонс Дж. Британское искусство от Хогарта до Бэнкси. Эмпиризм как гений британского искусства. М. : Слово, 2020.

²⁴⁶ Там же. С. 41.

²⁴⁷ Там же. С. 137.

Райт изображал человека, изумленного силами природы и исследующего свои возможности в управлении ею. Сауэрби искусно изображал саму природу. Но взгляды, какую: обнаженные корни растений, разделенные на части соцветия, лишены фона и всякого намека на контекст своего привычного существования в экосистеме, типовые образцы видовых представителей флоры. Ботанические иллюстрации Сауэрби громче сюжетных полотен Райта знаменуют стремление человека постигнуть загадки природы.

Глава 6

ДЖОЗЕФ БЭНКС, БОТАНИК

«Плоды [хлебного дерева] пекут целиком в горячей золе и затем вычерпывают середину ложкой. Я сравнивал их с йоркширским пудингом».

Альфред Рассел Уоллес, 1869

Биография данного ботаника замыкает круг амбициозных натуралистов Британии рубежа XVIII–XIX вв. Джозеф Бэнкс (1743–1820) был одним из тех, кто принял вызов эпохи: освоившись в потоке следующих друг за другом открытий, публикаций, экспедиций, заседаний научных сообществ, докладов, экспериментов, он стал единственным, кто этот поток возглавил (рис. 34).

Джозеф происходил из состоятельной семьи эсквайра Уильяма Бэнкса, владевшего поместьем в графстве Глостершир²⁴⁸. Считается, что любовь к ботанике проявилась у Бэнкса еще в детском возрасте, когда он листал альбомы с ботаническими иллюстрациями из буддара своей матери. Одним из них была копия с работы натуралиста XVI в. Джона Герарда «Гербарий истории растений» (англ. *Herball of Historie of Plants*, 1598)²⁴⁹.

Начальное образование Бэнкс получил в Харроу и Итоне. Обучаясь в школе, Бэнкс с четырнадцати лет начал брать уроки ботаники у травниц, собиравших растения по заказу местных аптекарей²⁵⁰. Бэнкс наблюдал за тем, как они собирают и высушивают травы, и за плату пользовался их медицинскими трактатами: «по шесть пен-

²⁴⁸ См.: *O'Brien P.* Joseph Banks: a life. London : The Harvill Press, 1987.

²⁴⁹ См.: *Easterby-Smith S.* Botanical collecting in eighteenth-century London // *Curtis's Botanical Magazine*. 2017. Nr 34 (4). P. 5.

²⁵⁰ См.: *Fara P.* Sex, Botany and Empire. The story of Carl Linney and Joseph Banks. P. 49.

Рис. 34. Т. Филиппс. Портрет Джозефа Бэнкса, 1809. Холст, масло. Лондонское королевское общество

сов за каждый новый раздел»²⁵¹. Семья Бэнксов также владела домом в Лондоне, недалеко от Челси Физик Гарден — медицинского ботанического сада, основанного в 1673 г. и обладавшего огромной коллекцией местных и экзотических растений. Биографы отмечают, что сад в Челси вдохновлял юного Бэнкса²⁵² (рис. 35).

В 1760–1764 гг. Бэнкс учился в Оксфорде, однако докторскую степень получил лишь в 1771 г., уже заслужив признание в академических кругах после участия в экспедиции: вместо кабинетной работы он избрал полный опасностей, но щедрый на вознаграждение в случае успеха путь

научно-исследовательских экспедиций.

В 21 год натуралист унаследовал семейное поместье Риверсбэй Эбби в графстве Линкольншир. Он стал очень богатым человеком и не искал в научных изысканиях личной материальной выгоды. На момент вступления в наследство в 1764 г. Бэнкс располагал доходом в 6 тыс. фунтов в год, к 1807 г. — уже 14 тыс., а к 1820 г. — 30 тыс.²⁵³ Унаследованное и приумноженное состояние обусловило так называемую финансовую независимость и статус джентльмена. «Я так много лет отдал службе различным государственным учреждениям... и я никогда не просил и даже в мыслях не рас-

²⁵¹ *Gascoigne J.* Joseph Banks and the English Enlightenment. Useful Knowledge and Polite Culture. P. 83.

²⁵² См.: *Carter H. B.* Sir Joseph Banks, 1743–1820. London : British Museum, 1988. P. 25, 32.

²⁵³ См.: *Gascoigne J.* Joseph Banks and the English Enlightenment: Useful Knowledge and Polite Culture. P. 8.

считывал на вознаграждение»²⁵⁴, — писал Бэнкс в письме одному из своих протезе — Чарльзу Благдену. Он не пытался реализовать свое стремление к познанию за счет дотаций государства, спонсировавшего экспедиции. Он заботился о благе государства, понимая под благом увеличение и распространение знания и при этом — извлечение из данного знания пользы — как экономической прибыли, так и политического влияния. Помимо поместья, в собственности Бэнкса также находилась купленная им квартира в Лондоне недалеко от Британского музея. В Лондоне Бэнкс познакомился с ботаником Дэниелом Соландером, через которого вступил в переписку с Карлом Линнеем.

В свое первое большое путешествие Бэнкс отправился в 1766 г., когда ему исполнилось 23 года. Это была экспедиция мореплавателя, полярника и ботаника Константина Фиппса (1744–1792) в Канаду, продлившаяся девять месяцев. Из путешествия Бэнкс привез в Лондон несколько сотен образцов растений и был избран в члены Лондонского королевского общества.

Настоящая слава пришла к Бэнксу после участия в первой кругосветной экспедиции Кука (1768–1771), правда, отчасти слава эта была скандальной. Ради участия в данном грандиозном проекте Бэнкс внес крупную сумму (10 тыс. фунтов) на организационные расходы и закупку необходимого исследовательского оборудования. Несмотря на рвение Бэнкса, разрешение на его участие в экспедиции было дано Адмиралтейством в самый последний момент, за день до отправки в плавание, из-за чего Бэнкс не успел достойно проститься со своей невестой Хэрриет Блоссет. По возвращении Бэнксу пришлось давать отчет не только о результатах своих ботанических изысканий, но и о любовных приключениях на Таити, после чего разорвать помолвку и выплатить семье опозоренной невесты значительную компенсацию²⁵⁵.

²⁵⁴ Memorandum written by Banks appended to British Library, Add MS 33272, f. 74r (letter from Joseph Banks to Charles Blagden, 27 Mar. 1790) / ed. by W. R. Dawson. London : Trustees of the British Museum, 1958.

²⁵⁵ См.: Шипицына Ю. С. Ботаническая иллюстрация в Британии во второй половине XVIII — начале XIX века в контексте становления таксономического подхода к познанию мира // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2020. № 4. С. 59–65.

Джозеф Бэнкс в свои молодые годы стал олицетворением всей мыслимой и немыслимой «ботанической распушенности»: во время высадки на о. Таити проникся местным обычаем «гостеприимного гетеризма»²⁵⁶. О его романтических приключениях с таитянками слагались бесчисленные сатирические памфлеты, а некоторые сюжеты, как, например, случай похищения одежды Бэнкса знатной представительницей местного племени, «королевой Оберией», как прозвали ее в Англии, стали неотъемлемой чертой образа «ботанического макарони»²⁵⁷. У нас нет свидетельств о том, что амбициозный натуралист страдал из-за сплетен, насмешек и карикатур, однако его дальнейшие усилия по созданию имиджа respectable землевладельца и авторитетного ученого, выразившиеся в подчеркнуто трепетном отношении к государственным наградам и стремлении к самопрезентации на многочисленных парадных портретах, могут косвенно говорить об этом²⁵⁸. Бэнксу пришлось также отстаивать имидж серьезного ученого в противовес бытовавшему представлению о нем как о богатом дилетанте, для которого натуралистические изыскания — лишь разновидность развлечения²⁵⁹. Факт участия в экспедиции еще не открывал перед молодым натуралистом двери академии (на момент возвращения в Лондон Бэнксу было 28 лет).

Удивительным источником, проливающим свет на обстоятельства создания ботанических, зоологических и этнографических коллекций, впечатления от знакомства с экзотической флорой и образом жизни аборигенов, а также непосредственно исследовательские практики натуралиста, является путевой дневник²⁶⁰, в который Бэнкс вносил все наблюдения и открытия, сделанные за время участия в кругосветной экспедиции.

²⁵⁶ Форестер Г. Путешествие вокруг света. С. 533.

²⁵⁷ Fara P. Sex, Botany and Empire. The story of Carl Linney and Joseph Banks. P. 7–9.

²⁵⁸ См.: Fara P. Presidential portraits: Joseph Banks in the National Library. P. 7–10.

²⁵⁹ См.: Smith V. Banks, Tupaia, and Mai: Cross-cultural exchanges and friendship in the Pacific // Paregron. Vol. 26, Nr 2. P. 140.

²⁶⁰ См.: Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771. Sydney : University of Sydney Library, 1997 [A digital text sponsored by State Library of NSW]. URL: <https://setis.library.usyd.edu.au/ozlit/pdf/p00021.pdf> (date of access: 21.05.2021).

«25 августа 1768 года. Спустя десять дней ожидания в полной готовности отплыть, когда весь скарб и необходимый инвентарь уже был погружен на корабль, мы наконец дождались попутного ветра и ровно в три часа пополудни подняли якорь. Мы отправились в плавание в превосходном настроении и отличном самочувствии, преисполненные уверенности и надежды (по крайней мере в своих помыслах) превозмочь всяческие испытания и препятствия, что могут возникнуть во время предпринятого нами Путешествия», —

так начинается свой путевой дневник Джозеф Бэнкс. Нужно отметить, что «в превосходном настроении и отличном самочувствии» во время плавания Бэнкс будет далеко не всегда, но «уверенность и надежда» действительно понадобятся натуралисту, потому что трудностей на пути экспедиции будет немало. Историк Мел Гудинг подчеркивает, что в тексте во всей полноте отразился характер автора: «не заботясь о стилистической точности, Бэнкс использует энергичный, неординарный слог, лаконичный и предельно точный в описании, сквозь который со всей очевидностью проступают характерное воодушевление и искренний оптимизм»²⁶¹.

Джеймс Кук являлся опытным мореплавателем, которому было доверено руководство экспедицией, но он не был ученым. Во время первого кругосветного путешествия ему предстояло не только руководить командой судна, но также найти общий язык с командой исследователей, существовавшей в смысле реализации поставленных перед экспедицией научных задач в некоторой степени автономно. В символическом смысле наименование островов в честь главного научного института Британской империи (речь идет об Островах Общества) являлось способом закрепить приоритет исследовательских задач экспедиции, а также актом выражения пиетета по отношению к академии. Кук получил две секретных инструкции от Адмиралтейства: первая обозначала официальные цели экспедиции и предписывала образ действий команды во время пребывания

²⁶¹ Gooding M. The Voyage of Endeavour, 1768–1771 / The Making of Banks Florilegium I // M. Gooding, D. Mabberley, J. Studholme. Joseph Banks' Florilegium: Botanical Treasures from Cook's First Voyage. London : Thames & Hudson, 2019. P. 7.

на Таити, вторая касалась маршрута, который предположительно мог привести Кука к открытию Неведомой Южной земли — гипотетического континента в Южном полушарии:

«Вам также надлежит тщательно исследовать состав почвы и [описать] природу произрастающих растений, зверей и птиц, населяющих [леса], рыб, обитающих в реках и прибрежных водах в том количестве и разнообразии, в каком они предстанут перед вами. Любые найденные горные породы, минералы и драгоценные камни, равно как и семена деревьев, плоды и злаки, которые возможно будет собрать, надлежит отобрать [несколько экземпляров] каждого вида и доставить в наше Министерство, где мы изучим и исследуем их. Вам также следует наблюдать за способностями, характером, расположением и численностью коренного населения, и всеми возможными способами устанавливать дружественные отношения и заключить союз с ними, одаривая их различными безделицами, которые они очень ценят, приглашая их к торговле, демонстрируя всяческое уважение и доброе расположение по отношению к ним; и заботясь при этом о том, чтобы самим не пострадать от различного рода инцидентов и всегда пребывать в безопасности»²⁶².

Инструкция предписывает Куку выполнить огромный объем работ по созданию коллекций и описанию их содержимого, наблюдению за местным населением, установлению и поддержанию контакта с ним, обеспечению безопасности всей команды. Очевидно, со всем этим Кук был не в состоянии справиться в одиночку. В качестве официальных должностных лиц в состав «команды ученых» экспедиции вошли астроном и ботаник. К счастью, у каждого из них были свои помощники.

Официальным астрономом экспедиции был назначен Чарльз Грин (1734–1791), уже наблюдавший за Транзитом Венеры в 1761 г. у мыса Доброй Надежды, его помощником-ассистентом стал Невил

²⁶² Secret Instructions to Captain Cook, 30 June 1768 // National Archives of Australia. URL: https://www.foundingdocs.gov.au/resources/transcripts/nsw1_doc_1768.pdf (date of access: 03.05.2021).

Маскелин (1732–1811), королевский астроном. Официальным ботаником являлся Джозеф Бэнкс. Его помощниками стали: Дэниел Соландер (1733–1782), близкий друг Бэнкса, шведский натуралист, один из учеников Линнея, прибывший в Лондон в 1760 г., чтобы привести в соответствие с системой Линнея натуралистическую коллекцию недавно созданного Британского музея; Герман Спори́нг (1733–1771), финнский натуралист, гравер и талантливый часовщик, выполнявший функции секретаря при Соландере; художники Сидни Паркинсон (1745–1772) и Александр Бьюкен (?–1769); личный секретарь Бэнкса и двое слуг из его поместья. В честь «команды ботаников» Кук назвал залив Тасманова моря у восточного берега Австралии, открытый позднее, в 1770 г. — Ботанический залив (англ. *Botany Bay*) (рис. 36).

Рис. 36. Слева направо: Дэниел Соландер, Джозеф Бэнкс, Джеймс Кук, Джон Хоксфорд и лорд Сэндвич. Автор Джон Гамильтон Мортимер, 1771. Национальная библиотека Австралии

Бэнкс подготовился к экспедиции самым тщательным образом: не только грамотно выбрал соратников и помощников, но также

продумал организацию своей исследовательской «лаборатории» на корабле: сорок томов специальной литературы, включая классические труды Линнея *Systema Naturae* и *Species Plantarum*, а также недавно вышедшие описания французских исследователей — путешественника Александра Далримпла (1737–1808) и этнографа Шарля де Бросса (1709–1777); специальные кабины для перевозки растений, рыб и птиц; оборудование для создания высококачественных иллюстраций. Очевидно, опыт участия в экспедиции к проливам Ньюфаундленд и Лабрадор в 1766 г. позволил Бэнксу наилучшим образом подготовиться к дальнему плаванию²⁶³.

Первой целью экспедиции была высадка на Таити. Здесь команда пробудет дольше всего — 12 недель. При этом стоит сказать, что и до Таити Бэнкс и его «команда» осуществляли отдельные короткие «вылазки»: на о. Мадейра удалось собрать 200 видов растений, 21 из которых оказался новым; в порту Рио-де-Жанейро было разрешено сойти на берег только капитану корабля, но за непродолжительное время стоянки Паркинсону удалось зарисовать 40 видов морских обитателей. Бэнкс умолял сделать высадку на Фолклендских островах, но Кук отказался, боясь «опоздать» к моменту прохождения Венеры по диску Солнца; следующая возможность исследовать флору была предоставлена Бэнксу и Соландеру у мыса Святого Винсента. Кук остановил корабль в бухте, но отказался от высадки, а ботаники доплыли на шлюпке до суши и за четыре часа собрали 100 видов растений — абсолютно все из них были новыми и ранее не описанными. Мыс Доброй Надежды оказался не столь добр к исследователям — плохие погодные условия затрудняли продвижение вглубь континента; короткая остановка на островах Огненная Земля принесла в коллекцию 148 видов растений, из них 70 новых. Наконец, 13 апреля 1769 г. «Индевор» спустил якорь в заливе Матавай у северного побережья Таити.

Остров Таити входит в число 14 Наветренных островов, которые, в свою очередь, являются частью Островов Общества — тропического архипелага вулканического происхождения. Таити — крупнейший из островов, его площадь составляет 1042 км². Впервые

²⁶³ См.: *Googing M. The Voyage of Endeavour, 1768–1771. P. 7.*

остров был открыт в 1767 г. во время экспедиции Сэмюэля Уоллиса. В 1769 г. здесь сделала первую длительную остановку экспедиция Кука. В течение пяти недель участники экспедиции и члены команды находились на острове, производя необходимые астрономические наблюдения, собирая образцы местной флоры и фауны, знакомясь с обычаями и традициями коренного населения (в том числе обычаем гостеприимного гетеризма) и пополняя запасы воды и продовольствия. В это время на Таити не существовало государства: местные племена боролись между собой за влияние, однако их объединение произойдет лишь в 1788 г. не без участия англичан, но почти сразу с установлением французского протектората.

В ходе обследования островов архипелага Кук открыл пять островов Подветренной группы и дал им название «Острова Общества» в честь Лондонского королевского общества. Позднее название было распространено на обе группы островов: западные — Подветренные и восточные — Наветренные. Как уже было сказано, здесь, на Таити, произошла первая длительная высадка экспедиции, поэтому мы сосредоточим свое внимание именно на фрагменте путевого дневника, повествующем об этом этапе. Бэнкс выделил его среди прочих записей и дал заглавие «Нравы и обычаи на островах Южного моря».

В своих натуралистических изысканиях Бэнкс не был оторван от жизни команды. Известно, что Кук делегировал ему такие важные обязанности, как ведение торговли с коренным населением²⁶⁴ и разрешение конфликтных ситуаций²⁶⁵. Во многом это стало возможным потому, что Бэнкс хорошо понимал таитян, стремясь как можно лучше освоить их язык.

«Их язык мне показался удивительно приятным и мелодичным, что связано с большим количеством гласных звуков. Для нас он весьма легок в произношении, таитянам же совершенно неудобно произносить английские слова. В частности, я затратил так много сил, чтобы

²⁶⁴ См.: *Smith V. Banks, Tupaia, and Mai: Cross-cultural exchanges and friendship in the Pacific*. P. 144.

²⁶⁵ См.: *Googing M. The Voyage of Endeavour, 1768–1771*. P. 14.

научить их произносить мое имя, и они научились: спустя три дня бесплодных усилий мне пришлось выбрать для себя из всех тех вариантов, что они пытались произнести, слово “Tabane” — по крайней мере, оно подражало моей фамилии»²⁶⁶.

Бэнкс старался разобраться в этимологии и приводил сравнительную таблицу для некоторых слов из языков разных народов, населяющих острова Тихого океана, пользовался сообщениями о языках из литературы других путешественников. Он пришел к выводу, что гипотеза о том, что языки всех народов тихоокеанских островов происходят от одного праязыка, «кажется не такой уж невероятной»²⁶⁷. Бэнкс приводит составленный им словарь избранных слов, наиболее частотных в лексике таитян, а также стремится как можно чаще приводить оригинальные названия, когда речь идет о названиях местных ритуалов, самобытных предметов и специфических практик.

Благодаря вниманию Бэнкса к языку коренного населения, описанию обрядов и особенностей повседневной жизни таитян, данный фрагмент дневника ценится среди исследователей этнологов и антропологов за полноту и оригинальность этнографического материала. Действительно, Бэнкс описывает множество моментов из жизни таитян, которые в совокупности создают целостную картину жизни на острове.

Другой важный аспект, нашедший отражение в тексте Бэнкса, — его исследования ботаники. Огромное множество ботанических иллюстраций, выполненных Сидни Паркинсоном для Бэнкса за время экспедиции, осталось не опубликованным при жизни Бэнкса. На протяжении всей своей жизни он работал над систематизацией и описанием растений, которые на них изображены. В этом ему помогали Д. Соландер, сестра Сара София Бэнкс и супруга леди Доротея Бэнкс, однако работа над собранием, названным ботаником *Florilegium* (в пер. с лат. «собрание цветов»), осталась незаконченной.

²⁶⁶ *Banks J.* The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771.

²⁶⁷ *Ibid.*

Рис. 37. С. Паркинсон. *Boronia parviflora*. Иллюстрация из собрания Бэнкса Florilegium²⁶⁸

принимались попытки опубликовать отдельные иллюстрации, снабдив их научным комментарием. Среди таких изданий стоит отметить проект, совместно реализованный историком Мелом Гудингом, ботаником Дэвидом Мабберли и дизайнером Джоа Стадхолм: специалисты подготовили к публикации 147 гравюр-иллюстраций, снабдив их исчерпывающим комментарием, включающим в себя историческое эссе об обстоятельствах появления изображений, их научном предназначении, способе создания и репрезентации в данной книге (первое издание вышло в 2017 г., второе — в 2019)²⁷⁰ (рис. 37).

Уже в XX в., в период с 1980 по 1990 г., Крисом Хамфрисом, сотрудником лондонского Музея естественной истории (англ. *Natural History museum*) совместно с участниками масштабного издательского проекта The Alecto Historical Editions впервые была предпринята публикация всех 743 цветных гравюр — ботанических иллюстраций из цикла Florilegium. Издание имело ограниченный тираж (всего 100 экз.), а все собрание было разделено на 34 части. В настоящее время с оцифрованными иллюстрациями, опубликованными в рамках этого проекта, можно познакомиться на сайте издания²⁶⁹. Позднее различными учеными пред-

²⁶⁸ См.: *Boronia parviflora* / Florilegium. Pl. 30 // The Alecto Historical Editions. URL: <https://www.alecto-historical-editions.com/collections/all-florilegium-prints/products/ahe-banks-prints-030> (date of access: 01.10.2021).

²⁶⁹ См.: The Alecto Historical Editions. URL: <https://www.alecto-historical-editions.com/> (date of access: 28.04.2021).

²⁷⁰ См.: *Gooding M., Maberley D., Studholme J. Joseph Banks' Florilegium: Botanical Treasures from Cook's First Voyage*. London : Thames & Hudson, 2019.

И если в работе над *Florilegium* Бэнкс проявил себя как систематик, а также ревнитель качественного изображения видов на ботанических иллюстрациях, то его путевой дневник позволяет нам увидеть непосредственное отношение Бэнкса к растительному миру, лишённое сентиментальных восторгов и полное практических соображений о пользе (рис. 38).

Бэнкс тщательно образом описывает рацион таитян: перечисляет различные продукты — источники питания, способы приготовления блюд и ритуалы приема пищи. Наибольший интерес вызывает рассказ о хлебном дереве.

Хлебное дерево (*Artocarpus altilis*) — тропическое плодовое дерево, достигающее в высоту 85 м, с крупными темно-зелеными листьями. Начинает плодоносить на шестом году и сохраняет эту способность на протяжении 50 лет (150–200 плодов в год), вес плодов может достигать 6 кг. Бессемянные плоды хлебного дерева традиционно идут в пищу в печеном или обжаренном на углях виде. Плоды также сбраживают, закопав их под слоем листьев, затем смешивают с кокосовыми сливками и выпекают из них кислый хлеб. В наши дни плоды также запекают, готовят на пару или обжаривают; из них получают крахмал, который зачастую используется вместо пшеничной муки²⁷¹. Плод хлебного дерева представляет собой синкарпий — соплодие, которое

Рис. 38. *Artocarpus altilis*.
Плоды хлебного дерева. Автор
Сидни Паркинсон, 1769. Музей
естественной истории, Лондон

²⁷¹ См.: Хлебное дерево / Традиционные сельскохозяйственные культуры. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. URL: <http://www.fao.org/traditional-crops/breadfruit/ru/> (дата обращения: 31.05.2021).

образуется из женского соцветия. Хлебное дерево распространилось по островам Океании задолго до появления там европейцев и имело большое значение для народов Океании: 200 существующим разновидностям дерева было дано более 2 тыс. названий. Кроме различных способов употребления плодов в пищу, высоко ценилась его древесина, используемая при строительстве²⁷².

Путевой дневник Бэнкса содержит любопытный пассаж о первородном грехе, которого таитяне сумели избежать:

«В отношении питания об этих счастливицах можно сказать, что они словно и не знают о печати первородного греха. В их случае едва ли будет справедливо утверждать, что они зарабатывают свой хлеб потом и кровью, ведь все, что от них требуется — вскарабкаться вверх по хлебному дереву и сорвать плоды. Хлебное дерево — наиболее доступный источник питания для таитян. Хлебное дерево здесь не является в привычном для нас смысле дикорастущим: обычно мужчина сажает за всю свою жизнь порядка десяти деревьев, и это занимает лишь час или около того его времени. Заботясь не только о себе, но и о будущих поколениях, здесь придерживаются этой традиции, поскольку одна холодная зима или изнуряюще-жаркое лето могут погубить урожай, и даже этот далеко не тяжелый труд сделать неблагодарным.

“Трижды блаженны — / когда б они счастье свое сознавали! / Жители сел”²⁷³ — эти слова как нельзя лучше подходят к характеристике местных жителей. Щедрая природа не только послала им необходимое для жизни в достаточном количестве — она одарила их роскошью изобилия»²⁷⁴.

Далее Бэнкс перечисляет, что еще употребляют в пищу таитяне: разнообразные морепродукты, кокосы, 13 сортов бананов, батат, ямс, бобовые культуры, дичь, свинину и даже мясо местной породы

²⁷² См.: *Байнум У., Байнум Х.* Выдающиеся растения, которые изменили нашу жизнь. С. 44–45.

²⁷³ Вергилий. Георгики. Кн. 2. Ст. 459 // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / пер. с лат. С. Шервинского. М.: Худож. лит., 1979.

²⁷⁴ *Banks J.* The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771.

собак (англ. *south-sea dog, tahitean dog*). «Овощи — вот основная еда здесь; овощи едят в большом количестве». Бэнкс пишет, что таитяне знают два способа приготовления на огне: жарка на углях и запекание. Плоды хлебного дерева тоже запекают в течение нескольких часов так, что они становятся мягкими и «на вкус напоминают вареный картофель». Еще два-три блюда готовятся из плодов хлебного дерева посредством приготовления из них пасты и смешивания с водой или кокосовым маслом и добавления спелых плантанов, бананов, кислого теста.

«Раз уж я упомянул о кислом тесте, постараюсь описать, что оно из себя представляет. Насколько я понял, хлебное дерево дает плоды лишь девять или десять из местных тринадцати месяцев²⁷⁵, так что в остальные месяцы актуальна задача заготовки провианта впрок. Для того, чтобы сделать заготовки, плоды хлебного дерева собирают, как только они поспевают, и складывают в большие кучи, в которых происходит процесс ферментации и плоды становятся невыносимо сладкими; затем плоды очищают при помощи специального приспособления и мякотью плодов доверху наполняют емкости, стенки и дно которых устланы травой — такие емкости есть здесь в каждом доме; сверху также укрывают листвой и травой и придавливают камнем. Здесь происходит второй этап ферментации и окисление. В таком виде заготовки сохраняются в течение многих месяцев, как мне сообщили. <...>

Описанный мною процесс здесь называют *Mahai*, он зависит от процесса ферментации и, как я полагаю, далеко не всегда успешен. Проходит он под присмотром старух, которые следят за соблюдением многочисленных суеверий и никого не подпускают близко к заготовкам»²⁷⁶.

Научные экспедиции второй половины XVIII в. были нацелены на использование того огромного потенциала для экономики метрополий, что был явлен в предшествующие 200 лет импорта табака,

²⁷⁵ На Таити использовался лунный календарь.

²⁷⁶ *Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771.*

чая, кофе и сахара. Идея национального престижа и имперские амбиции реализовывались не только в присвоении и освоении новых территорий, но и посредством их рационального использования. Алан Фрост подчеркивает, что «привычка к транспортировке растений являлась важнейшим аспектом британского империализма во второй половине XVIII в.»²⁷⁷ Интересно, что к такому подходу к совершенствованию ботаники — экономически эффективному и политически ангажированному — апеллировал «отец ботаники» Карл Линней. Однако, как отмечает Александра Кук, его проекты блестящих с предпринимательской точки зрения инициатив были восприняты и наиболее успешно использованы отнюдь не Швецией, а другими государствами, нацеленными на экспансию, и Британская империя в этом отношении добилась наибольших успехов²⁷⁸.

По возвращении Бэнкс стал автором масштабного проекта по перевозке хлебного дерева в Вест-Индию, целью которого было обеспечение дешевым питанием рабов²⁷⁹. Рабовладельческие плантации на о. Ямайка нуждались в дешевом и доступном продовольствии. Хлебное дерево, поразившее Бэнкса своей неприхотливостью (в родном климате) и высокой плодородностью, послужило причиной снаряжения новых экспедиций на о. Таити: первой экспедицией стала печально известная экспедиция 1789 г. под командованием капитана Уильяма Блая, против которого матросы подняли мятеж и, высадив его на шлюпку в открытом океане, повернули «Баунти» обратно к берегам Таити. Восставшие попытались основать поселение на Таити, а затем на о. Тубауи, однако, потерпев несколько неудачных попыток, «растворились»

²⁷⁷ Frost A. The antipodean exchange: European Horticulture and imperial designs // *Visions of Empire: Voyages, botany and representations of nature* / ed. D. P. Miller, P. H. Reill. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. P. 74.

²⁷⁸ См.: Cook A. Politics of Nature and Voyages of Exploration: some purposes and results // *Voyages and Exploration in the North Atlantic from the Middle Ages to the XVII century*. Agnarsdottir. Reykjavik, 2001. URL: https://www.academia.edu/576852/_Politics_of_nature_and_voyages_of_exploration_some_purposes_and_Results_ (date of access: 31.05.2021).

²⁷⁹ См.: Tyler-Whittle M. S. The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants. London : Chilton Book Company, 1972. P. 89–91.

среди таитян: часть из них была впоследствии убита аборигенами во время конфликтов, часть арестована англичанами, прибывшими со второй экспедицией на корабле «Пандора» в марте 1791 г., остальные покинули Таити в 1790 г. и основали поселение на о. Питкэрн во главе с Джоном Адамсом (единственное поселение на острове, существующее по сей день).

Джозеф Бэнкс выступил с инициативой по транспортировке саженцев хлебного дерева уже будучи президентом Лондонского королевского общества и советником Георга III по вопросам организации и управления Садами Кью. Он добился снаряжения экспедиции 1789 г. и отправил вместе с Блаем двух своих протеже — Нельсона и Брауна, сотрудников Садов Кью, для того чтобы обеспечить сохранность и должный уход за саженцами и молодыми побегами столь желанного растения. По замыслу Бэнкса, команда должна была находиться на Таити в течение пяти месяцев, чтобы не просто выкопать и забрать деревья, но дожидаться, пока собранные и посаженные семена прорастут, превратятся в побеги и окрепнут настолько, что смогут перенести длительное морское путешествие. Ввиду этого столь длительное пребывание на острове, как полагают историки, стало одной из причин мятежа: матросы по достоинству оценили преимущества жизни на гостеприимном острове, и перспектива возвращения их не прельщала²⁸⁰. Нельсон и Браун собрали чуть более тысячи саженцев, но их дальнейшая судьба неизвестна. Вторую экспедицию за хлебным деревом, как ни странно, вновь возглавил Уильям Блай, который смог вернуться в Англию и, представ перед судом, был полностью оправдан. В 1793 г. Блай на корабле «Провиденс» доставил на Ямайку и о. Сент-Винсент саженцы хлебного дерева, которые благополучно прижились. Согласно информации Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций, в настоящее время хлебное дерево распространено по всему Тихоокеанскому региону²⁸¹.

²⁸⁰ См.: *Tyler-Whittle M. S. The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants.* P. 91.

²⁸¹ См.: Хлебное дерево / Традиционные сельскохозяйственные культуры.

Проект по транспортировке хлебного дерева явился не первым и не единственным подобным прибыльным предприятием — точно так же Британия ранее осуществила «пересадку» чая из Китая в Индию, а позднее интересовалась возможностями выращивания новозеландского сорта льна и австралийских овец на Британских островах²⁸². Лоббирование Бэнксом этого проекта является показательным примером «имперской ботаники», когда ученый-натуралист не просто отправляется в экспедицию в соответствии с задачами описания и изучения новых территорий, но также отыскивает способ извлечь практическую пользу и экономическую выгоду для государства из результатов своих исследований.

Натуралисты и их помощники во время плавания трудились над созданием коллекций ежедневно, обычно с 8:00 до 14:00 и с 16:00 или 17:00 до наступления темноты, в случае если сильный шторм не прерывал их работу, что, однако, случалось нечасто²⁸³. Вот как Бэнкс комментирует в своем дневнике работу над собранными материалами:

«Мы торопливо делали описания ко всем предметам естественно-научной коллекции, пока образцы оставались свежими... В тот момент, когда изнуренные долгим путешествием с берега на корабль наши образцы теряли свою свежесть, мы стремились закончить каждое описание и снабдить его синонимичными названиями из тех книг, что были у нас с собой. Эти завершенные статьи с описаниями сразу же фиксировались нашим секретарем Спорингом в книгах, посвященных флоре каждой из земель, что мы посетили»²⁸⁴.

Художник Сидни Паркинсон выполнял не только этнографические рисунки, но и ботанические иллюстрации. В ходе плавания художник вынужден был быстро работать в новых для себя и непростых условиях экспедиции: однажды рой экзотических мух уничтожил целую серию его рисунков на Таити. Несмотря

²⁸² См.: *Chambers N. A. Joseph Banks and the British Museum: the world of collecting, 1770–1830.* London, 2007. P. 10.

²⁸³ См.: *Gooding M. The Florilegium, 1772–1990.* P. 297.

²⁸⁴ *Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771.*

на трудности и большой объем работы, Паркинсон находился под сильным впечатлением от увиденного и находил возможность вести иллюстрированный журнал о путешествии исключительно для себя. Он также собирал зоологическую и этнографическую коллекции. Из-за смерти художника Сидни Паркинсона в 1771 г. после возвращения из экспедиции Бэнкс выплатил его брату — Стэнфилду Паркинсону — все жалованье, которое причиталось Сидни за время экспедиции, однако оставил в собственном распоряжении не только выполненные за плату рисунки, но и путевой журнал, и коллекции художника. Последнее вызвало негодование Стэнфилда, но Бэнкс считал, что, как покровитель и наставник, он вправе распоряжаться интеллектуальным наследством своего младшего коллеги. Рисунки Паркинсона впоследствии стали основой для работы Бэнкса над обширными коллекциями, привезенными из путешествия.

При описании большинства реалий и местной жизни Бэнкс старался придерживаться нейтрального стиля изложения. Однако иногда позволял себе оценку: так, автор откровенно сожалеет о том, что «при таком разумном подходе к насущным вещам, эти люди погружены в невежество, которое сковывает их возможности познания и сдерживает их технологии <...> я имею в виду политеизм и убеждение в том, что род людской был создан не Господом-Творцом, а произошел из чрева подземного божества. Попытки вразумить их воспринимаются как акты святотатства. Люди здесь чтут верования своих предков».

Бэнкс подчеркивает открытый прием, оказанный ему таитянами и доверительные отношения между натуралистом и местными жителями: «Я чувствовал себя среди них так свободно, словно в своей родной стране, оставаясь на ночлег в их деревянных хижинах с кем-то из своих компаньонов. Не знаю, вправе ли я судить об их нравах и обычаях в отношении повсеместного распространения на островах Южного моря, в любом случае тот, кто примется читать этот журнал, станет таким же судьей, каким был я»²⁸⁵. В этом фрагменте он словно убеждает читателя, что стремился запечатлеть все увиденное в той данной ему реально-

²⁸⁵ *Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771.*

сти — беспристрастно и точно. Проследив за логикой изложения, мы можем сделать вывод о комплексном изучении всех сторон жизни таитян. При этом некоторые аспекты оказались под более пристальным вниманием Бэнкса. Например, он подробно описывает внешний облик таитян: «они [таитяне] крупнее европейцев, все имеют превосходное телосложение, а некоторые отличаются особой привлекательностью, причем, как мужчины, так и женщины. Единственный недостаток — их носы, они, как правило, плоские. Эта черта, однако, компенсируется хорошими зубами, ровность и белизна которых близки к совершенству, а также — глазами женщин, полными огня и экспрессии»²⁸⁶ (рис. 39).

Сильное впечатление произвели на европейца татуировки, которые наносились на женские ягодицы. Бэнкс стал свидетелем

Рис. 39. Дж. Уэббер. Молодой таитянин (вероятно, король Помаре I), 1777. Национальная библиотека Новой Зеландии

процесса нанесения и недоумевал: «ради чего они терпят столь сильную боль — непонятно»²⁸⁷. В описании одежды натуралист подчеркивает аккуратность и чистоплотность. Удивляется тому, что здесь принято мыться три раза в день. Описывает крайне бережное отношение к одежде и раскрывает ее символическое значение: много одежды на человеке — верный признак богатства и социального статуса. Здесь же Бэнкс поражается «бесстыдству» таитян, отсутствию у них чувства такта, деликатности и границ в обсуждении интимного: «Целомудрие здесь не в чести. И если выясняется, что жена неверна своему мужу, единственное на-

²⁸⁶ Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771.

²⁸⁷ Ibid.

казание для нее — побои мужа»²⁸⁸, а также описывает своеобразные «домики для брака», в которые мужчины и женщины уплывают на лодках, чтобы провести вместе ночь.

Текст Бэнкса демонстрирует искренний интерес автора к устройству быта и образу жизни туземцев. Большинство исследователей наследия Бэнкса сходятся во мнении о том, что его отношение к другой культуре было открытым, дружественным, уважительным²⁸⁹. Но есть и другая точка зрения. Так, Дэниел Симпсон считает, что этнографическая составляющая коллекции Бэнкса была заведомо обречена на фрагментарность, а язык описания — на поверхностность и предвзятость ввиду очевидного предпочтения ботаники и якобы равнодушия к людям²⁹⁰. На наш взгляд, все подозрения в «равнодушии» снимает с Бэнкса факт дружбы с таитянским священником Тупаей (Tupaia), который согласился отправиться вместе с Бэнксом в дальнейшее плавание. Этот эпизод из жизни Бэнкса был подробно изучен Ванессой Смит, которая отмечает не только дружелюбие Бэнкса и неподдельный интерес к жизни аборигенов, но и уважение, и признание с его стороны достоинств таитянского уклада жизни, и мудрости, свойственной таитянам²⁹¹.

Описанные нами стратегии наблюдения, описания и интерпретации, используемые Бэнксом при создании «Нравов и обычаев на островах Южного моря», показывают Бэнкса как компетентного, трудолюбивого и полного энтузиазма в отношении предмета своего исследования ученого. В описании флоры Бэнкс предстает перед нами как типичный исследователь Нового времени²⁹²: уверенный в возможности познания и подчинения природного

²⁸⁸ Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771.

²⁸⁹ См.: Smith V. Banks, Tupaia, and Mai. P. 139–160; Goodman J. Painting the world: Joseph Banks and his collectors. An adventurous history of botany.

²⁹⁰ См.: Simpson D. Ethnographic collecting and the despotism of Joseph Banks // J. of Maritime research. 2020. URL: <https://doi.org/10.1080/21533369.2020.1717166> (date of access: 29.04.2021).

²⁹¹ См.: Smith V. Banks, Tupaia, and Mai. P. 139–160.

²⁹² Здесь автор руководствуется прежде всего теми характеристиками ученого Нового времени, которые сформулировали и убедительно аргументировали Л. Дастон и П. Галисон в своей работе «Объективность». Исследовательский подход Бэнкса не только хронологически, но и типологически перекликается с выделенным

мира, использующий в своем познании идеальные схемы объяснения — классификацию Линнея, ориентированный на эмпирический метод познания, стремящийся к созданию нейтрального объективного описания окружающей его действительности, при этом свободный в интерпретации увиденного при поиске закономерностей. Этнографический компонент его работы открывает перед нами Бэнкса, фактически лишенного предубеждений в отношении неевропейцев и открытого к коммуникации с аборигенным населением, проявляющего к нему искренний интерес и дающего положительную оценку многим сторонам жизни этих людей, отличных от принятых в его родной культуре. Кроме того, заметки Бэнкса, ставшие впоследствии основой для его проекта по перевозке хлебного дерева, еще раз подтверждают утилитарный характер знания в эпоху Просвещения.

Участие Бэнкса в кругосветной экспедиции Кука превзошло все ожидания от соприкосновения с экзотическим миром тихоокеанских островов и австралийского побережья, оправдало надежды на высокую оценку тех усилий, которые приложил натуралист к созданию и сохранению во время морской перевозки коллекций, тщательному описанию собранных образцов и всего, что он увидел и с чем столкнулся. Как мы уже упоминали ранее, Бэнкс вернулся в Лондон национальным героем, был представлен королю, который с большим интересом выслушал его рассказ и доверил ботанику руководство Садами Кью.

Спустя месяц после отплытия Кука во второе кругосветное путешествие (1771–1774) Бэнкс вместе с Д. Соландером отправился в экспедицию на о. Уайт и в Исландию. Это плавание стало его последней экспедицией. Материалов, собранных им за это и предыдущие путешествия оказалось более чем достаточно для научной работы. Реальные научные заслуги в области накопления, описания и систематизации эмпирического материала в ходе экспедиций позволили ему быстро завоевать авторитет в академической среде.

Дастон и Галисоном «режимом “Истины-по-природе”» (см.: *Дастон Л., Галисон П. Объективность.* С. 109–123, 131).

В 1779 г. Бэнкс безо всяких препятствий со стороны родственников невесты заключил брак с Доротеей Хьюджессен. Вместе с женой и своей сестрой Сарой Софией он поселился в большом доме на Сохо Сквер (рис. 40, 41). Этот дом стал центром притяжения для множества людей, занятых изучением ботаники: натуралистов, путешественников, художников — авторов ботанических иллюстраций, аптекарей и садовников, просивших у Бэнкса помощи в развитии их начинаний и, как правило, ее получавших.

Площадками для проведения экспериментов стали и частные владения Бэнкса. Его исследовательская лаборатория — не один кабинет. Это целая сеть помещений и пространств, в настоящее время утраченных, что, безусловно, затрудняет их исследование, но не отменяет возможность реконструкции. Одним из главных центров научной коммуникации становится уже упомянутый нами лондонский особняк Бэнкса на площади Сохо. В историографии наиболее известно именно это жилище ученого, однако недавние исследования показывают, что Бэнкс распределял свое

Рис. 40. Н. Нон-старший. Портрет Сары Софии Бэнкс, миниатюра, 1768. Национальная галерея Ирландии, Дублин

Рис. 41. Дж. Рассел. Портрет Доротей Хьюджессен, леди Бэнкс, 1798. Аукционный дом Сотсби (англ. Sotheby's)

время равномерно между Сохо, пригородом Лондона и поместьями в графствах Линкольншир и Дербишир²⁹³. Пребывание в каждом доме было связано с различными увлечениями Бэнкса: не только скрупулезным изучением ботанических каталогов (Сохо), но и ландшафтным дизайном и рыбной ловлей (Линкольншир), разработкой горных месторождений (Дербишир), выведением новых пород овец-мериносов и выращиванием экзотических растений в английском грунте (Спринг Грув). Подобное упорядочение деятельности служит проявлением актуальной для второй половины XVIII в. ориентации на чувственное познание природы и утилитарные свойства знания. Кроме того, опыт регулярного перемещения между поместьями может расцениваться как стремление к воссозданию переживаний путешественника в обыденной жизни.

Считается, что супруга Бэнкса и его сестра помогали ученому в создании коллекций и систематизации накопленных им ценных находок. У Джозефа и Доротеи не было детей. Сара София стала верным компаньоном семейства²⁹⁴. Она умерла в 1818 г. незамужней и так же, как брат, бездетной. Несмотря на то, что Бэнкс оставил вполне определенные указания относительно наследования его имущества и коллекций, некоторые из его бумаг перешли в собственность непрямых потомков по линии жены, что сопровождалось конфликтами из-за наследства в середине XIX в. и привело к тому, что оригинал дневника, как и многие другие ценные свидетельства, оказались в Австралии, а не в Англии.

Известно, что Сара София помимо того, что оказывала помощь брату и его жене, также являлась самостоятельным коллекционером. Предметом ее внимания были афиши, монеты, банкноты, кредитные билеты, а также визитные карточки. В настоящее время коллекции, собранные Сарой Бэнкс (свыше 15 тыс. предметов) хранятся в Бри-

²⁹³ См.: *Hoppit J.* Sir Joseph Banks's provincial turn // *The Historical J.* 2018. Vol. 61. Iss. 2. P. 403–429.

²⁹⁴ См.: *Exploring the collections of Sarah Sophia Banks* // Sarah Sophia Banks.com. URL: <https://www.sarahsophiabanks.com/> (date of access: 10.05.2021).

танском музее²⁹⁵. Вопрос о степени ее влияния на брата остается дискуссионным²⁹⁶.

Итак, мы видим, что жизнь Бэнкса была организована таким образом, что все его четыре жилища оказывались подчинены исследовательским задачам, а члены семьи разделяли интересы натуралиста, оказывали ему содействие в научных изысканиях и способствовали укреплению социальных связей Бэнкса в среде интеллектуалов и академиков.

Занятость Бэнкса росла по мере расширения его участия в иностранных академиях и локальных тематических научных сообществах: в 1773 г. Бэнкс стал иностранным членом Академии наук Швеции, в 1774 г. был принят в Общество дилетантов. Вершиной карьеры Бэнкса стало назначение на пост президента Лондонского королевского общества в 1778 г. Этот год ознаменован еще двумя важными событиями: избранием в качестве иностранного члена Американской академии искусств и наук, а также одним из попечителей «Африканской ассоциации», занимавшейся изучением проблем освоения внутренних районов Западной Африки²⁹⁷. С 1778 г. Бэнкс становится неофициальным попечителем Британского музея, где курирует приобретение книг, систематизирует коллекцию Дэвида Гаррика, содержащую пьесы елизаветинской и якобитской эпох, а также многочисленную коллекцию античных древностей, переданную музею Обществом дилетантов²⁹⁸. В 1794 г. Бэнкс принимает на себя обязанности попечителя Британского музея, а в 1797 г. становится членом Тайного совета Великобритании. Не обходятся без руководящей роли Бэнкса и такие события, как

²⁹⁵ См.: Sara Sophia Banks (1744–1818) was based in London and collected prints and printed ephemera, coins, medals and tokens // British Museum. URL: <https://www.britishmuseum.org/about-us/british-museum-story/people-behind-collection/sarah-sophia-banks> (date of access: 10.05.2021).

²⁹⁶ См.: *Liscomb D.* Women in systematics // *Annu. Rev. Ecol. Systemat.* 1996. Vol. 26. P. 326; *Gascoigne J.* Joseph Banks and the English Enlightenment: Useful Knowledge and Polite Culture. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. P. 25.

²⁹⁷ См.: *Sinclair W.* The African Association of 1788 // *J. of the Royal African Society.* 1901. Vol. 1, Nr 1. P. 145–149.

²⁹⁸ См.: *Chambers N. A.* Joseph Banks and the British Museum: the world of collecting, 1770–1830. London : Pickering and Chatto, 2007. P. 8.

открытие в 1799 г. Королевского института — престижной научной организации, деятельность которой была направлена на развитие прикладных научно-технических исследований и популяризацию научных знаний; проектирование специальных кают и кабин для транспортировки живых растений на дальние расстояния²⁹⁹, а также формирование коллекции растений для дипломатической миссии в России — грандиозной коллекции, предназначенной для Екатерины II, но в итоге подаренной великой княгине Марии Федоровне в 1795 г.³⁰⁰ В 1803 г. Бэнкс занят масштабным переустройством Королевских ботанических садов Кью и преодолением сопротивления консервативно настроенных сотрудников. В 1804 г. принимает участие в создании Королевского агрокультурного общества. В 1806 г. становится членом Московского общества испытателей природы. В 1819 г. председательствует во главе комитетов палаты общин, обсуждая вопросы борьбы с фальшивомонетчиками и реформу системы мер и весов.

Кроме того, Бэнкс являлся инициатором заселения территории берегов Ботанического залива и создания колонии-поселения ссыльных (1779)³⁰¹. Последние пятнадцать лет жизни Бэнкс страдал от приступов подагры и с трудом мог ходить. Болезнь и смерть сестры в 1818 г. чрезвычайно ослабили состояние академика, и в последние два года жизни он фактически отошел от дел, передав управление Лондонским королевским обществом своему помощнику Уильяму Волластену, который после смерти Бэнкса станет его преемником на должности президента Лондонского королевского общества. Скончался Бэнкс 19 июня 1820 г.

Жизнь Джозефа Бэнкса была насыщена разнообразными событиями. Едва ли столь успешный личный и профессиональный

²⁹⁹ См.: *Goodman J.* After Cook: Joseph Banks and his travelling plants, 1787–1810 // *The Historian*. 2016/17. P. 11–14.

³⁰⁰ См.: *Heath E.* Joseph Banks and British botanical diplomacy // *Australian Garden History*. 2019. № 30. P. 16–19.

³⁰¹ См.: *Cook A.* Politics of Nature and Voyages of Exploration: some purposes and results // *Voyages and Exploration in the North Atlantic from the Middle Ages to the XVII century* / ed. Agnarsdottir. Reykjavik, 2001. URL: https://www.academia.edu/576852/_Politics_of_nature_and_voyages_of_exploration_some_purposes_and_Results_ (date of access: 31.05.2021).

жизненный путь можно объяснить простым везением и случайной удачей, как иногда пишут исследователи, имея в виду долгую жизнь, легкое преодоление всех опасностей и рисков во время кругосветного путешествия, унесшего жизни немало количества участников, большое наследство, счастливый брак и то, что мы сегодня назвали бы «профессиональной реализацией»³⁰². Джозеф Бэнкс стал одним из тех, кто воспринял перемены в процессе познания и откликнулся на запрос имперского дискурса.

³⁰² *Tyler-Whittle M. S. The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants. London : Chilton Book Company, 1972.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня ботаника в глазах обычного человека не выглядит столь яркой и увлекательной, какой казалась натуралистам XVIII в. и их современникам. Скорее, дело обстоит наоборот. В русском языке слово «ботаник» имеет переносный пренебрежительный смысл и обозначает человека скучного, сосредоточенного на какой-либо узкой сфере деятельности и отрешенного от жизни. А прекрасные, но безмолвные коллекции ботанических иллюстраций и гербарных образцов ставят перед историками науки больше вопросов, нежели дают ответов. Не соответствующие современной номенклатуре названия и ошибки в отнесении растений к тому или иному роду способны кого угодно запутать и отправить по ложному следу.

Предпринятое в данной книге изучение контекстов бытования ботанических иллюстраций, за каждой из которых стояли личности ботаника, художника и коллекционера, специфики перемещения растений по земному шару в XVIII — начале XIX в. открывает перед нами удивительный мир «имперской ботаники». Насыщенной событиями, спорами, конкуренцией такой области пересечения знания и реальной жизни, которая с момента окончательного дисциплинарного оформления ботаники в конце XIX в. оставалась за рамками внимания исследователей.

Люди, о которых рассказывается в книге, впервые оказываются в объективе отечественного англоведения. Их имена обычно упоминаются в исследованиях по истории ботаники как нечто само собой разумеющееся и удостоиваются лишь сухих указаний на годы жизни

и род деятельности в сносках. Биографические очерки призваны исправить эту ситуацию и на конкретных примерах показать, как особое отношение к науке стало национальной особенностью англичан.

Хорошо знакомые друг с другом и занятые общим делом — накоплением знания о природе, они шли каждый своей дорогой, время от времени пересекаясь в ботаническом саду, полемизируя посредством периодической печати, встречаясь на собраниях того или иного общества и тем самым структурируя само знание и закладывая основы научно-исследовательской корпорации.

Мэссон, Леттсом, Кёртис, Сауэрби и Бэнкс буквально вписали свои имена в историю. Однако их имена были даны удивительным живым организмам не потому, что они вывели растения в оранжереях или открыли их полезные свойства. Эти люди посвятили свою жизнь в первую очередь решению задачи сбора эмпирического материала и тщательной его систематизации. Они проделали огромную работу, собирая, препарируя, зарисовывая и описывая сотни тысяч видов растений, для того чтобы новые поколения ботаников, опираясь на добытые ими сведения, смогли сделать качественно новый шаг в изучении природы.

Является ли наука действительно такой, какой ее принято считать — этичной, объективной, эффективной? Была ли она вообще таковой когда-либо? И кем были те люди, вольно или невольно заложившие этот фундамент наших представлений и ожиданий о ней? Автор надеется, что рассказанные в этой книге истории частной жизни и профессиональной деятельности пяти натуралистов актуализируют эти вопросы.

За рамками исследования осталось несколько сюжетов. В первых, это женщины-ученые в Британии в данную эпоху. Они принимали активное участие в научном поиске и систематической обработке эмпирического материала, но испытывали трудности с социализацией в корпоративном пространстве ученых мужей и часто избирали иные стратегии реализации своего исследовательского потенциала. Роль упомянутых нами Сары Софии Бэнкс и леди Доротеи Бэнкс в исследованиях Бэнкса остается малоизученной. Все больший интерес вызывают у историков труды Присциллы Уэйкфилд, Марии Джексон, Хэрриет Бедфорт, Джейн Маркет и др.

Созданные на стыке науки и литературы (сегодня мы назвали бы это научно-популярным жанром) их сочинения сыграли значительную роль в распространении ботанического знания и, как представляется, повлияли на разрушение некоторых стереотипов, существовавших в отношении ботаников.

Второй интересный сюжет — образование. Мы не раз подчеркивали слабость университетского образования, его фактическую отстраненность от триумфа естественной истории в Британии в этот период. Представляется, что университет будет в большей мере включен в процесс циркуляции и приумножения знания позднее. Когда и каким образом получить азы передового знания о природе становится возможным в школах? И как будет решаться вопрос дисциплинарного разграничения естествознания и изобразительного искусства, продуктивно взаимодействовавших в рассмотренный нами период?

В отношении проблемы репрезентации норм и ценностей на мир природы стоит признать, что она еще далека от своего разрешения. В историографическом и методологических пояснениях мы стремились показать, что многие современные исследователи осознают эту проблему. Кейсов, в рамках которых могут быть намечены подступы к ней, — великое множество. Наделение символическим смыслом и эмблематической функцией растения *Fritillaria imperialis* в XVI–XVIII вв. (см. рис. 1) и проецирование рутинных социальных практик на царство животных, как, например, в случае со сказками и рисунками Беатрикс Поттер в конце XIX–XX в.³⁰³, — явления одного порядка.

В отношении идеи подчинения природы и ситуации современного «антропоцена» — определенного изгнания природы из человеческой жизни, в последние два десятилетия наука и искусство поднимают одни и те же проблемы. Достаточно вспомнить ранние работы Молодых британских художников (англ. *Young British Art-*

³⁰³ См.: Шитицына Ю. С. Штрихи к портрету женщины-ученого в XIX в.: случай Беатрикс Поттер // *Clio moderna: проблемы всемирной истории нового и новейшего времени* : тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф., посвящ. юбилею исторического факультета Уральского федерального университета (16–17 ноября 2018 г., Екатеринбург, Россия). Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019. С. 66–67.

ists — УВА): эпатажную инсталляцию с огромной акулой в формалине Дэмиена Хёрста «Физическая невозможность смерти в сознании живущего» (1991) или более скромную бронзовую скульптуру Карла Фридмена «Бёрджесс-парк» (1994), представляющую собой саженец, переломленный надвое.

В России в 2018 г. фактически незамеченной прошла недельная выставка «Weredog, или Шерстяные вмешательства» (10.05–17.05.2018, Галерея Электrozавод, Москва). Екатерина Никитина, доктор наук по гуманитарному литературоведению, размышляя об инсталляциях Виктории Чупахиной, Анастасии Кизиловой, Иен Инграмм, Йип ван Леунстейн и Анастасии Алехиной в своей статье раскрывает волнующую художников проблему «преодоления животного в человеческом»³⁰⁴ и упоминает об этимологическом сходстве понятия *вид* (англ. *species*) и латинского глагола *specere* (рус. *смотреть, глядеть*), отмеченным американским философом науки Донной Харрауэй³⁰⁵.

«Форма наука вполне могла появиться как особый вид рода *знание*, но едва ли этот вид — единственный»³⁰⁶ — в этом суждении кроется возможность нового проекта знания, в котором существующие дисциплины и технологические решения могут прийти в неожиданное взаимодействие и занять совсем иную, непривычную конфигурацию. Постгуманистический проект, политическая экология и истории знания — возможные, но не единственные варианты подобного проекта.

Так или иначе, природе пока удастся ускользнуть от окончательного подчинения: по оценкам экспертов-систематиков, со времен Линнея по сей день было описано около 1,7 млн видов, а неоткрытыми остаются по разным подсчетам от 10 до 100 млн живых организмов³⁰⁷.

³⁰⁴ Никитина Е. О пост-человеческой субъективности: становясь-с животными, растениями и машинами // Художественный журн. 2018. № 106. С. 189–200.

³⁰⁵ См.: Harraway D. *When Species Met*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 2018. P. 17–18. Цит. по: Никитина Е. О пост-человеческой субъективности. С. 199.

³⁰⁶ Дастон Л. История науки и история знания // Логос. 2020. Т. 30, № 1. С. 79.

³⁰⁷ См.: Daston L. *Type Specimens and Scientific Memory* // *Critical Inquiry*. 2004. № 31. P. 182.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акройд П. Ньютон / П. Акройд ; пер. с англ. А. Капанадзе. — Москва : Издательство КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2011. — 256 с. — ISBN 978-5-389-01754-2.

Байнум У. Выдающиеся растения, которые изменили нашу жизнь / У. Байнум, Х. Байнум ; пер. с англ. С. Бавина. — Москва : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2020. — 240 с. — ISBN 978-5-389-13809-4.

Бёрджер Дж. Зачем смотреть на животных? / Дж. Бёрджер ; пер. с англ. А. Асланян. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2017. — 160 с. — ISBN 978-5-91103-375-0.

Гесдерфер М. Комнатное садоводство. — Санкт-Петербург : Издание А. Ф. Девриена, 1904. — 692 с.

Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности / Д. Гринфельд ; пер. с англ. Т. И. Грингольд, М. Р. Вирозуб. — Москва : ПЕРСЭ, 2012. — Гл. 4. — 528 с. — ISBN 978-5-9292-0164-6.

Дастон Л. История науки и история знания / Л. Дастон ; пер. с англ. А. Писарева // Логос. — 2020. — Т. 30, № 1. — С. 63–90.

Дастон Л. Объективность / Л. Дастон, П. Галисон ; пер. с англ. Т. Вархотова, С. Гавриленко, А. Писарева. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 584 с. — ISBN 978-5-4448-0932-7.

Деар П. Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время / П. Деар ; пер. с англ. С. Гавриленко // Логос. — 2020. — Т. 30, № 1. — С. 29–62.

Деар П. Событие революции в науке / П. Деар, С. Шейпин ; пер. с англ. А. Маркова // Научная революция как событие. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — С. 10–311. — ISBN 978-5-4448-0144-4.

Джонс Дж. Британское искусство от Хогарта до Бэнкси. Эмпиризм как гений британского искусства / Дж. Джонс ; пер. И. Литвиновой. — Москва : Слово, 2020. — 384 с. — ISBN 978-5-387-01623-3.

Жэнгра И. Социология науки / И. Жэнгра ; пер. с фр. С. Гашкова. — Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. — 112 с. — ISBN 978-5-7598-1646-1.

Иванов К. Астрономы и топографы в борьбе за Центральную Азию / К. Иванов // Логос. — 2020. — Т. 30, № 2. — С. 15–40.

Колчинский Э. И. Естественная история в России : (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке) / Э. И. Колчинский, А. К. Сытин, Г. И. Смагина. — Санкт-Петербург : Издательство «Нестор-История» : СПб ИИ РАН, 2004. — 242 с. — ISBN 5-98187-016-8.

Крэри Дж. Техники наблюдателя / Дж. Крэри ; пер. с англ. Д. Потемкина. — Москва : V-A-C-press, 2014. — 256 с. — ISBN 978-5-9904389-3-4.

Куренной В. Почему мы возвращаемся к институтам? / В. Куренной // Логос. — 2020. — Т. 30, № 6. — С. 1–22.

Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации / Б. Латур ; пер. А. Шестакова. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 202 с. — ISBN 978-5-94380-281-2.

Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / Б. Латур // Логос. — 2002. — № 5–6 (35). — С. 211–242.

Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / Б. Латур ; пер. с англ. К. Федоровой ; науч. ред. С. Миляева. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 414 с. — ISBN 978-5-94380-161-7.

Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию / Л. Бруно ; пер. с фр. Е. Блинова. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2017. — 336 с. — ISBN 978-5-91103-421-4.

Любарский Г. Ю. Рождение нового естествознания с точки зрения наук о жизни / Г. Ю. Любарский // Логос. — 2020. — Т. 30, № 1. — С. 131–158.

Мильтон Дж. Люсидас // Дж. Мильтон. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец / пер. с англ. Ю. Корнеева. — Москва : Художественная литература, 1976. — 575 с.

Мир Просвещения : Исторический словарь / под ред. Винченцо Ферроне, Даниэля Роша. — Москва : Памятники исторической мысли, 2003. — 668 с. — ISBN 5-88451-144-2.

Михайлов И. А. Английское просвещение и журнал *Philosophical Transactions of the Royal Society*. Новая эпоха развития европейской науки / И. А. Михайлов // *Философские науки*. — 2014. — № 5. — С. 9–23.

Никитина Е. О пост-человеческой субъективности: становясь-с животными, растениями и машинами / Е. Никитина // *Художественный журнал*. — 2018. — № 106. — С. 189–200.

Ньютон И. Математические начала натуральной философии = *Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica*: [пер. с лат.] / Исаак Ньютон; ред. и предисл. Л. С. Полака; пер. и коммент. А. Н. Крылова. — Москва: Наука, 1989. — 688 с. — ISBN 5-02-000747-1.

Писарев А. В поисках ускользающего объекта: наука и ее история / А. Писарев, С. Гавриленко // *Логос*. — 2020. — Т. 30, № 1. — С. 2–28.

Постников А. В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в. / А. В. Постников. — Москва: Памятники исторической мысли, 2001. — 416 с. — ISBN 5-88451-100-0.

Рикуперрати Дж. Человек Просвещения // *Мир Просвещения: Исторический словарь* / под ред. Винченцо Ферроне, Даниэля Роша. — Москва: Памятники исторической мысли, 2003. — С. 15–30. — ISBN 5-88451-144-2.

Симондон Ж. Два урока о животном и человеке / Ж. Симондон; пер. с фр. М. Лепиловой; науч. ред. М. Куртова. — Москва: ООО «Издательство Грюндриссе», 2016. — 140 с. — ISBN 978-5-904099-20-6.

Сытин А. К. Ботаник Петр Симон Паллас / А. К. Сытин. — Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2014. — 456 с. — ISBN 978-5-87317-962-6.

Тимофеева О. История животных / О. Тимофеева. — Москва: Новое литературное обозрение, 2017. — 208 с. — ISBN 978-5-4448-0708-8.

Травопознание Абрахама Энса, доктора медицины / авт.-сост. А. К. Сытин, Д. Д. Сластунов. — Санкт-Петербург: Любавич, 2020. — 272 с. — ISBN 978-5-907344-81-5.

Форестер И. Г. Путешествие вокруг света / И. Г. Форестер. — Москва: Наука, 1986. — 588 с.

Фуко М. Что такое Просвещение? / М. Фуко // *Интеллектуалы и власть*. — Москва: Праксис, 2002. — Ч. 1. — С. 335–359. — ISBN 5-910574-23-0.

Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии / С. Фуллер; пер. с англ. С. Гавриленко, А. Морозова и П. Хановой; под науч. ред. С. Гавриленко. — Москва: Издательский дом «Дело», 2018. — 384 с. — ISBN 978-5-7749-1281-0.

Хедрик Д. Власть над народами. Технологии, природа и западный империализм с 1400 года до наших дней / Д. Хедрик ; пер. с англ. А. Матвеевко. — Москва : Издательский дом «Дело», 2021. — 560 с. — ISBN 978-5-85006-317-7.

Хессайон Д. Г. Все о комнатных растениях / Д. Г. Хессайон ; пер. с англ. О. И. Романовой ; науч. ред. В. Р. Филин. — Москва : Кладезь-букс, 2004. — 255 с. — ISBN 5-93395-120-X.

Хлебное дерево / Традиционные сельскохозяйственные культуры. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. URL: <http://www.fao.org/traditional-crops/breadfruit/ru/> (дата обращения: 31.05.2021).

Шипицына Ю. С. «Ботанический журнал Кёртиса»: обстоятельства появления первого британского периодического издания по ботанике (1778) / Ю. С. Шипицына // *Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 11. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 5. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2021. — С. 218–227.

Шипицына Ю. С. «Вся эта местность — целая сокровищница для ботаники» : заметки Фрэнсиса Мэссона об охоте на растения в Южной Африке (1776) / Ю. С. Шипицына // *Уральское востоковедение*. — 2021. — Вып. 11. — С. 51–62.

Шипицына Ю. С. Ботаническая иллюстрация в Британии во второй половине XVIII — начале XIX века в контексте становления таксономического подхода к познанию мира / Ю. С. Шипицына // *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*. — 2020. — № 4. — С. 59–65.

Шипицына Ю. С. Империя и власть знания: современные подходы к изучению ботаники в XVIII в. / Ю. С. Шипицына // *Диалог со временем*. — Москва : Аквилон, 2021. — Вып. 76, № 3. — С. 452–455.

Шипицына Ю. С. Штрихи к портрету женщины-ученого в XIX в.: случай Беатрикс Поттер / Ю. С. Шипицына // *Clio moderna*: проблемы всемирной истории нового и новейшего времени: тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции, посвященной юбилею исторического факультета Уральского федерального университета (16–17 ноября 2018 г., Екатеринбург, Россия). — Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019. — С. 66–67.

Ямпольский М. Б. История культуры как история духа и естественная история / М. Б. Ямпольский // *НЛО*. — 2003. — № 1. — URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/istoriya-kultury-kak-istoriya-duha-i-estestvennaya-istoriya.html> (дата обращения: 23.11.2020).

Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771. Sydney : University of Sydney Library, 1997. — URL: <https://setis.library.usyd.edu.au/ozlit/pdf/p00021.pdf> (date of access: 21.05.2021).

Batsaki Y. Introduction. The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century / ed. Y. Batsaky, S. B. Cahalan, A. Tchikine. — Washington : Harvard University Press. — 2017. — P. 1–34.

Bennett B. M. The Consolidation and Reconfiguration of ‘British’ Networks of Science, 1800–1970 // Science and Empire. Knowledge and Networks of Science across the British Empire, 1800–1970 / ed. Brett M. Bennett, Joseph M. Hodge. — London : Palgrave Macmillan, 2011. — P. 30–43.

Blunt W. The Art of Botanical Illustration: An Illustrated History / W. Blunt, Th. Stearn. — New York : Dover Publications, 1994. — 304 p.

Boswell J. Boswell’s London Journal, 1762–1763 / ed. F. A. Pottle, P. Ackroyd. — New Haven : CT, 2004. — 384 p.

Breathnach C. S. John Coakley Lettsome (1744–1815). Philanthropologist and physician / C. S. Breathnach // Ulster Medical Journal. — 2015. — Nr 84 (2). — P. 117–118.

Brockway L. Science and Colonial Expansion: The Role of the British Botanic Gardens / L. Brockway. — Yale : Yale University Press, 2002. — 215 p.

Cambridge N. James Boswell, Dr John Coakley Lettsom and their Circle / N. Cambridge // Boswell Society Journal. — 2014. — P. 47–55.

Carter H. B. Sir Joseph Banks, 1743–1820 / H. B. Carter. — London : British Museum, 1988. — xii, 671 p.

Casid J. H. Sowing Empire: Landscape and Colonization / J. H. Casid. — Minneapolis : University of Minneapolis Press, 2005. — 312 p.

Chambers E. Cyclopaedia, or An Universal Dictionary of Arts and Sciences / E. Chambers. London, 1728. — Vol. 1. — 282 p.

Chambers N. A. Joseph Banks and the British Museum: the world of collecting, 1770–1830 / N. A. Chambers. — London : Routledge, 2007. — xiv, 195 p.

Cody L. F. Birthing the Nation: Sex, Science and the Concept of the Eighteenth-Century Brittons / L. F. Cody. — Oxford : Oxford University Press, 2005. — 347 p.

Conklin L. H. James Sowerby, his publications and collections / L. H. Conklin // Mineralogical Record. — 1995. — Vol. 26, Nr 4. — P. 85–105.

Cook A. Politics of Nature and Voyages of Exploration: some purposes and results / A. Cook // Voyages and Exploration in the North Atlantic from the Middle Ages to the XVII century / ed. Agnarsdottir. Reykjavik, 2001. — URL:

https://www.academia.edu/576852/_Politics_of_nature_and_voyages_of_exploration_some_purposes_and_Results_ (date of access: 31.05.2021).

Cornish C. Curating Science in an Age of Empire. Kew's Museum of Economic Botany [phd thesis] / C. Cornish. — London, 2013. — P. 21–22.

Curtis W. Flora Londinensis, or, Plates and descriptions of such plants as grow wild in the environs of London / W. Curtis. — London, 1777–1798.

Curtis W. Instructions for collecting and preserving insects; particularly moths and butterflies. Illustrated with a copper-plate, on which the nets, and other apparatus necessary for that purpose are delineated... / W. Curtis. — London, 1771. — 90 p.

Curtis W. The proposals for opening by subscription a Botanic Garden, to be called the London Botanic Garden / W. Curtis. — London : J. Andrews, 1778. — 19 p.

Curtis's Botanical Magazine. — 1801. — Vol. 15. — 598 p.

Daston L. Type Specimens and Scientific Memory / L. Daston // *Critical Inquiry.* — 2004. — Nr 31. — P. 153–182.

Desmond R. William Curtis (1746–1799) / R. Desmond // *The Kew Magazine.* — 1987. — Vol. 4, Nr 1. — P. 7–14.

Dolan B. Pedagogy through print: James Sowerby, John Mawe and the problem of colour in early nineteenth-century natural history illustration / B. Dolan // *The British Journal for the History of Science.* — 1998. — Vol. 31, Nr 3. — P. 275–304.

Easterby-Smith S. Botanical collecting in eighteenth-century London / S. Easterby-Smith // *Curtis's Botanical Magazine.* — 2017. — Nr 34 (4). — P. 279–297.

Elkinton R. J. Betty Fothergill and Her «Uncle Doctor». An Intimate Glimpse of Dr. John Fothergill / R. J. Elkinton // *History of Medicine.* — 1976. — Vol. 85, Nr 5. — P. 637–640.

Ellis J. Instructions for Bringing over Seeds and Plants, from the East Indies and Other Distant Countries, in a State of Vegetation / J. Ellis. — London : Printed and sold by L. Davis, 1770. — 41 p.

Ellis M. Empire of Tea. The Asian Leaf that Conquered the World / M. Ellis, R. Coulton, M. Mauger. — London : Reaction Books Ltd., 2015. — 326 p.

Exploring the collections of Sarah Sophia Banks // Sarah Sophia Banks.com. — URL: <https://www.sarahsophiabanks.com/> (date of access: 10.05.2021).

Fara P. Sex, botany, and empire: the story of Carl Linnaeus and Joseph Banks / P. Fara. — Cambridge : Icon Books, 2003. — 168 p.

Fara P. The Presidential portraits: Joseph Banks in The National Library / P. Fara // National Library of Australian News. — 1998. — Vol. 9, Nr 3. — P. 7–10.

Francis Masson. — URL: <https://www.doaks.org/resources/online-exhibits/botany-of-empire/botanical-personalities/stapeliae-novae-or-a-collection-of-several-new-species-of-that-genus-discovered-in-the-interior-parts-of-africa> (date of access: 25.08.2021).

Francis Masson. — URL: <https://www.undiscoveredscotland.co.uk/usbiography/m/francismasson.html> (date of access: 25.08.2021).

Frost A. The antipodean exchange: European Horticulture and imperial designs / A. Frost / Visions of Empire: Voyages, botany and representations of nature / ed. D. P. Miller, P. H. Reill. — Cambridge : Cambridge University Press, 1996. — P. 58–79.

Fullford T. The Role of Patronage in early nineteenth-century science, as evidenced in letters from Humphry Davy to Joseph Banks / T. Fullford // Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society. — 2019. — P. 457–475.

Gardham J. «Curtis's Botanical Magazine». Special Collections Department: Book of the Month. 2004 / J. Gardham. — URL: <https://www.gla.ac.uk/myglasgow/library/files/special/exhibns/month/oct2004.html> (date of access: 11.11.2020).

Gascoigne J. Joseph Banks and the English Enlightenment: useful knowledge and polite culture / J. Gascoigne. — Cambridge : Cambridge University Press, 1994. — 324 p.

Gascoigne J. Science and the British Empire from its Beginnings to 1850 // Science and Empire. Knowledge and Networks of Science across the British Empire, 1800–1970 / ed. Brett M. Bennett, Joseph M. Hodge. — London : Palgrave Macmillan, 2011. — P. 47–67.

Gascoigne J. Science in the service of empire: Joseph Banks, the British state and the uses of science in the age of revolution / J. Gascoigne. — Cambridge : Cambridge University Press, 1998. — 256 p.

George S. Botany, Sexuality and Women's Writing, 1760–1830: From Modest Shoot to Forward Plant / S. George. — Manchester : Manchester University Press, 2007. — 261 p.

Gooding M. The Making of Banks' Florilegium II: The Florilegium, 1772–1990 / M. Gooding, D. Mabberley, J. Studholme. Joseph Banks' Florilegium: Botanical Treasures from Cook's First Voyage. — London : Thames & Hudson, 2019. — P. 296–305.

Gooding M. The Voyage of Endeavour, 1768–1771 // The Making of Banks Florilegium I / ed. M. Gooding, D. Mabberley, J. Studholme. Joseph Banks' Florilegium: Botanical Treasures from Cook's First Voyage. — London : Thames & Hudson, 2019. — P. 7–19.

Goodman J. After Cook: Joseph Banks and his travelling plants, 1787–1810 / J. Goodman // The Historian. — 2016/2017. — Nr 132. — P. 10–14.

Grete Herball whiche geueth parfyt knowledge and und[er]standyng of all maner of herbes (facsimile of the Peter Treveris 1526 edition). — London : Ann Arbor, Edward's Brothers, 1936. — 346 p.

Harraway D. When Species Met / D. Harraway. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 2018. — P. 17–18.

Heath E. Joseph Banks and British botanical diplomacy / E. Heath // Australian Garden History. — 2019. — Nr 30. — P. 16–19.

Henderson P. James Sowerby: the Enlightenment's natural historian / P. Henderson. — London : Kew Publishing in association with the Natural History Museum, 2015. — 336 p.

Hickman C. «The want of a proper Gardiner»: late Georgian Scottish botanic gardeners as intermediaries of medical and scientific knowledge / C. Hickman // British Journal of History of Science. — 2019. — Vol. 52, Nr 4. — P. 543–567.

Hickman C. Curiosity and Instruction: British and Irish Botanic Gardens and their Audiences, 1760–1800 / C. Hickman // Environment and History. — 2018. — Nr 24. — P. 59–80.

Hodge J. M. Science and Empire: An Overview of the Historical Scholarship // Science and Empire. Knowledge and Networks of Science across the British Empire, 1800–1970 / ed. Brett M. Bennett, Joseph M. Hodge. — London : Palgrave Macmillan, 2011. — P. 3–29.

Hoppit J. Sir Joseph Banks's provincial turn / J. Hoppit // The Historical Journal. — 2018. — Vol. 61. — Iss. 2. — P. 403–429.

Hunting P. Dr John Coakley Lettsom, Plant-Collector of Camberwell / P. Hunting // Garden History. — 2006. — Vol. 34, Nr 2. — P. 221–235.

Irving S. Natural Science and the Origins of the British Empire / S. Irving. — London : Routledge, 2008. — 208 p.

Jacob M. C. Practical Matter. Newtons Science in the Service of Industry, 1685–1851 / M. C. Jacob, L. Stewart. — Harvard : Harvard University Press, 2004. — 216 p.

Jacobsen V. C. John Coakley Lettson: And His Relations with Jonathan Carver, Explorer of the Middle West / V. C. Jacobsen // *Annals of Medical History*. — 1930. — Vol. 2., Nr 2. — P. 208–216.

Jane Austen and her «Alton Apothy». — URL: <https://austenised.blogspot.com/2017/06/jane-austen-and-her-alton-apothy.html> (date of access: 24.08.2021).

Jarrel R. A. Masson, Francis / R. A. Jarrel. — URL: http://www.biographi.ca/en/bio/masson_francis_5E.html (date of access: 30.09.2021).

John Coakley Lettson, physician, with his family, in the garden of Grove Hill, Camberwell, ca. 1786. Oil painting, ca. 1786. — URL: <https://wellcomecollection.org/works/h54vjhy9> (date of access: 21.08.2021).

Lack H. W. A Garden Eden. Masterpieces of Botanical Illustration / H. W. Lack. — Köln : TASCHEN, 2016. — 725 p.

Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society / B. Latour. — Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1987. — 274 p.

Lettson Gardens Association. — URL: <http://www.lettsongardens.org.uk/index.html> (date of access: 22.08.2021).

Lettson J. C. Hortus uptonensis; or, a catalogue of stove and green-house plants in Dr. Fothergill's garden at Upton, at the time of his decease anno 1780 / J. C. Lettson. — London, 1783. — 44 p.

Lettson J. C. Of the improvement of medicine in London, on the basis of public good / J. C. Lettson. — London, 1775. — 56 p.

Lettson J. C. The Hints Designed to Promote Beneficence, Temperance, and Medical Science / J. C. Lettson. — London, 1802. — 392 p.

Lettson J. C. The natural history of the tea-tree: with observations on the medical qualities of tea and on the effects of tea drinking / J. C. Lettson. — London : Printed by J. Nichols for Charles Dilly, 1799. — 102 p.

Lettson J. C. The naturalist's and traveler's companion / J. C. Lettson. — London : E. & C. Dilly, 1774. — 98 p.

Lettson J. C. The Groove-Hill: the rural and horticultural sketch / J. C. Lettson. — London : Printed by Stephen Couchman, 1801. — 47 p.

Liscomb D. Women in systematics / D. Liscomb // *Annu. Rev. Ecol. Systemat.* — 1996. — Vol. 26. — P. 323–342.

Masson F. An account of the Island of St. Miguel / F. Masson // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. — 1778. — Vol. 68. — P. 601–610.

Masson F. An Account of Three Journeys from the Cape Town into the Southern Parts of Africa; Undertaken for the Discovery of New Plants, towards the Im-

provement of the Royal Botanical Gardens at Kew / F. Masson // Philosophical Transactions of the Royal Society. — 1776. — Vol. 66. — P. 268–317.

Masson F. *Stapeliæ novæ*; or, a collection of several new species of that genus, discovered in the interior parts of Africa / F. Masson. — London : Printed by W. Bulmer and C^o, for Geoge Nicol, Bookseller to his Majesty, Pall Mall, 1796. — 106 p.

McDougall-Waters J. Philosophical Transactions: 350 years of publishing at the Royal Society (1665–2015) / J. McDougall-Waters, N. Moxham, A. Fyle. — London : The Royal Society, 2015. — 27 p.

Memorandum written by Banks appended to British Library, Add MS 33272, f. 74r (letter from Joseph Banks to Charles Blagden, 27 Mar. 1790) // J. Banks. The Banks letters: a calendar of the manuscript correspondence of Sir Joseph Banks preserved in the British Museum, the British Museum (Natural History) and other collections in Great Britain / ed. by W. R. Dawson. — London : Trustees of the British Museum, 1958. — 965 p.

Molthof M. The Industrial Revolution and a Newtonian Culture. — URL: <https://www.e-ir.info/2011/08/24/the-industrial-revolution-and-a-newtonian-culture/> (date of access: 30.09.2021).

Moss S. R. Cultivating Curiosities: Plants as Collections in the Eighteenth century (phd thesis) / S. R. Moss. — Heslington, 2018. — 326 p. [digital edition]

Moved Natural Objects. Spaces in Between // Journal of History of Science and Technology. — 2002. — Vol. 5. — 119 p.

Pettigrew Th. J. Memoirs of the life and writings of the late John Coakley Lettsom... with a selection from his correspondence / Th. J. Pettigrew. — London : Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1817. — 518 p.

Prince S. A. Stuffing Birds, Pressing Plants, Shaping Knowledge Natural History in North America, 1730–1860 / S. A. Prince // Transactions of the American Philosophical Society. New Series. — 2003. — Vol. 93, Nr 4. — i–xviii, 113 p.

Ray J. *Historia plantarum species* / J. Ray. — London : Clark, 1686. — Vol. 1; 1688. — Vol. 2; 1704. — Vol. 3.

Ray J. *Synopsis methodica stirpium Britannicarum: in qua tum notae generum characteristicæ traduntur, tum species singulæ breviter describuntur: ducentæ quinquaginta plus minus novæ species partim suis locis inseruntur, partim in appendice seorsim exhibentur : cum indice & virium epitome* / J. Ray. — London : S. Smith, 1690.

Ray J. *Wisdom of God, Manifested in the Work of Creation* / J. Ray. — London : Pr. For S. Smith, 1691. — 249 p.

Royal botanic gardens, Kew: World Heritage Site Nomination document / prep. by Chris Blandford Associates. S. l. — London : Royal Botanic Gardens : Kew and Historic Royal Palaces, s. a. 2002.

Saltmarsh A. C. Francis Masson: collecting plants for king and country / A. C. Saltmarsh // *Curtis's Botanical magazine*. — 2003. — Vol. 20, Nr 4. — P. 225–244.

Sara Sophia Banks (1744–1818) was based in London and collected prints and printed ephemera, coins, medals and tokens // British Museum. — URL: <https://www.britishmuseum.org/about-us/british-museum-story/people-behind-collection/sarah-sophia-banks> (date of access: 10.05.2021)

Schiebinger L. Colonial Botany: Science, Commerce, and Politics in the Early Modern World / L. Sciebinger, C. Swan. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2004. — 352 p.

Science and Empire. Knowledge and Networks of Science across the British Empire, 1800–1970 / ed. Brett M. Bennett, Joseph M. Hodge. — London : Palgrave Macmillan, 2011. — 346 p.

Secret Instructions to Captain Cook, 30 June 1768 // National Archives of Australia. — URL: https://www.foundingdocs.gov.au/resources/transcripts/nsw1_doc_1768.pdf (date of access: 03.05.2021).

Shapin S. Leviathan and the Air-pump: Hobbs, Boyle, and the Experimental Life (with a new introduction by the authors) / S. Shapin, S. Scafer. — Princeton : Princeton University Press, 2011. — 448 p.

Sibthorp J. Flora Graeca. London : Typis Richardi Taylor et socii, in Vico Shoe-Lane : Veneunt apud Johannem White, in Vico Fleet-Street, 1806. — viii, 82 p.

Sigrist R. Thaininng links and transmission of knowledge in 18th century botany: a social network analysis / R. Sigrist, E. D. Widmer // *REDES — Revista hispana para el analisis de redes sociales*. — 2011. — Vol. 21, Nr 7 [digital edition].

Simpkins D. M. Biographical sketch of James Sowerby, written by his son, James de Carle Sowerby, 1825 / D. M. Simpkins // *Journal of the Society for the Bibliography of Natural History*. — 1974. — Nr 6. — P. 402–415.

Simpson D. Ethnographic collecting and the despotism of Joseph Banks / D. Simpson // *Journal of Maritime research*. 2020. — URL: <https://doi.org/10.1080/21533369.2020.1717166> (date of access: 29.04.2021).

Sinclair W. The African Association of 1788 / W. Sinclair // *Journal of the Royal African Society*. — 1901. — Vol. 1, Nr 1. — P. 145–149.

Smith V. Banks, Tupaia, and Mai: Cross-cultural exchanges and friendship in the Pacific / V. Smith // Paregron. 2009. — Vol. 26, Nr 2. — P. 139–160.

Sowerby J. A botanical drawing-book / J. Sowerby. — London, 1788. — 12 p.

Sowerby J. English botany Or, Coloured Figures of British Plants, with their Essential Characters, Synonyms and Places of Growth. Published and illustrated by James Sowerby / J. Sowerby. — London : Robert Hardwick, 1790. — Vol. 1, Nr 1.

Stuffing Birds, Pressing Plants, Shaping Knowledge Natural History in North America, 1730–1860 / ed. S. E. Prince // Transactions of the American Philosophical Society. New Series. — Philadelphia : American Philosophical Society. — 2003. — Vol. 93, Nr 4. — i–xviii, 1–113 p.

The Botanical Magazine. — 1787. — Vol. 1. — 470 p.

The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century / ed. Y. Batsaky, S. B. Cahalan, A. Tchikine. — Washington : Harvard University Press. — 2017. — 406 p.

Thompson G. Memoirs of the late Dr. John Fothergill / G. Thompson. — London, 1782. — ii, 154 p.

Thunberg C. P. Resa uti Europa, Africa, Asia, förrättad åren 1770–1779 / C. P. Thunberg. Upsalla, 1788. — 390 p.

Tillaeus P. C. Potus theae: quem dissertatione medica / P. C. Tillaeus, C. Linney. — Uppsala, 1765. — 16 p.

Tyler-Whittle M. S. The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants / M. S. Tyler-Whittle. — London : Chilton Book Company, 1970. — 328 p.

Walpole J. A History and Dictionary of British Flower Painters. 1650–1950 / J. A. Walpole. — Woodbridge : Antique Collectors Club, 2006. — 236 p.

West Ham Park. — URL: <https://historicengland.org.uk/listing/the-list/list-entry/1001685> (date of access: 23.08.2021).

William Curtis / Quakers in the world. — URL: <https://www.quakersintheworld.org/quakers-in-action/254/William-Curtis> (date of access: 11.11.2020).

Wills H. Joseph Banks and Charles Blagden: cultures of advancement in the scientific worlds of late eighteenth-century London and Paris / H. Wills // Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society. — 2019. — P. 477–497.

Научное издание

Шипицына Юлия Сергеевна

РОЖДЕНИЕ БОТАНИКИ В БРИТАНИИ:
ИМПЕРСКИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРСЫ
(последняя треть XVIII — начало XIX в.)

Редактор *В. И. Попова*

Корректор *В. И. Попова*

Компьютерная верстка *В. К. Матвеев*

Подписано в печать 15.12.2021. Формат 60 × 84 1/16.

Уч.-изд. л. 8,9. Усл. печ. л. 9,30.

Гарнитура Minion Pro. Бумага офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ № 301.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>